

ВЫПУСК 8

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

СССР:

С С С Р

В Н У Т Р Е Н Н И Е

П Р О Т И В О Р Е Ч И Я

8

**СССР: В Н У Т Р Е Н Н И Е
П Р О Т И В О Р Е Ч И Я**

8

**Р Е Д А К Т О Р
В а л е р и й Ч а л и д з е**

CHALIDZE PUBLICATIONS, 1983

**В девятом выпуске журнала
СССР: ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ**

читайте

В.Чалидзе. Правозащитное движение — проблемы и перспективы.

Л.Алексеева. К вопросу о социальных противоречиях в СССР.

А.Каценелинбойген. Стыдливая инфляция в СССР
И.Рудницкий. Переяславль — история и миф.
Каверин о состоянии советской литературы.

INTERNAL CONTRADICTIONS IN USSR

Number 8, edited by Valery Chalidze

Copyright 1983 by Chalidze Publications

Published by Chalidze Publications

Benson, Vermont 05731 USA

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Людмила Алексеева.</i> Инакомыслие в СССР. Опыт статистического анализа.	5
<i>Арон Каценелинбойген.</i> Коррупция в СССР.	62

Национальные проблемы

<i>Александр Гершкович.</i> Письма о еврейском театре в Москве.	103
--	-----

Дискуссия о будущем СССР

<i>Д.Васильев.</i> Коалиция надежды.	139
<i>Дж. Берлинер.</i> Советская экономика— планирование и управление.	197

Personalia. Воспоминания.

<i>Ксаверий Прушинский.</i> Они не вернулись.	254
---	-----

ИНАКОМЫСЛИЕ В СССР ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Советский диссидент — область малоизвестная не только западным, но и советским людям. Его основные характеристики, как и вообще всей внутренней жизни в Советском Союзе, — пестрота, многообразие и разрозненность составных частей, а также почти полная невидимость на поверхности того, что составляет реальную общественную жизнь.

То, что называется "диссидентским движением в СССР" — это не только движение за права человека (иногда делается такое отождествление), но целый конгломерат гражданских общностей, противостоящих разным аспектам официальной идеологии или политики. Это национальные движения: за сохранение национальной самобытности и культуры, за национальную самостоятельность (украинское, литовское, грузинское, армянское, эстонское и особняком стоящее — русское), движения за возвращение на историческую родину — крымских татар и месхов, добивающихся отмены дискриминационных запретов на проживание соответственно в Крыму и в Месхетии; движения евреев и этнических немцев за выезд из Советского Союза в Израиль и в ФРГ соответственно; движения за свободу вероисповедания — бапти-

стов, пятидесятников, адвентистов, католиков и православных; всего несколько лет назад возникшее движение за социально-экономические права и — правозащитное движение. Эти движения различны по целям, по составу участников и по масштабам и почти не связаны между собой.

Разрозненность национальных и религиозных движений объясняется прежде всего отсутствием у их участников соответствующей информации. Под жестким идеологическим контролем все средства информации — от букварей на любом языке до исторических и социологических исследований, не говоря уж о прессе и других средствах массовой информации, направлено на подкрепление тезиса о "единстве и монолитности" советского общества, его "сплоченности вокруг партии и правительства". В такой обстановке, скажем, литовец, знающий о проблемах своей нации, своей церкви по собственному жизненному опыту, ничего не знает об украинских проблемах, хотя они довольно близки к его собственным.

Но не только отсутствие информации мешает объединению. Национальные и религиозные чувства, цементирующие каждое движение изнутри, не создают почвы для этого, а порой мешают объединиться. Ни одно из национальных и религиозных движений не смогло стать связующим звеном между всеми остальными. В этом отличие Советского Союза от Польши. В польском обществе, однородном в национальном и религиозном отношениях, национальные и религиозные чувства сплотили сопротивление в масштабе всей страны. В пестром советском обществе

эти же чувства замыкают людей внутри своей национальной или религиозной общности, изолируя от остальных.

В таком неоднородном обществе как советское связующую роль смогло сыграть только правозащитное движение. Оно оказалось естественной точкой притяжения для всех остальных движений именно благодаря своей общегражданской направленности и нейтральности в национальном, религиозном и политическом отношении.

Основные функции правозащитного движения — сбор и предание гласности нарушений гражданских прав в СССР, защита этих прав безотносительно к национальным, религиозным и социальным делениям. Информационные функции правозащитники осуществляют через самиздатские информационные издания (самое известное из них — “Хроника текущих событий”, существующая с 1968 г.) и через открытые правозащитные ассоциации.

Первые контакты правозащитников с участниками национальных и религиозных движений наладились благодаря “Хронике” — она публиковала информацию обо всех известных ее редакции случаях нарушений прав человека в СССР, в том числе о нарушениях национального равноправия и свободы любого вероисповедания. Участники национальных и религиозных движений одни за другими нашли путь к “Хронике” и стали передавать для нее информацию.

В мае 1969 г. в Москве возникла первая правозащитная ассоциация — Инициативная группа

по защите прав человека в СССР. Ее участники обращались в ООН с жалобами на грубые нарушения прав человека в Советском Союзе. В первом же документе ИГ среди таких нарушений были перечислены преследования участников национальных движений на Украине и в Прибалтике, крымских татар и евреев, а также суды над верующими, добивающимися свободы вероисповедания.¹ Эти проблемы поднимал и Комитет прав человека в СССР, созданный в 1970 г.² Фонд помощи политзаключенным, основанный в 1974 г., стал заботиться обо всех категориях политзаключенных, это тоже способствовало объединению.

Следующий шаг на этом пути произошел благодаря созданию Московской хельсинкской группы (май 1976 г.), когда по ее примеру аналогичные группы были созданы участниками наиболее развитых национальных движений — украинского, литовского, грузинского и армянского, а затем сформировались правозащитные группы адвентистов (1978 г.) и пятидесятников (1980 г.). Эти группы, как и МХГ, основывали свою деятельность на гуманитарных статьях Заключительного Акта Хельсинкских соглашений³.

Таким образом сформировалась общая для всех этих движений идейная база — требование соблюдения гуманитарных статей Заключительного Акта Хельсинкских соглашений, в которых сформулирован минимум гражданских прав, обязательный для всех стран, подписавших этот документ.

Общими являются и методы осуществления этих требований — ненасильственная борьба в рамках советской конституции и принятых Советским Союзом международных обязательств по правам человека. Таким образом, по характеру требований и по методам их достижения все эти движения являются правозащитными. Отличие их от движения за права человека — в упоре на национальное равноправие для своей нации у участников национальных движений и на свободу вероисповедания для своих единомыслителей — у участников религиозных движений. Это позволяет говорить, начиная с 1977 г., об этих движениях как об едином явлении — советском диссенте.

Идейная общность способствовала укреплению связей между составляющими его движениями. Хотя Украинская, Литовская, Грузинская и Армянская группы ни в коем случае не являются "филиалами" московской, а действовали самостоятельно, выступление под общим лозунгом сблизило их и с правозащитниками и друг с другом идейно. Однако, в организационном отношении эти группы не были связаны между собой непосредственно, а только через МХГ, с которой все они имели контакты с самого возникновения: сообщение о создании этих групп делались через МХГ на ее пресс-конференциях, и в дальнейшем они отправляли свои документы МХГ и таким образом они получали распространение. Информация о национальных и религиозных движениях в основном шла тем же путем — через московских правозащитников. Известно несколько

документов МХГ, выпущенных совместно с Украинской и Литовской группами.⁴

Кроме МХГ, в январе 1977 г. в Москве был создан Христианский комитет защиты прав верующих в СССР, который ставил своей целью защиту прав верующих всех вероисповеданий. Христианский комитет тоже работал в тесном контакте с МХГ. Комитет был основан православными правозащитниками. Через МХГ он наладил связи с активистами других религиозных движений и впоследствии несколько раз они выступали совместно по общим проблемам.⁵

Власти встревожились этой на глазах возникшей и быстро крепнувшей общностью настолько, что политический урон от утраты доверия Запада не остановил их от разгрома Хельсинкских групп и других объединительных центров. Подавление открытых общественных ассоциаций в 80-е годы, хоть и не прекратило полностью контакты между разными диссидентскими движениями и правозащитниками, но сильно их ослабило, и сейчас говорить о советском диссенте как о чем-то едином можно до некоторой степени условно — не столько как о реально существующем, как о том, что может быть более или менее быстро наладиться при некотором ослаблении давления. При этом очень важно, что опыт правозащитных ассоциаций ясно показал, каким путем возможно достигнуть единства.

И еще одна оговорка. Определить точное число участников диссидентского движения принципиально невозможно из-за отсутствия формального членства. Задача эта затрудняется также ес-

тественным нежеланием во многих случаях огласки причастности к диссидентскому движению из-за опасения репрессий. Но главным препятствием является отсутствие не только формального членства, но и общепризнанного признака принадлежности к диссидентскому движению. Нет четких границ между смутным и осознанным стремлениями к осуществлению своих прав, между осознанием бесправия и борьбой против него. В каждом диссидентском движении участвуют люди разной степени активности — от кладущих на его алтарь свою жизнь до действующих лишь изредка и очень робко. Годами отработывался механизм координации всех этих усилий, "разделение труда" между отдельными звеньями этого механизма и разнообразные способы вовлеченности в движение каждого его участника в соответствии с его возможностями и той степенью риска, на которую он готов.

Основная часть практической работы выполняется скрытно: это размножение и распространение самиздата; сбор средств для помощи политзаключенным и их семьям, а также помощь участникам движения, лишившимся работы; сбор информации о нарушениях гражданских прав и передача этой информации в информационные издания и в правозащитные ассоциации; передача на Запад этой информации и рукописей, которые невозможно опубликовать в СССР и др. Западным корреспондентам и околодиссидентской публике известна лишь малая часть активистов, выполняющих совершенно определенную функцию — говоря на западный лад, "спикеров" дви-

жения. Их в каждый данный момент ровно столько, сколько требуется для выполнения их задачи — не более двух-трех десятков даже в периоды наибольшей активности движения. Каждый раз, когда происходят аресты среди этой функциональной группы, со стороны создается впечатление, что движение доживает последние дни. Такие утверждения делались в 1968, 1972 и 1977 гг. и постоянно повторяются с начала 1980 г. Но каждый раз предсказания о гибели движения оказывались ошибочными: место выбывших занимали новые люди — новые для сторонней публики, но обычно — давние участники движения, передвинувшиеся из “невидимых” областей в “спикеры”.

Определение действительной численности диссидентского движения должно быть начато с определения понятия “диссидент”. Именно потому, что нет безусловного критерия, так не совпадают оценки численности участников диссидентского движения — одни говорят: “это горсточка”, другие — “это широкое движение”.

Считать ли участником движения человека, который разделяет его идеалы, но ничего в нем не делает, или только тех, кто постоянно в нем участвует, презрев благополучие своей семьи и собственную безопасность? А если кто-то раз или два заявил протест, когда это касалось его собственных прав или прав близких ему людей — можно ли такого человека считать диссидентом? Диссидент ли писатель, который борется только за свободу собственного творчества? Или крым-

ский татарин, годами отстаивающий для себя одно-единственное право — жить в Крыму?

Я предлагаю считать участником диссидентского движения каждого, кто хотя бы однажды открыто выступил против какого-то аспекта официальной идеологии или каких-то действий властей. Каждое такое выступление в советских условиях — акт гражданского мужества и, как правило, решившиеся на это не только пассивно сочувствуют движению, но и участвуют так или иначе в "невидимой" его деятельности. Предлагаемый мной критерий не приведет к неоправданно широкой оценке численности участников диссидентского движения и скорее может сузить, чем расширить круг признаваемых его участниками. Мне известно немало людей, которые, оставаясь "невидимыми", очень много делают для развития движения и по праву могут считаться его ценными участниками: скажем, машинистки, которые перепечатывают самиздат; люди, передающие информацию за рубеж; помогающие материально нуждающимся активистам движения и политзаключенным. Но, думаю, что поскольку среди открыто выступивших однажды или дважды имеется какая-то часть "случайных" людей, они уравниваются в наших подсчетах тех, кто, безусловно, является участником движения, не выступая открыто.

Исходя из такого понятия "диссидент", можно определить численность участников каждого движения в порядках "сотни", "тысячи", "десятки тысяч" и "сотни тысяч".

Относительно некоторых движений имеется достаточно данных для прямого определения в таком приближении численности их участников — это религиозные движения баптистов, католиков и пятидесятников и национальные движения — литовское, эстонское, грузинское, крымских татар и месхов. О численности участников остальных движений можно сделать предположения на основании косвенных данных. О некоторых движениях (иеговистов, лютеран, методистов, латышей, молдаван) данных настолько мало, что о них можно сказать лишь, что эти движения существуют и что состав их участников не широк.

Религиозный диссент

По официальным данным (в радиовыступлении 24.04.1979 г. директора Института научного атеизма П. Курочкина), 8-10% взрослого населения СССР — активные верующие (соблюдают обряды, регулярно посещают церковь). По данным журнала "Советский Союз сегодня" верующих в СССР гораздо больше: 10-20% взрослого населения в городах и 15-20% в деревнях.⁶ Численность взрослого советского населения в середине 1979 г. была 199,1 млн.⁷, т.е. 20% — это 39,8 млн. человек. Еще более высокую цифру приводит член редколлегии журнала "Наука и религия" Э. Лисавцев⁸. Он считает верующими 25-30% советского населения — это 49,7 — 59,7 млн. человек.

Религиозное сознание, безотносительно к вероисповеданию, противостоит официальной совет-

ской идеологии, которая является резко атеистической. Однако, было бы ошибкой считать всех верующих людей диссидентами. Попробуем выделить участников религиозного диссента из многомиллионной массы верующих, рассмотрев имеющиеся у нас данные по разным вероисповеданиям.

Католики в СССР живут компактно в Литве, Белоруссии, Молдавии, Казахстане и в Таджикистане. Общая численность наций, традиционно исповедующих католицизм, в СССР — около 4 миллионов человек. Кроме того, на Украине имеются приверженцы униатской церкви (главным образом, в западных областях Украины). В Белоруссии, в Молдавии и в восточных районах СССР католики постоянно подвергаются сильным стеснениям, о чем неоднократно сообщала "Хроника текущих событий". Так, в Молдавии, Белоруссии и Казахстане многие храмы не имеют священника.⁹ Хотя известны случаи сопротивления верующих закрытию и сносу церквей,¹⁰ трудно сказать что-либо о численности участников сопротивления в этих республиках.

Украинская униатская церковь в 1946 г. насчитывала около 4 млн. приверженцев.¹¹ Она была насильственно объединена с Русской православной церковью и отошла под руководство московской патриархии. Однако, значительная часть верующих сохранила приверженность своей религии. Некоторые из них по видимости соблюдают принадлежность к православной церкви — это "тайные униаты", а часть выделилась в катакомб-

ную церковь. Неизвестна численность ни прихожан, ни активистов этой церкви. Известно лишь, что униаты составляют большинство верующих в Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областях Украины и значительную часть верующих в Закарпатье и Молдавии, а также среди украинцев, выселенных в Сибирь, Казахстан и Центральную Азию. Униатская катакомбная церковь возглавляется кардиналом Иосифом Слипым (Ватикан), имеет своих епископов и священников — около 300-350 человек.¹² Имеется группа униатов (наименьшая по численности и наиболее радикальная), называемая "кающимися" (или, по-украински, — "покутники"). Эта группа возникла в 50-е годы. Ее приверженцы не принимают участия в советской жизни, протестуя таким образом против порабощения Украины.

"Кающиеся", несомненно, являются религиозными диссидентами, но и их численность нам неизвестна.

В марте 1973 г. 1200 униатов Львовской области подписали петицию к властям с требованием легализовать униатскую церковь и вернуть верующим закрытые храмы.¹³ В последние годы униаты активизировались, о чем стало известно из сетований зам. председателя КГБ С. Цвигуна.¹⁴

Наиболее крупный массив католиков в СССР составляют литовцы. Из 2 млн. 712 тыс. литовцев, проживающих в Литовской ССР,¹⁵ большинство — практикующие католики.

С начала 70-х годов в Литве развивается католическое движение. Это наиболее широкое из

христианских диссидентских движений в СССР. Его естественными центрами являются церковные приходы, а руководителями — священники. Информационным органом католического движения стала самиздатская "Хроника Литовской католической церкви", выходящая с 1972 г., а рупором — Католический комитет защиты прав верующих в Литве, созданный в 1978 г. группой католических священников. 552 практикующих из 708 литовских священников письменно поддерживали Католический комитет, когда тот заявил, что литовская католическая церковь не будет выполнять Положения о религиозных объединениях, принятое Верховным Советом Лит. ССР в июле 1976 г., поскольку оно противоречит канонам Римской церкви и нарушает конституционные гарантии отделения церкви от государства, т.е. является антиконституционным.¹⁶ Благодаря решительному отпору священников это Положение так и осталось на бумаге.

Литовские католики неоднократно подписывали коллективные протесты против стеснения свободы вероисповедания. Большинство таких протестов подписано прихожанами одного или двух-трех смежных приходов. Однако, в январе 1972 г. был отправлен вселитовский меморандум Брежневу с перечислением ущемлений прав верующих и требованием обеспечить свободу совести, гарантированную советской конституцией. Под меморандумом стояло 17054 подписи.¹⁷ В начале 1980 г. тому же Брежневу была отправлена петиция с требованием вернуть верующим со-

бор в Клайпеде, построенный на их средства и конфискованный под филармонию. Под этой петицией — 148199 подписей.¹⁸ Вот эти 148000 человек я и считаю диссидентами-католиками. Наибольшее число подписей под этими петициями принадлежит прихожанам приходов в сельских местностях и небольших городках, в большинстве — женщинам, особенно пожилым. Они составляли верный оплот католической церкви в Литве в ее самые тяжелые времена. Однако, в последние годы быстро растет среди активных верующих доля молодежи и жителей больших городов — приверженность католичеству стала как бы визитной карточкой литовца-патриота.

Баптисты (евангельские христиане-баптисты — ЕХБ).

По официальным данным (Всемирного Совета церквей), в СССР имеется 545 тысяч протестантов — ЕХБ, пятидесятников, менонитов и адвентистов. Эта цифра учитывает лишь зарегистрированные общины, объединенные вокруг Всесоюзного Совета церквей ЕХБ — ВСЕХБ (5060 общин)¹⁹ (при том лишь взрослых членов).

Однако в СССР существуют тысячи незарегистрированных общин, не признающих ВСЕХБ. Незарегистрированные ЕХБ имеют свой руководящий орган — Совет церквей ЕХБ. Расхождения между ВСЕХБ и СЦ ЕХБ — не догматические, они касаются одного-единственного пункта: о подчинении церкви атеистическому государству. Совет церквей считает, что навязываемые советским государством правила регистрации наруша-

ют самостоятельность внутрицерковной жизни и свободу совести верующих, по этой причине они и отказываются от регистрации.

В начале 60-х годов большая часть ЕХБ отвергла регистрационные правила. Сильное давление на незарегистрированные общины, аресты противников регистрации, с одной стороны, и некоторое смягчение регистрационных правил, — с другой, постепенно привели значительную часть общин под сень ВСЕХБ. Однако, положение не стабилизировалось. В периоды соблюдения властями относительной независимости внутрицерковной жизни какая-то часть баптистских общин, прежде отказывавшихся регистрироваться, соглашается на регистрацию, при усилении напора со стороны властей происходит отток от ВСЕХБ к независимому Совету Церквей. Иной раз, наоборот, усиление репрессий заставляет часть независимых общин согласиться на подчинение ВСЕХБ. Таким образом, соотношение зарегистрированной и незарегистрированных общин не является постоянной величиной, а часто меняется. Однако, примерно 2 тысячи общин — около 70 тысяч взрослых членов, с семьями — около 300 тысяч человек — неколебимо остаются верными Совету Церквей ЕХБ, несмотря ни на какие изменения в политике властей по отношению к баптистской церкви.²⁰ Отказ от регистрации и под угрозой преследования — это акт открытого протеста против советской политики в области религии. Поэтому общины, объединенные Советом Церквей ЕХБ, я считаю диссидентской частью баптистского братства. Незарегистрирован-

ные общины имеют свободные руки для проповедничества, запрещаемого регистрационными правилами, и очень активны в проповедничестве. Благодаря их энтузиазму баптистская церковь приобрела заметное число новых сторонников. Особенно активную проповедническую деятельность ведут незарегистрированные общины пятидесятников и адвентистов. Успешность проповедничества и быстрый рост независимых протестантских общин отмечают и православные и католические священники.²¹

Пятидесятники — (христиане веры евангельской) близкие по доктрине к баптистам, до 1980 г. существовали без объединяющего центра. В 1980 г. они создали Братский совет, объединивший большинство пятидесятнических общин, отказывающихся от регистрации (зарегистрированные не имеют собственного центра и подчинены ВСЕХБ). Общины, признавшие Братский Совет, насчитывают около 200 тысяч взрослых членов, что вместе с семьями составляет примерно 1 млн. человек.²²

Противостояние государственному диктату среди пятидесятников приняло форму борьбы за исход из безбожной страны. К 1979 г. численность подавших заявления на выезд достигла 30 тысяч человек.²³ Однако, разрешение на выезд получили лишь несколько семей. Несмотря на постоянные преследования добивающихся эмиграции и посулы улучшить условия материальной и религиозной жизни тем, кто заберет заявление о выезде, подавляющее большинство по-

давших на выезд продолжает настаивать на своем праве покинуть Советский Союз. Они создали комитеты для координации действий между общинами, добивающимися эмиграции, и обращаются с коллективными заявлениями к руководителям стран, подписавших Хельсинкские соглашения, и к международной общественности с призывами о помощи. Из общего числа пятидесятников я считаю диссидентами этих активно действующих 30 тысяч человек.

Адвентисты. Зарегистрированные общины адвентистов, как и пятидесятников, подчинены ВСЕХБ. Адвентисты, не признавшие регистрации, еще в 1929 г. выделились в самостоятельную церковь и приняли название Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня. Церковь эта отвергает какой бы то ни было контроль со стороны атеистического государства, опираясь на религиозные заповеди и на закон об отделении Церкви от государства. В вероучении верных и свободных адвентистов очень сильны гражданские мотивы и мотивы свободы и достоинства человеческой личности. Сторонники этой церкви — активные диссиденты-правозащитники. Численность сторонников церкви ВСАСД скрывается из-за ее запрещенного положения, но численность эту можно определить (приблизительно, конечно), сравнивая данные о преследованиях баптистов и адвентистов.

Аресты баптистов приходятся, за единичными исключениями, на незарегистрированные общины, т.е. на 70 тысяч человек. Уровень репрес-

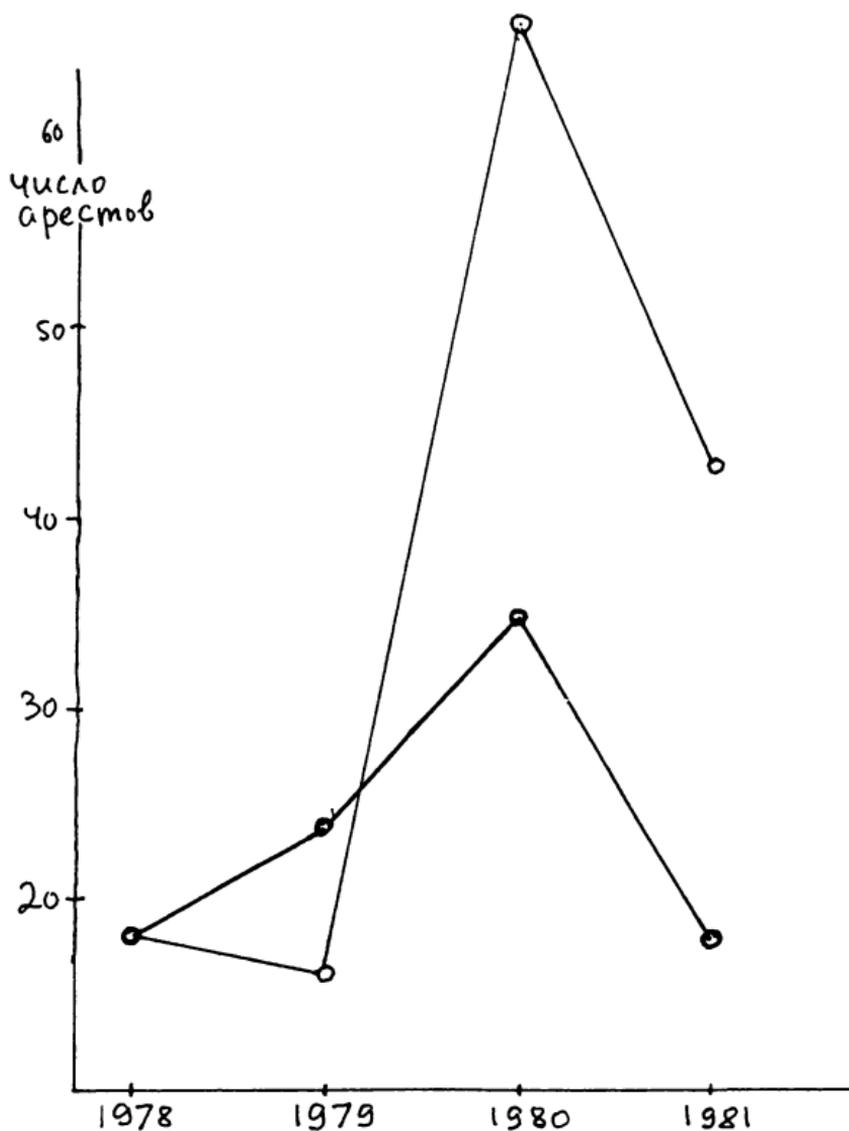
сий незарегистрированных баптистов и адвентистов можно считать одинаковым. Если и есть различие, то оно лишь в том, что адвентистов чаще судят не по "религиозным" статьям и не по сфабрикованным уголовным ("тунеядство", "сопротивление милиции"), которые применяют против баптистов, а по ст. 190-1 УК РСФСР ("клевета" на советский строй, т.е. политическая статья) — за распространение открытых писем Всесоюзного Совета церкви ВСАСД. Эти письма представляют собой правозащитные документы руководства церкви ВСАСД.²⁴

Известны данные об арестах баптистов за 1966-1981 гг., но адвентистов — лишь за 1978-1981 гг. Сравним данные за эти годы:²⁵

	1978	1979	1980	1981	Всего
Баптисты	18	16	66	43	152
Адвентисты	18	24	35	18	87

На графике это выглядит таким образом (см. график).

Вид графика подтверждает исходную идею о сравнимости уровня репрессий этих церквей. Исходя из этого, можно полагать, что процент арестованных от общего числа сторонников этих церквей приблизительно одинаков, что дает возможность установить численность членов ВСАСД по формуле:

**Данные об арестах
баптистов и адвентистов
за период с 1978 по 1981 гг.**

$$\begin{aligned} \text{Число} & \quad \text{Число арестованных} & & \quad 87 \\ \text{членов} & = \frac{\text{арестованных}}{\text{баптистов}} & = & \frac{87}{2.17 \times 10^{-3}} = \\ \text{ВСАСД} & & & \\ & & & = 40.000 \text{ человек.} \end{aligned}$$

Национальный состав протестантских общин очень разнообразен, среди них большинство — русские и украинцы, но есть представители многих других наций, населяющих СССР. Однако, в социальном отношении эти общины однородны — их составляют, в основном, рабочие и мелкие служащие. Это в равной степени относится к баптистам, пятидесятникам и адвентистам.

Такое положение сложилось искусственно, так как "сектантам" закрыты двери в учебные заведения сверх обязательного 8-летнего школьного обучения. Имеют более высокое образование лишь те из них, кто пришел к вере после получения диплома или в тех редких случаях, когда в течение студенческих лет удавалось скрыть свою принадлежность к "секте". По свидетельству ведущего деятеля независимой баптистской церкви Георгия Винса, баптисты старшего возраста — в подавляющем большинстве рабочие и лишь среди молодых встречаются люди со средним техническим образованием, что подтверждается данными о профессиях протестантов, иногда указываемые в их документах — в подавляющем большинстве речь идет о рабочих.

Православная церковь имеет наибольшее число приверженцев в Советском Союзе (по подсчетам церковного писателя А.Э. Левитина-

Краснова, — 40 млн. человек). Однако, традиционное для Русской православной церкви на протяжении всей ее истории сотрудничество ее иерархии со светской властью в советских условиях сделало эту церковь наиболее зависимой и наиболее притесняемой из разрешенных церквей. Попытки верующих противостоять давлению чаще всего проявляются в требованиях возвращения отнятых у них храмов или возвращения снятых с должностей священников.²⁶ Но так как ни высшая иерархия РПЦ, ни священники эти попытки не поддерживают, они довольно редки для такой большой церкви. Общая численность участников нескольких известных петиций исчисляется не более чем в тысячах человек.

В последние годы возродилась тяга к православной церкви, особенно в больших городах, таких как Москва и Ленинград, но новообращенные в большинстве воспринимают традиционную для православной церкви гражданскую пассивность.

Выступления в защиту православной церкви предпринимал Христианский комитет защиты прав верующих в СССР, основанный в 1977 г.,²⁷ но в эту деятельность среди православных были вовлечены десятки, во всяком случае, не более нескольких сотен человек, так что о пробуждении интереса к православию можно говорить как об явлении культурной и духовной жизни, но не как о гражданской позиции.

В 80-е годы появилась такая форма православного диссента как размножение и распространение религиозной литературы. В апреле

1982 г. в Москве были арестованы 6 человек, наладивших ксерокопирование молитвословов и дореволюционных брошюр с жизнеописаниями популярных в народе в начале века святых. Однако, по свидетельству поэта Юрия Кублановского, принадлежащего к православной среде, религиозное возрождение ощущается в ней не в активной позиции в защиту церкви, а в

“потенциальной готовности к жертве, в безукоризненной честности..., в воспитании подрастающих детишек, в творчестве, молитве за пострадавших, за Родину”.²⁸

Из-за распространенности, в основном, этой пассивной позиции на десятки миллионов приверженцев РПЦ лишь с большой натяжкой можно посчитать несколько тысяч диссидентов.

* * *

Национальные движения

Крымские татары дают пример всенародного и хорошо организованного правозащитного движения. Цель этого движения — возвращение народа на историческую родину, в Крым, откуда крымские татары были высланы 18 мая 1944 г. по огульному обвинению в “измене”.

Методы этого движения, длящегося уже четверть века, — петиции к властям с требованием исправить беззаконие, совершенное над крымско-татарским народом, митинги, демонстрации и,

наконец, переселение в Крым вопреки запретам и препонам со стороны властей.²⁹

Крымско-татарские петиции в центральные органы власти составляют многотомную библиотеку. В 60-е годы повсеместно в районах поселения крымских татар были созданы Инициативные группы. Вошедшие в них 5 тысяч активистов собрали под петициями более 3 млн. подписей.³⁰ Это значит, что многие подписи повторялись многократно под разными документами: по переписи, проведенной активистами крымско-татарского движения в 1971 г., крымско-татарский народ составил 833 тысячи человек (в официальной переписи 1970 г. национальность "крымский татарин" отсутствует, из-за чего и была проведена "самоперепись").³¹ Наибольшее число подписей стоит под петицией к XXIII съезду КПСС (март 1966 г.) — более 130 тысяч человек, т.е. почти все взрослые крымские татары.³² Мы можем принять эту цифру — 130 тысяч человек — за численность участников крымско-татарского движения, поскольку, надо полагать, большинство подписавших петиции с меньшим числом подписей подписали и эту.

В 70-е годы уже не было крымскотатарских петиций с таким большим числом подписей из-за естественного разочарования в обращениях к властям. Однако, в 1971 г. в Ташкентской обл., где проживает значительная часть крымско-татарского народа, был проведен опрос 18 тысяч взрослых крымских татар относительно их отношения к переселению в Крым. Только 9 человек высказались против возвращения, 11 воз-

держались от ответа, остальные были за возвращение.³³ Поскольку в 1979 г. удалось выполнить это лишь ничтожной доле народа — не более 15 тыс. человек смогли вернуться в Крым,³⁴ то можно считать 130 тысяч человек, выразивших это желание в 1966 г., горячими сторонниками переселения и в настоящее время.

Месхи — 300-тысячный народ, который был, как и крымские татары, в 1944 г. выселен из Месхетии, расположенной на юге Грузии, и добивается возвращения в Месхетию или хотя бы в Грузию.

Месхи время от времени собираются на "все-народные собрания", на которых избирают представителей, отправляющихся в Москву с петициями. Самым многолюдным было 22-е собрание в апреле 1968 г. в городе Янгиюль (Узбекистан). Там собралось 6 тысяч человек.

24 июля 1968 г. 7 тысяч месхов съехались в Тбилиси и пришли к Дому правительства Грузии, требуя приема. Они простояли там два дня, пока их не принял тогдашний первый секретарь ЦК КП Грузии Мжаванадзе. Он пообещал месхам постепенно переселить их в Грузию, и они разъехались по местам ссылки.³⁵ Обещание это не было выполнено, и борьба продолжается. В 1976 г. часть месхов обратилась в Московскую Хельсинкскую группу с просьбой о помощи — письмо подписали 1100 глав семей.³⁶ Численность наиболее представительного собрания месхов, таким образом, — 7 тысяч человек. Ее я приняла за численность диссента месхов.

Литовское национальное движение. К 148 тысячам диссидентов-католиков в Литве надо прибавить литовский национальный диссент. Это близкие, но не совпадающие понятия. Конечно, литовские католики небезразличны к своим национальным проблемам и являются потенциальной базой литовского национального движения в Литве, как говорилось выше, являются села и небольшие города — именно там собрана основная масса из 148 тысяч подписей под самой представительной петицией католиков, а основную базу национального движения в Литве представляют большие города, особенно столичный Вильнюс и промышленный Каунас. В этих городах неоднократно имели место демонстрации под национальными лозунгами. В Каунасе такие демонстрации состоялись 18 и 19 мая 1972 г. в связи с самосожжением 18-летнего каунасского школьника Ромаса Каланты, протестовавшего таким страшным способом против советского владычества в Литве. Демонстранты выкрикивали "Литва! Свобода!". Численность демонстрантов точно неизвестна, имеющиеся оценки таковы: "очень большая толпа", "движение транспорта было приостановлено".³⁷ Определим ее в 5 тысяч человек.

В Вильнюсе демонстрации под национальными лозунгами происходили несколько раз. Наиболее многочисленная из них состоялась в октябре 1977 г. после футбольного матча.³⁸ В ней участвовало, по словам очевидцев, 10-15 тыс. человек (примерно половина "болельщиков" со стадиона вместимостью 25 тысяч человек). Демонстрация

была спонтанной, — по результатам матча. Знаменательно, что половина “случайной” выборки населения столицы — “болельщиков” — оказалась вовлеченной в демонстрацию под национальными лозунгами без особого к тому повода, лишь под влиянием спортивного возбуждения. В виду этой особенности демонстрации я учитываю не наименьшую, а наибольшую из указанных цифр — 15 тысяч человек. Вместе с каунасской демонстрацией это составляет 20 тысяч человек. Я сознаю, что и это — заниженная цифра, так как, случись самосожжение Каланты не в Каунасе, а, скажем, в Шяуляе, там, несомненно, нашлись бы люди для такой же демонстрации, и так в каждом крупном городе. Но, придерживаясь установленного мною самой правила зачислять в диссиденты только тех, кто участвовал в открытых выступлениях, я останавливаюсь на цифре 20 тысяч участников литовского национального диссента.

Их социальный состав — обычный состав населения больших городов и футбольных болельщиков: рабочие, служащие, техническая интеллигенция, студенты.

Эстонское национальное движение стало заметным лишь в конце 70-х годов. Основной формой выступлений под национальными лозунгами являются демонстрации. Первая такая демонстрация состоялась в сентябре 1978 г. в университетском городе Тарту, в ней участвовали около 150 молодых людей. С тех пор такие демонстрации в Эстонии происходят ежегодно. Самые большие из них имели место в Таллине в сентябре 1980 г. —

в этой демонстрации участвовало около 5 тысяч старшекласников,³⁹ и в Тарту в сентябре 1982 г. — тоже 5-тысячная демонстрация, но не школьническая, а студенческая.⁴⁰ В октябре 1980 г. были демонстрации в Пярну и других эстонских городах, но численность их участников неизвестна, поэтому определим общее число демонстрантов в 10 тысяч человек (участники демонстраций в Таллине и в Тарту) — это и будем считать численностью участников эстонского национального движения.

Латвия. В Латвии нет массового национально-го движения, его участники исчисляются десятками, может быть, сотнями, но нет достаточных данных для сколько-нибудь определенного описания этого движения, а тем более для подсчета его участников. Ясно одно — они немногочисленны.

Грузия. Национальное движение Грузии одушевлено сохранением и развитием грузинской культуры и языка. Это движение по преимуществу интеллигентское. Массовую его базу составляет студенчество, прежде всего университетское.

9 мая 1956 г. в Тбилиси произошла многотысячная студенческая демонстрация под просталинскими лозунгами: разоблачения сталинских преступлений были восприняты грузинским студенчеством как антигрузинские. Против демонстрации были пущены танки, и погибло, по данным самиздата (возможно, завышенным) около 500 человек.⁴¹ После этого более 20 лет в Грузии не было массовых выступлений. Однако

14 апреля 1978 г. в Тбилиси состоялась молодежная демонстрация, вызванная намерением властей внести поправку в ст. 75 Конституции Грузинской ССР, чтобы лишить грузинский язык статуса официального языка республики. Петицию против изменения ст. 75 в таком направлении подписали самые видные ученые-гуманитарии Грузии, в том числе академики. Демонстрация собрала более 10 тысяч участников.⁴² Примем эту цифру как численность участников грузинского национального диссента, так как демонстрации 1980-1981 гг. были гораздо малочисленней — по несколько сот человек, но они повторялись ежегодно 14 апреля — этот день стал днем молений за Грузию.⁴³

Армения. 24 апреля 1965 г., в 50-летие массовой гибели армян в Турции, стихийная демонстрация в Ереване в память о жертвах армянского народа собрала 100-тысячное траурное шествие.⁴⁴

С того времени не ослабела национальная ущемленность армян в Советской Армении (население — 3037259 тыс. человек, из них 2724975 — армяне) и особенно за ее пределами, где проживает около 35% всех армян, находящихся в СССР.⁴⁵ Однако ни до, ни после 1965 г. не было ни одного сколько-нибудь заметного по численности участников выступления.

Ведущей силой армянского национального движения является Национальная объединенная партия (НОП), возникшая в 1966 г. Первоначально НОП ставила своей целью "решить армянский

вопрос” — объединить всех армян в национальном государстве, которое должно было бы включать не только территорию нынешней Армянской ССР, но и прилегающие к ней районы Грузии и Азербайджана с преимущественным армянским населением, а также Западную Армению, сейчас принадлежащую Турции и составляющую треть ее территории.⁴⁶ В 1974 г. программа НОП была изменена ее нынешним лидером Паруйром Айрикяном. В этой программе тоже речь идет об Армении в ее “исторических границах”, но лишь как об отдаленной, а не как о конкретной цели. Основной упор делается на достижение независимости нынешней Армянской ССР путем выхода ее из состава СССР на основе записанного в советской Конституции права. НОП предлагает организовать всеармянский референдум на этот счет под контролем ООН.⁴⁷ Хотя в программе подчеркивается, что НОП добивается своей цели мирными, конституционными методами, в советских условиях организация с такой целью невысказана как открытая, и НОП вынуждена действовать подпольно. Численность НОП неизвестна, но она наверняка невелика. В течение 15 лет было арестовано около 100 членов НОП. Видимо, на воле их осталось гораздо меньше. Из-за подпольности НОП малоизвестна в Армении, и деятельность ее не имеет широкой поддержки. Так что армянское национальное движение нельзя определить в каких-то заметных цифрах; в него вовлечено, скорее всего, несколько сот человек или одна-две тысячи.

Украинское национальное движение.

Украина по площади (601 тыс. кв.км) превосходит Францию (551,6 тыс.кв.км), население ее более 50 млн. человек, из них 36,4 млн. составляют украинцы.⁴⁸ Это крупнейший из европейских народов, не имеющий государственной самостоятельности. Украина обрела ее лишь ненадолго в 1918 г. (период Украинской Рады). В 1922 г. был закреплен статус Украины как союзной республики в составе СССР.

Украинское национальное движение было подорвано расправой как непосредственно с его участниками, так и с составлявшим его базу украинским крестьянством в годы коллективизации: была проведена массовая высылка сопротивлявшихся коллективизации; масштабы высылки неизвестны, но только в первые два месяца 1931 г. было выслано 300 тысяч человек,⁴⁹ а высылка продолжалась не один год. Около 6 млн. жизней украинских крестьян унес искусственно организованный голод на Украине в 1932 г., когда у крестьян сразу после сбора урожая отобрали все хлебные запасы, не оставив ни на пропитание, ни на посев.⁵⁰ Между тем, именно крестьянство составляло основную массу украинского населения — в 1926 г. 23,8 млн. украинцев были крестьянами и лишь 5,7 млн. составляло городское население, которое еще с дореволюционных времен было к тому же в основном русским.⁵¹ Этот разрыв в национальном составе сельского и городского населения существует на Украине до сих пор, так как его закреплению способствует политика русификации, проводимая весьма после-

довательно с 30-х годов и до сего времени. Успехи русификации показывают следующие цифры: численность русскоязычного населения на Украине с 1970 г. по 1979 г. увеличилась с 13,3 млн. человек до 15,5 млн. человек, т.е. на 2,3 млн. человек, а украиноязычного населения — с 32,77 млн. до 32,9 млн., т.е. всего на 200 тысяч.⁵²

В 1939-1944 гг. к Украине были присоединены западные украинские земли, до тех пор включенные в состав Польши, Румынии и Чехословакии. Население Украинской ССР возросло в связи с этим почти на 8 млн. человек. Присоединение западных областей способствовало возрождению украинского национального движения. В западных областях полнее, чем на советской Украине, сохранилась украинская национальная традиция и была жива традиция национального сопротивления. В Западной Украине существовали подпольные организации, боровшиеся за независимость. Хотя участники этого сопротивления были репрессированы советскими карательными органами, эта традиция не заглохла. Население западных областей Украины составляет 16% населения республики, но 9 из 16 подпольных организаций, известных в 50-70-х годах, приходится на западные области, причем, на западе действовали организации, в которых преобладающей была национальная идея, а в восточной части — общедемократические нейтральные к национальной проблеме и сходные с подпольными организациями тех лет, существовавшими в русской части СССР.

Общеукраинское национальное движение в его

современном виде зародилось в начале 60-х годов, поэтому его зачинателей называли "шестидесятниками". Оно началось как движение за сохранение национальной культуры и языка, против русификации и за демократизацию общественной жизни на Украине. Демократическая тенденция была свойственна нынешнему украинскому движению с самого начала, что способствовало его сближению с правозащитным движением, возникшим в Москве в середине 60-х годов.

Движение "шестидесятников" нашло широкий отклик не только среди интеллигенции, но и в рабочей среде и даже среди украинского эстеблишмента. Это движение распространилось и на западную и на восточную Украину; центром его был Киев.

Движущей силой шестидесятничества была молодая национальная интеллигенция, выходцы из украинских сел с вполне успешными биографиями. Вечера поэзии поэтов-шестидесятников, устраиваемые активистами движения литературные вечера и другие общественные мероприятия неизменно собирали полные залы слушателей, с энтузиазмом приветствовавших каждое проявление национального чувства. Не только в Киеве, но по всей Украине стали традиционными собрания у памятника великому украинскому поэту Тарасу Шевченко 22 мая. В Киеве эти собрания привлекали по несколько сот человек, в других городах — по несколько десятков человек в каждом. Посетителей этих вечеров и собраний можно считать костяком украинского национального движения. В Киеве, во Львове их было до 2-3 тысяч человек

в общей сложности, в других городах по несколько десятков или сотен человек, и во многих селах по несколько человек (учителя, врачи), так что в общей сложности можно считать не менее 10 тысяч человек.

Первые аресты участников украинского национального движения приходятся на 1965 г. — было арестовано более 20 человек. Начиная с 1972 г. репрессии на Украине стали более суровыми, чем в какой бы то ни было другой части СССР — преследуется буквально каждое самое лояльное проявление национального чувства, очень часты приговоры на длительные сроки. Украинцы составляют 16% советского населения, но среди политзаключенных их доля гораздо выше — в политических лагерях в 70-е годы она составляла около 25% и более.⁵³ Именно на Украине стали раньше, чем в других местах, применяться мафиозные методы расправы с инакомыслящими: избиения на улице, обыски без ордера, грубо сфабрикованные уголовные обвинения (в хранении наркотиков, в сопротивлении представителям власти, в изнасиловании и т.д.) и даже политические убийства.⁵⁴

В такой обстановке героическим до отчаяния шагом было создание Украинской хельсинкской группы в ноябре 1976 г. К 1982 г. все члены этой группы находились в заключении, за исключением трех, вытолкнутых в эмиграцию.

Мрачная обстановка на Украине привела к тому, что ныне открытого национального движения там не существует.

Конечно, в открытом виде какая-то активность продолжается, но было бы неверно считать,

что все принимавшие участие в национальном движении в сравнительно благополучные 60-е годы вовлечены в него и ныне. Думаю, сейчас численность участников украинского национального движения исчисляется не в тысячах, а лишь в сотнях, а может быть только в десятках — на это могут быть способны лишь особо смелые и жертвенные люди. Но украинское движение имеет широкую потенциальную базу, поскольку явления, его породившие, не исчезли, а даже углубились. Это позволяет предполагать возможность толчкообразного возрождения украинского национального движения при малейшем ослаблении давления.

Русское национальное движение не представляет собой чего-то единого ни в организационном, ни в идеологическом отношении. Оно включает спектр мнений от агрессивного национализма советского истеблишмента до русских патриотов-интеллигентов, которым не чужды демократические устремления. Духовным вождем русского национального движения является А. Солженицын. Большинство приверженцев русской национальной идеи считает своим программным документом солженицынское "Письмо вождям Советского Союза".⁵⁵ С конца 70-х годов большинство их вслед за Солженицыным эволюционирует ко все более отрицательному отношению к правовому государству и демократии "западного типа", полагая такое развитие несвойственным и нежелательным для России и склоняясь к предпочтению насильной авторитарной власти. Ес-

ли прежде Солженицын и его сторонники рассматривали авторитарный режим как необходимую переходную ступень от тоталитаризма к демократии, то теперь все чаще об авторитарном строе говорится как о чем-то константном для будущей России и специфически русском, а о демократии — как о присущей лишь враждебному России Западу и противной русскому духу. Другая все более заметная тенденция русского национального направления — подчеркивание исключительности русского народа (в форме его особого исторического предназначения или хотя бы в форме тяжелой его судьбы по сравнению со всеми остальными). И русский народ, и вообще все русское противопоставляется Западу и всему “западному” как нечто несовместимое.

В структурном отношении русское национальное движение еще более аморфно, чем остальные диссидентские движения в СССР. Единственная попытка организационного объединения на основе русской православной идеи — возникший в 1964 г. в Ленинграде подпольный Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН), насчитывавший около 30 членов. В 1967 г. ВСХСОН был разгромлен.⁵⁶

В 70-е годы была предпринята попытка объединить приверженцев русского национального движения вокруг открытого самиздатского журнала. Таковым стал журнал “Вече”, созданный в 1971 г. Владимиром Осиповым. Этот журнал просуществовал до 1975 г. Осипов предоставил страницы “Веча” для всех оттенков русского на-

ционального и православного течений, но столь широкий спектр мнений оказался трудно совместимым в одном журнале, и он прекратился из-за несогласий в редколлегии.⁵⁷ С тех пор принадлежность к русскому национальному движению определяется культивированием национальных эмоций и их теоретическим обоснованием отдельными людьми. Иногда это делается в подцензурной культуре, иногда — в самиздате, а чаще — в дружеских беседах, но не в какой-либо практической деятельности. Поэтому сказать что-либо о численности приверженцев этого направления ничего нельзя, кроме того, что эти настроения имеют тенденцию к распространению в интеллигентских кругах, и среди эстеблишмента, и в низах городского населения, но опять же — в виде темы частных разговоров.

Сдвиг либерального крыла русского национального движения "вправо" уменьшил разрыв между ним и националистами из эстеблишмента. Одновременно увеличился разрыв между правозащитным движением, национальными движениями нерусских народов и неправославными религиозными движениями, с одной стороны, и русским национальным направлением, — с другой, так что это направление все более отдаляется от общего потока диссента в СССР.

Еврейское движение.

Основной формой этого движения является борьба за выезд из СССР на историческую Родину — в Израиль. За время существования этого движения (с конца 60-х годов) из СССР по изра-

ильским вызовам выехали около 250 тысяч человек. В конце 1981 г., когда число разрешений на выезд резко сократилось, в стране скопилось около 40 тысяч отказников (по данным коллективного письма евреев-отказников XXVI съезду КПСС).⁵⁸ Но ни подавших на выезд, ни отказников, ни даже активно добивающихся выезда нельзя считать диссидентами в полном смысле слова, так как их заботой является не какая-то общественная проблема, а собственный выезд из СССР. Лишь немногие из отказников в процессе борьбы за выезд начинают проявлять озабоченность состоянием эмиграционной проблемы евреев и добиваются ее разрешения — для евреев или (гораздо реже) для всех граждан СССР. В коллективных петициях такого рода в каждый данный момент участвует по несколько сот человек — это и есть еврейские диссиденты.

Параллельно движению за выезд стала проявляться, особенно с 1981 года, когда эмиграция резко сократилась, активность евреев в налаживании национальной еврейской жизни внутри СССР. В этом принимают участие не только отказники. Во многих городах существуют кружки по изучению иврита, еврейской истории, Библии; в Москве, Ленинграде, Киеве появились самодельные еврейские театральные группы, хоры, стали гораздо шире отмечаться национальные и религиозные еврейские праздники, а также День Катастрофы. В городах, где во время Второй мировой войны произошли расстрелы евреев, в годовщину их гибели собираются митинги на месте трагедии. Власти иногда препятствуют

им, а иногда стараются придать официальный характер, чтобы взять под свой контроль. В этих митингах участвуют и не добивающиеся выезда евреи, участвующие в возрождении национальной жизни своего народа. Это дает возможность определить размеры еврейского движения.

Максимальная численность участников этих митингов: в Киеве в Бабьем Яру — 1000 человек (в 1971 г.),⁵⁹ в Риге — 2000 (в 1970 г.),⁶⁰ в Минске — несколько сот человек (в 1975 г.).⁶¹ В дни религиозных еврейских праздников в Москве около синагоги в середине 70-х — во второй половине 70-х годов собиралось до 2000 человек.⁶² Однако нельзя, сплюсовав эти цифры, отнести их и к последующим годам, как было бы правомочно по отношению к другим движениям, так как большинство или, во всяком случае, весьма значительная часть участников этих собраний впоследствии выехала из СССР. Тем не менее, учитывая, что в последующие годы развитие еврейской национальной жизни как в этих городах, так и в других, где нет традиции митингов (Ленинград, Одесса, Кишинев и др.) сделало успехи, думаю, что правомочно сохранить эту цифру (5-6 тысяч человек) и для начала 80-х годов.

Еврейское движение включает все слои городского населения и людей всех возрастов.

Немцы

Немецкое движение тоже является эмиграционным — за выезд в ФРГ. К концу 1980 г. из

СССР выехало около 68908 немцев.⁶³ К немцам-отказникам можно отнести все сказанное про евреев-отказников. В активной борьбе (петиции, демонстрации) участвует незначительная часть отказников. Такие акции предпринимаются по несколько раз в год, но демонстрации немцев многочисленны, в каждой не более двух-трех десятков человек, обычно меньше. Иногда это члены нескольких семей. Требование демонстрантов — разрешить лично им выехать в ФРГ.⁶⁴ Самые массовые акции участников немецкого движения за выезд в ФРГ имели место в Киргизии в 1976 г. В сдаче советских паспортов участвовало около 200 человек, а коллективное письмо XXV съезду КПСС подписали 1729 человек.⁶⁵ В 1980 г. немцы Кабардино-Балкарии послали письмо в Президиум Верховного Совета СССР с жалобами на дискриминацию по национальному признаку. Под этим письмом подписались 246 человек.,⁶⁶ Но так же, как и по отношению к евреям, нельзя сплюсовать эти и подобные цифры более раннего времени, чтобы определить численность участников немецкого движения, так как надо учитывать, что значительная часть участников этих акций уже покинула СССР. Во всяком случае, число диссидентов в движении немцев за выезд в ФРГ не велико — они исчисляются в сотнях или в одну-две тысячи человек.

Правозащитное движение

Правозащитное движение зародилось в середине 60-х годов в Москве. Оно началось с отстаи-

вания свободы убеждений, свободы творчества, но спектр его требований постепенно расширялся, и теперь охватывает все гражданские права. Основной постулат этого движения — самоценность человеческой личности, ее право на уважение и свободу.

Настаивая на провозглашаемом советской конституцией праве на свободу слова, участники правозащитного движения ввели прежде отсутствовавшую в СССР практику предания гласности тех сторон общественной жизни, которые замалчивает или искажает официальная информация и пропаганда. С первых шагов правозащитного движения его отличительным признаком была именно открытость, гласность, так что принадлежность к движению определялась именно открытым выражением своего мнения. Наиболее распространенным способом такого выражения своего мнения были индивидуальные и коллективные письма — сначала исключительно в официальные советские инстанции, а затем и обращения к согражданам и к мировой общественности. Очевидная опасность открытых выступлений в советских условиях оправдывалась тем, что персонифицированные мнения и протесты несравненно более действенны, чем анонимные, особенно, когда такие открытые протесты подкреплены большим числом подписей или подписями известных писателей, ученых и т.п.

В петиционную кампанию 1968 г. были вовлечены около 800 человек,⁶⁷ 70% подписей приходилось на москвичей, остальные распределились между Украиной (19%), Новосибирским академ-

городком (6%), Ленинградом (1,3%) и еще несколько подписей приходились на всех остальных жителей СССР.⁶⁸

Репрессии против участников петиций 1968 г. резко сократили численность подписывающихся под правозащитными документами в последующие годы. В 1969-1975 гг. известно лишь 480 новых "подписантов".⁶⁹ Но число даже активных участников правозащитного движения было больше за счет занятых в "невидимых" областях деятельности, и лишь позднее выступивших открыто — 1977-1978 гг., когда движение заметно активизировалось.

К этому времени произошла его структурализация, выработалось определенное разделение функций. Прокламация требований движения и предание гласности нарушений прав человека в СССР, вначале осуществлявшиеся с помощью писем по возможности большего числа участников движения, постепенно стало функцией более или менее постоянного небольшого числа общественных деятелей, оказавшихся наиболее эффективными в этом качестве благодаря своему профессиональному престижу (А. Сахарова) или зарекомендовавшими себя как активисты правозащитного движения (Л. Богораз, П. Литвинов).

В 1969 г. возникла первая правозащитная ассоциация — Инициативная группа защиты прав человека в СССР, и ее участники (С. Ковалев, Т. Великанова и др.) стали признанными "спикерами" движения за права человека.⁷⁰ Впоследствии "спикерские" функции осуществляли и

другие правозащитные ассоциации — Комитет прав человека,⁷¹ а затем Московская Хельсинкская группа.⁷² Информационные функции стала исполнять основанная в 1968 г. "Хроника текущих событий",⁷³ впоследствии к ней добавились другие информационные издания.⁷⁴

Конечно, состав участников правозащитного движения никогда не сужался до его "спикеров", но письма с большим числом подписей утратили свое первоначальное значение, так как их информационная и декларативная функции перешли соответственно к "Хронике" и правозащитным группам. Открытые письма перестали быть основной формой участия в правозащитном движении, и значительная часть его деятелей, даже активных, предпочла недеklarативные участки работы (организация самиздата, помощь политзаключенным и другим жертвам репрессий, сбор информации для правозащитных ассоциаций и "Хроники" и пр.). Этим объясняется, что при несомненном росте правозащитного движения и расширении его географических рамок численность подписей под открытыми письмами, достигнутая в 1968 г., оказалась "пиком" подписанства.

То же самое можно сказать о традиционной ежегодной демонстрации правозащитников: ее посещение вовсе не является моральной обязанностью правозащитника, и обычно в демонстрации участвовали одни и те же люди — от 20 до 50 человек.⁷⁵ Только в 1976 г. собралось несколько сот человек, но основную массу присутствовавших составили не участники движения, а

бездеятельно сочувствовавшие им или просто любопытствующие.

Между тем правозащитное движение в 70-е годы вышло за пределы Москвы и распространилось в русской провинции и в нерусских республиках, что еще более затруднило определение численности его участников.

О географическом расширении движения свидетельствует диапазон информации "Хроники текущих событий": если в выпусках 1968-1972 гг. сообщается о событиях из 35 мест, то в выпусках 1974 г. — уже из 71, а в 62-м выпуске (1981 г.) — из 142.

Под письмом 1976 г. в защиту Сергея Ковалева поставили подписи 178 человек, т.е. гораздо меньше, чем в 1968 г., но это были не только москвичи — на Москву пришлась лишь половина подписавшихся, а остальные подписи принадлежали жителям 15 других городов.⁷⁶

То же самое можно сказать о подписях под письмами в защиту членов Московской Хельсинкской группы в 1977-1978 гг.: из подписавшихся лишь 27% составили москвичи.⁷⁷

Несколько изменился и социальный состав правозащитников. Самые первые открытые выступления — в защиту Иосифа Бродского, в защиту Синявского и Даниэля (1964-1966 гг.) исходили исключительно из среды творческой и гуманитарной интеллигенции. В петиционной кампании 1968 г. подписи тех, чьи профессии известны, распределялись следующим образом: ученые — 45%, деятели искусства — 22%, инженеры и техники — 13%, рабочие — 6%, студенты

— 5%, остальные — 9%.⁷⁸ Среди подписавшихся в защиту Московской Хельсинкской группы основную массу составляли рабочие и мелкие служащие.

Таковы же данные о составе осужденных за правозащитную деятельность.⁷⁹ В 1965-1982 гг. известно 580 таких арестов. Социальное положение арестованных известно для 534 из них. 259 арестов из этих 534 приходится на гуманитариев и научных работников (48,5%), 149 — на лиц массовых интеллигентских профессий (в основном инженеры и техники, но также врачи, медсестры, учителя — 27,9%) и 126 — на рабочих (23,6%). По годам эти данные распределяются следующим образом:

	1965- -1970 гг.	1971- -1976 гг.	1977- -1982 гг.
Гуманитарии и научные работники	75	64	100
Лица массовых интеллигентских профессий	45	34	70
Рабочие	30	32	64

В процентах это представляется следующим образом:

	1965- -1970 гг.	1971- -1976 гг.	1977- -1982 гг.
Гуманитарии и научные работники	50%	49,3%	42,7%
Лица массовых интеллигентских профессий и рабочие	50%	50,7%	57,3%

Данные о составе независимых общественных ассоциаций более отчетливо указывают на эту же тенденцию.

В первой правозащитной ассоциации — Инициативной группе по защите прав человека в СССР (1969 г.) из 15 членов группы двое были рабочими, один — инженером, остальные — гуманитарии и научные работники. Комитет прав человека в СССР (1970 г.) состоял из научных работников и писателей. В Московской Хельсинкской группе (1976 г.) деление это — 10 и 9.

Заявление о создании Свободного профсоюза (1978 г.) подписали 43 человека. Известен социальный статус 31 из них: 17 представители массовых интеллигентских профессий, 14 — рабочие.⁸⁰ Остальные независимые ассоциации, возникшие в 1978-1979 гг. (группа "Выборы-77",

Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся — СМОТ, группа "Право на эмиграцию") как и Свободный профсоюз, полностью состоят из представителей этих социальных категорий.*

Приведенные выше данные дают представление о соотношении представителей разных социальных слоев среди правозащитников, но не позволяют опеределить их абсолютную численность. Я смогла подсчитать, лишь сколько человек упомянуты в "Хронике текущих событий" с 1968 по 1981 гг. включительно (1858) и, сверх того, сколько человек, не упоминавшихся в "Хронике", известны по подписи под документами правозащитного движения (1494). По времени первого упоминания (которое, очень условно, конечно, можно считать временем присоединения к правозащитному движению) его участники распределяются следующим образом:

1965-1970 гг.	1402
1971-1976 гг.	723
1977-1982 гг.	1227

* В 1982 г. в Москве возникла независимая общественная ассоциация "Группа за доверие между СССР и США". Члены группы не относят себя к правозащитникам. Если эта инициатива разовьется, можно будет говорить о возникновении нового общественного движения — за сохранение мира. Интересно, что эта новая инициатива зародилась в той же среде, что и правозащитное движение — в среде московской творческой и гуманитарной интеллигенции.

Эти данные свидетельствуют, что участники правозащитного движения исчисляются не более чем в тысячах, т.е. что правозащитное движение не является широким. Однако, как уже говорилось, общественная роль этого движения далеко превосходит его масштабы, поскольку именно правозащитная идеология в советских условиях оказалась единственной, способной объединить гораздо более многочисленные чем оно само национальные и религиозные движения, в значительной степени перенявшие идеи и методы правозащитников. Это свидетельствует о потенциальных возможностях распространения идеологии прав человека в СССР среди нерусского населения.

Но каковы шансы восприятия этой идеологии массой русского населения? Довольно широко распространена точка зрения, что русские, не имеющие соответствующего исторического опыта, не приемлют идеи правового демократического устройства. Поэтому особенно интересны результаты неофициально проведенных опросов на этот счет.

В 1980 г. бригада из 53 человек, руководимая специалистами-социологами, опросила 853 человека об их отношении к Сахарову, который как бы олицетворяет собой идеалы правозащитников.⁸¹

Конечно, в советских условиях не было возможности организовать такой опрос по всем правилам, он охватывал лишь Москву, Подмоскovie и несколько крупных городов европейской части страны, но в нем были представлены и рабо-

чие и люди интеллигентных профессий. При этом диссиденты, их друзья и родственники из опроса исключались. Так что, не давая полной картины мнений, этот опрос все-таки дал представление о настроениях существенной части советского общества. Результаты его таковы: 60% опрошенных отказались ответить, не обладая достаточной информацией о Сахарове. Остальные 40% разделились примерно поровну на порицающих и одобряющих его деятельность. В точности такие же результаты дал опрос, проведенный в Москве и Подмосковье годом позже, охвативший 618 человек и посвященный отношению к польской "Солидарности": тоже 60% оказались лишенными информации, а остальные 40% разделились пополам между сторонниками "Солидарности" и ее противниками.⁸²

В демократическом обществе такие результаты свидетельствовали бы о непопулярности Сахарова и его идей, как и "Солидарности". Но в советских условиях тот факт, что 40% знает о Сахарове и "Солидарности", и половина осведомленных симпатизирует им, указывает на эффективность официального пропагандистского аппарата и колоссальную притягательность идей демократии для лишенных этих благ жителей тоталитарного государства.

* * *

Итак, численность диссидентского движения в СССР может быть определена следующими приблизительными цифрами:

Религиозные движения:

католики —	148 тысяч
униаты —	2 тысячи
баптисты —	70 тысяч
пятидесятники —	30 тысяч
адвентисты —	40 тысяч

290 тысяч человек

Национальные движения :

крымские татары —	130 тысяч
литовское движение —	20 тысяч
эстонское движение —	10 тысяч
грузинское движение —	10 тысяч
украинское движение —	10 тысяч
движение месхов —	7 тысяч

187 тысяч человек

Армянское, еврейское, немецкое, русское национальные движения, православные диссиденты и правозащитное движение — по несколько тысяч человек каждое.

Итого — около 500 тысяч человек.

Список литературы

- ¹ "Инициативная группа по защите прав человека в СССР", сборник документов. Нью-Йорк, Изд-во "Хроника", 1976, с. 6-7.
- ² "Хроника защиты прав в СССР", Нью-Йорк, Изд-во "Хроника", вып. 5-6, с. 52-56; Валерий Чалидзе, Права человека и Советский Союз. Нью-Йорк, Изд-во "Хроника", Нью-Йорк, 1973. Приложение, с. 213-247.
- ³ См. декларации о создании и целях: Московской Хельсинкской группы (Сборник документов Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР", Нью-Йорк, Изд-во "Хроника", 1978, вып. 1, с. 5-7; Украинской Хельсинкской группы (там же, вып. 3, с. 73-79); Литовской Хельсинкской группы (там же, вып. 3, с. 111); Армянской Хельсинкской группы (там же, вып. 4, с. 69-71).
- ⁴ Там же, вып. 4, с. 42-43, вып. 3, с. 113-114; вып. 2, с. 67-68.
- ⁵ "Вольное слово" (Самиздат, Избранное). Франкфурт-на-Майне, Изд-во "Посев", 1977 г., вып. 28 ("Христианский комитет защиты прав верующих в СССР", документы), с. 58-78.
- ⁶ "Советский Союз сегодня", Москва, февраль 1979 г.
- ⁷ International Populations Reports, Seria P-91, No. 26, Washington, D.D. US Government Office, 1979.
- ⁸ Э. Лисавцев. Религия в борьбе идей. Москва, Политиздат, 1975.

- ⁹ "Хроника Литовской Католической Церкви", Нью-Йорк, Изд-во "Хроника", 1979, вып. 28, с. 173-174.
- ¹⁰ Там же, с. 174-175.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Bohdan Vociurkiw. The Catacomb Church. Ukrainian Catholics in the USSR. — "Religion in Communist Lands", Spring 1977, p. 4.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ С. Цвигун. О происках империалистических разведок. — "Коммунист", М., 1981, № 14, с. 99.
- ¹⁵ Всесоюзная перепись населения 1979 г. — "Вестник статистики", М., Изд-во "Статистика", 1980, № 7, с. 66.
- ¹⁶ "Хроника текущих событий" (ХТС), Нью-Йорк, Изд-во "Хроника", вып. 53, с. 125.
- ¹⁷ "Хроника текущих событий", вып. 16-27, Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 23, с. 358-359. Полный текст: Архив Самиздата радио "Свобода" (АС) № 1091, т. 17.
- ¹⁸ ХТС, вып. 55, с. 36. Полный текст: ВС № 4367, вып. 27/81.
- ¹⁹ Данные Всемирного Совета Церквей. Цит. по: ХТС, вып. 45, с. 107 и по: Implementation of the Final Act of the Conference ON SCE, Report submitted to the Congress of the US by the CSCE, August 1, 1980, p.138.
- ²⁰ Данные получены от Г.П. Винса в сентябре 1979 г.

- 21 "Хроника Литовской Католической Церкви", вып. 28, с. 177; "СССР: Внутренние противоречия", под ред. В. Чалидзе, Нью-Йорк, Chalidze Publications, 1982, вып. 3, с. 189.
- 22 Сведения от представителя пятидесятников на Западе Аркадия Полещука, полученные в сентябре 1982 г.
- 23 ХТС, вып. 48, с. 135.
- 24 Архив Keston College, London.
- 25 Мои подсчеты по данным Совета родственников узников ЕХБ и Всесоюзной Церкви Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня.
- 26 См., например, в Приложении к: В. Чалидзе. Права человека и Советский Союз, с. 213-247.
- 27 См. Документы Христианского комитета защиты прав верующих в СССР ("Вольное слово", вып. 28).
- 28 См. "СССР: Внутренние противоречия", вып. 5, 1982, с. 267-268; вып. 7, 1983, с. газета "Русская Мысль", Париж, 2.12.1982, с. 7.
- 29 "Эмель", вып. 1. Нью-Йорк, Фонд "Крым", 1978.
- 30 АС № 379, т. 12; Документ № 24 Московской Хельсинкской группы (Сборник документов Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений", вып. 4, с. 14).
- 31 ХТС, вып. 38, с. 62.
- 32 АС № 638, т. 12; документ № 24 МХГ (Сборник документов Группы содействия ..., с. 14).

- 33 ХТС, вып. 31, с. 133.
- 34 ХТС, вып. 47, с. 61.
- 35 "Хроника текущих событий" (вып. 1-15), Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 7, с. 131-134.
- 36 Сборник документов Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, вып. 3, с. 21-23.
- 37 "Хроника текущих событий", вып. 16-27 (вып. 26) с. 448; вып. 27, с. 482.
- 38 ХТС, вып. 47, с. 48-49; ХТС, вып. 48, с. 112-113.
- 39 "Хроника защиты прав в СССР", вып. 40, с. 46-47.
- 40 "Хроника защиты прав в СССР", вып. 47/48; "СССР: Внутренние противоречия", вып. 7, с.
- 41 АС № 1830, вып. 41/74.
- 42 ХТС, вып. 49, с. 82-84; ХТС, вып. 57, с. 114.
- 43 "Хроника защиты прав в СССР", вып. 43/44 — 47/48; "СССР: Внутренние противоречия", вып. 3, с. 374; вып. 5, с. 281; вып. 7, с.
- 44 АС № 1217, т. 24; сообщение очевидца Александра Малахазяна (январь 1981 г.).
- 45 Всесоюзная перепись населения 1979 г. — "Вестник статистики", № 11, с. 67.
- 46 АС № 1216, т. 24.
- 47 АС № 3119, вып. 4/78.

- 48 Данные на 1 января 1982 г. в: "Народное хозяйство СССР", 1922-1982 гг., с. 18, 11, 35.
- 49 Украинский Вісник, № 7-8, Paris — Baltimore — Toronto, 1975, с. 39.
- 50 Там же, с. 26-27.
- 51 Там же, с. 50.
- 52 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV, М., Изд-во "Статистика", 1979, с. 9, 152-153; "Вестник статистики", № 8, 1980.
- 53 Документ № 12 Московской Хельсинкской группы (Сборник документов группы содействия ..., вып. 2, с. 34-35).
- 54 Документ № 102 Московской Хельсинкской группы (Сборник документов группы содействия..., вып. 7, с. 41-44).
- 55 А. И. Солженицын. Письмо вождям Советского Союза; А. И. Солженицын. Публицистика. Париж ИМКА, 1981, с. 134-167.
- 56 "Хроника текущих событий" (вып. 1-15), вып. 1, с. 17-20; "Вольное слово", вып. 22 — "ВСХСОН" (материалы суда и программа).
- 57 "Вече", №№ 1-10 (Москва, самиздат). — В: "Вольное слово", вып. 9-10 ("Вече" № 5), вып. 17-18 ("Вече" № 7-10). Аннотации: "Вече" № 1 — "Хроника текущих событий" (вып. 16-27), вып. 18, с. 143-144; "Вече" № 2 — там же, вып. 20, с. 235-238; "Вече" № 3 — там же, вып. 22, с. 299-300; "Вече" № 4 — там же, вып. 24, с. 385-386; "Вече" № 5 — там же, вып. 26, с. 461-462.
- 58 ХТС, вып. 61, с. 57.

- 59 "Хроника текущих событий" (вып. 16-27), вып. 16, с. 28; вып. 22, с. 289.
- 60 "Хроника текущих событий" (вып. 1-15), вып. 15, с. 76; (вып. 16-27), вып. 21, с. 205.
- 61 ХТС, вып. 39, с. 43-44.
- 62 "Хроника текущих событий" (вып. 16-27), вып. 16, с. 24; ХТС, вып. 37, с. 61.
- 63 "Вксти из СССР". Права человека. под ред. Кро-нида Любарского. Мюнхен, 1981, вып. 3 № 43.
- 64 См., например, ХТС, вып. 56, с. 100.
- 65 ХТС, вып. 41, с. 63-64; вып. 40, с. 138.
- 66 АС № 4487, вып. 44/81.
- 67 А. Амальрик. Просуществует ли Советский Со-юз до 1984 года? Амстердам, Фонд им. Герцена, 1970, с. 12.
- 68 Мои подсчеты по: "Процесс четырех" (сборник материалов по делу Галанскова — Гинзбурга — Добровольского и Лашковой), под ред. П. Литвинова, Амстердам, Фонд им. Герцена, 1971.
- 69 Мои подсчеты по документам Архива самизда-та радио "Свобода".
- 70 См. "Инициативная группа по защите прав чело-века в СССР".
- 71 См. "Документы Комитета прав человека", Нью-Йорк, The International League for the Rights of Man, 1972.

- 72 "Хельсинкское движение", Нью-Йорк, Chaldize Publications, 1980.
- 73 "Хроника текущих событий" (вып. 1-15), "Хроника текущих событий" (вып. 16-27), Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 27-63, Нью-Йорк, Изд-во "Хроника", 1974-1983.
- 74 См. Информационный бюллетень Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, №№ 1-24 (АС № 3045, вып. 28/77; № 3088, вып. 1/78; № 3225, вып. 18/78; № 3270, вып. 24/78; № 3299, вып. 27/78; № 3319-3320, вып. 30/78; вып. 33/78; № 3328, вып. 33/78; № 3350, вып. 35/78; № 3448, вып. 2/79; № 3487, вып. 7/779; № 3537, вып. 12/79; № 3631, вып. 22/79; вып. № 3737, вып. 36/79; № 3738, вып. 36/79; № 3833, вып. 3/80; № 3946, вып. 15/80; № 3961, вып. 15/80.
- 75 "Хроника текущих событий" (вып. 1-15), вып. 6, с. 119 (1969 г.); вып. 11, с. 325 (1970 г.); вып. 16-27, вып. 24, с. 368-369 (1971 г.); ХТС, вып. 35, с. 46 (1974); вып. 38, с. 77 (1975 г.); вып. 43, с. 21-23 (1976 г.); вып. 48, с. 156-157 (1977 г.); вып. 52, с. 122 (1978 г.); вып. 55, с. 58-60 (1979 г.); вып. 60, с. 95-96 (1980 г.); вып. 63, с. (1981 г.); "Вести из СССР", 1982, вып. 23/24, № 25 (1982 г.).
- 76 ХТС, вып. 39, с. 66-69.
- 77 Мои подсчеты по Архиву самиздата радио "Свобода".
- 78 А.Амальрик. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? с. 12.
- 79 Мои подсчеты по "Хронике текущих событий" и Архиву самиздата радио "Свобода".
- 80 В. Чалидзе, "СССР — рабочее движение?", Нью-Йорк, Изд-во "Хроника", 1978, с. 61.

⁸¹ Максудов. Что вы думаете о Сахарове? — Сахаровский сборник, Нью-Йорк, Изд-во "Хроника", 1981, с. 233-242.

⁸² С. Пухов. Отношение москвичей к профсоюзу "Солидарность". — "СССР: Внутренние противоречия", вып. 2, 1981, с. 248-254.

КОРРУПЦИЯ В СССР: некоторые методологические замечания

Коррупция, подобно инфляции, самоубийствам, военным расходам и т.п. принадлежит к числу тех явлений, теоретическое исследование которых находится под запретом в официальной советской литературе, если они касаются СССР. Соответственно, в СССР нет и никаких предварительных обобщений явления коррупции, основанных на исследовании реальности. Наши сведения о коррупции в СССР ограничиваются преимущественно отрывочными данными, нередко носящими характер анекдотических историй.

Эта ситуация крайне затрудняет теоретическое исследование коррупции в СССР западными учеными. Насколько мне известно, имеется лишь несколько работ на Западе, которые целиком посвящены теоретическому анализу коррупции в СССР. К ним относятся G. Grossman, "Notes on Illegal Private Economy and Corruption," (US Congress. Joint Economic Committee, *The Soviet Economy in a Time of Change*. Washington: US GPO, 1979, 834-855); R. Ericson, "The 'Second Economy' as a Resource Allocation Mechanism under Central Planning," (Harvard Institute of Economic Research, Harvard University, Discussion Paper No. 782, 49 pp. August 1980); J.M. Montias and S. Rose Ackerman, "Corruption in a Soviet-Type

Economy: Theoretical Considerations,” (Paper presented at the Conference “The Second Economy of the USSR” sponsored by Kennan Institute for Advance Russian Studies with National Council on Soviet and East European Research, January 24-25, 1980).

В моей статье я также пытаюсь рассмотреть некоторые теоретические проблемы коррупции в СССР. При этом я акцентирую свое внимание на двух, на мой взгляд, существенных аспектах этой проблемы, которые меньше разработаны в литературе. Во-первых, я хочу дать классификацию различных методов оплаты работников и показать, что в принципе они все могут быть легальными. Их превращение в коррупцию происходит лишь при определенных ограничениях, вводимых по различным причинам в различных странах. Во-вторых, я хотел бы показать многообразие форм коррупции во взаимоотношениях между тремя ведущими типами субъектов — государственными учреждениями, организациями и индивидами. В-третьих, я рискнул сформулировать три закона, которым подвластна коррупция. И, наконец, в-четвертых, я попытался вывести понятия коррупции первого и второго родов, а также знака (направленности) коррупции и масштаба, определяемого числом ограничивающих условий, преодоление которых порождает коррупцию.

1. Вертикальные и горизонтальные компоненты в структуре вознаграждения

Коррупция как отрицательное явление может быть противопоставлена стимулам в нормально функционирующей социально-экономической системе. Это функционирование может быть охарактеризовано как процесс обмена деятельностью между его участниками. Поскольку обмен включает людей с различными индивидуальными интересами, то возникает проблема гармонизации их интересов в целом по системе. Эта гармонизация может быть достигнута с помощью вертикальных или горизонтальных механизмов, а также их комбинаций. Вертикальные механизмы предполагают подчинение одного лица другому, горизонтальные — паритетность участников. Участник получает в обмен за свою деятельность доход в форме товаров, услуг или денег. Вознаграждение может иметь положительный или отрицательный знак. В вертикальном механизме положительный знак означает, что вышестоящий работник вознаграждает нижестоящего работника; отрицательный знак, что работник нижестоящего уровня платит работнику вышестоящего уровня. В горизонтальных механизмах положительный знак относится к вознаграждению, получаемому производителем от покупателя, отрицательный знак — вознаграждение, которое производитель платит потребителю. Можно представить себе

ситуации, в которых участник одновременно получает положительное вознаграждение за один род активностей и отрицательное — за другое (к примеру, штрафы). В целом доход участника есть алгебраическая сумма его положительных и отрицательных вознаграждений. Эта сумма может иметь положительный или отрицательный знак.

В соответствии со сказанным можно построить следующую матрицу, которая выражает связи между типами механизма функционирования системы и знака вознаграждения

<i>механизмы</i>	<i>знак вознаграждения</i>	
	+	-
<i>вертикальный</i>		
<i>горизонтальный</i>		

В общем случае, когда участники одновременно участвуют в вертикальных и горизонтальных механизмах, возможны четыре комбинации, четыре типа отношений, характеризующих вознаграждения участников:

- 1) в вертикальном механизме положительное, в горизонтальном положительное;
- 2) в вертикальном механизме положительное, в горизонтальном отрицательное;
- 3) в вертикальном отрицательное, в горизонтальном положительное;
- 4) в вертикальном отрицательное, в горизонтальном отрицательное.

Рассмотренные методы получения участниками доходов основаны на всевозможных правилах, которым может придаваться различного рода сила, вплоть до закона. В свою очередь, в обществе устанавливаются правила, предусматривающие всевозможные способы соблюдения правил, в том числе введение штрафов за несоблюдение правил.

В мою задачу не входит рассмотрение вопроса о *целесообразности* установленных правил (равно как и правил по их соблюдению) и путей *изменения* этих правил. Мы принимаем правила заданными, хотя, забегая вперед, заметим, что само собой разумеется, что изменение правил может быть одним из решающих средств устранения коррупции.

В данной связи нам важно подчеркнуть, что установленные правила могут быть *обойдены* путем дополнительного вознаграждения людей, обязанных следовать этим правилам. Коррупция и является такого рода дополнительным вознаграждением. В общем виде коррупция может рассматриваться как препятствие для развития, как социальная болезнь, поскольку она связана с методами и действиями, разрушающими психологию личности.

Как и всякую болезнь, коррупцию можно рассматривать в рамках более общей системы, в которой она может быть иногда использована как меньшее зло, т.е. как способ лечения более страшных болезней. (Подобно тому как в начале XX века были попытки лечить сифилис малярией.) Коррупция представляется в этом случае

как попытка неформальными методами преодолеть поставленные самой системой ограничения, которые задерживают ее развитие. Использование неформальных средств в процессе развития может становиться все болезненнее, хотя положительные процессы могут еще перевешивать спорадические и негативные болезненные аспекты. Но болезнь можно в принципе еще лечить. Когда болезнь становится затяжной, разъедает общество настолько, что оно уже не может с ней справиться, можно говорить о том, что эта болезнь — следствие социальной патологии.

Таким образом, каждое общество имеет свои правила оплаты людей. Поэтому метод оплаты, который в одной стране рассматривается как нормальный, в другой стране рассматривается как коррупция. Я бы хотел проиллюстрировать все вышесказанное примером оплаты работников в ресторанах. Вертикальный механизм включает взаимоотношения директора (хозяина) и официанта, горизонтальный — официанта и потребителя. Система оплаты официантов с учетом сказанного может быть сформирована следующим образом:

1. С одной стороны, официант получает зарплату от директора, которая превышает суммы, удерживаемые директором с официанта за нанесенный ущерб (скажем, за разбитую посуду); с другой стороны, официант получает чаевые с потребителей, которые превышают суммы, которые он должен был бы заплатить им за доставленные неудобства (скажем, порчу одежды из-за неаккуратного обслуживания и т.п.).

2. Официант получает от директора заработную плату, превышающую суммы, удержанные с официанта за нанесенный ущерб; официант не только не получил чаевые с потребителей, но заплатил им за доставленные неудобства.

3. Официант платит директору определенную сумму (или процент с его зарплаты) за привилегию получить данную работу или за нанесенный ущерб; потребители вознаграждают официанта чаевыми, которые превышают его плату посетителям за доставленные неудобства.

4. Официант платит директору за причиненный ущерб больше, чем он получил зарплату; возмещение потребителям за доставленные неудобства превышает размер полученных чаевых.

Последняя комбинация может, естественно, существовать лишь короткое время; преобладают первые три комбинации.

Все упомянутые четыре типа оплаты могут быть доведены до точки, когда они могут интерпретироваться как коррупция и приносить больше отрицательных следствий, чем положительных.

1. Вертикальная плата с положительным знаком. В этом случае директор обеспечивает официанта по крайней мере минимумом зарплаты. Этот минимум ему дается в силу того, что в работе ресторана могут быть перебои не по вине официанта. Вместе с тем директор может коррумпировать официанта, платя ему дополнительные деньги за обслуживание потребителей пищей пониженного качества и урегулирование им конфликтов, которые могут возникнуть в этой ситуации.

2. Вертикальная оплата с отрицательным знаком. Такой тип оплаты существует редко, так как предполагает высокий размер чаевых. Этот тип оплаты существовал в дорогих русских ресторанах в предреволюционный период. Хозяин ресторана не только не платил официанту, но обязывал его отдавать ему определенную часть чаевых. Такой метод оплаты резко увеличивал ответственность официанта за высокое качество обслуживания, равно как ответственность хозяина за высокое качество обслуживания официанта. Такой метод оплаты существует и в некоторых советских ресторанах. Но он рассматривается как нелегальный. В соответствии с действующим законом директор обязан платить официанту зарплату, а официант обязан покрывать ущерб, нанесенный ресторану. Между тем, в хороших ресторанах официанты получают высокие чаевые, которые во много, много раз превышают их зарплату. Официанты в этих ресторанах платят директору определенную сумму. Требование такой оплаты обуславливается в неформальном договоре, который заключает директор и официант во время приема последнего на работу.

3. Горизонтальная оплата с положительным знаком. Эта оплата определяется чаевыми, получаемыми от посетителей. Положительный аспект такого рода системы оплаты определяется тем, что она стимулирует официанта к улучшению качества обслуживания. Более того, директор не должен тратить время на систематическое наблюдение за качеством обслуживания

официанта. Поскольку множество посетителей участвует в оценке обслуживания данного официанта, то резко уменьшается вероятность в неправильной оценке его деятельности в целом, которую мог бы допустить директор, если бы один оценивал качество его обслуживания.

Рассмотрим некоторые отрицательные аспекты указанного типа вознаграждения официанта. Так, могут быть случаи, когда отдельные потребители, которых официанты знают как людей, щедро дающих чаевые, будут лучше обслужены в ущерб многим другим потребителям. Кроме того, при вознаграждении официанта потребителями затрудняется учет его дохода. Это создает возможность официанту утаить доход от обложения налогом. Тем самым для официанта возникает дьявольский соблазн для лжи со всеми вытекающими отсюда моральными последствиями. В силу указанных причин (и, возможно, еще других) в ряде стран (районах, периодах времени) обслуживание включено в цену, либо является фиксированной добавкой к цене.

4. Горизонтальная оплата с отрицательным знаком. Положительным аспектом такой оплаты является повышение ответственности официанта при нанесении ущерба посетителю. Между тем официант при этом может коррумпировать посетителя, заплатив ему дополнительную сумму за то, что посетитель утаит от публики плохое обслуживание в данном ресторане.

Таким образом, все методы оплаты при определенных условиях могут быть использованы

для коррумпирования людей, участвующих в обмене. Анализ причин, которые определяют коррупцию и методы борьбы с нею выходят за рамки данной работы.

2. Взаимоотношения между представителями различных организационных структур и коррупция

Рассмотренный случай с рестораном касался взаимоотношений между индивидом и организацией. Этот тип отношений встречается довольно часто также в таких видах обслуживания, как, например, такси, парикмахерские, магазины и т.п. Попутно заметим, что многообразие типов вознаграждений встречается прежде всего в тех областях услуг, где при обслуживании доминирующее значение имеет качество услуги, а не товар, передаваемый потребителю. Возможно, что поэтому в магазинах редко встречается горизонтальное вознаграждение, т.е. непосредственное вознаграждение покупателем продавца.

Матрица комбинаций механизмов функционирования и вознаграждений может быть использована не только для демонстрации взаимоотношений между индивидом и организацией. Развитое общество имеет сложную организационную структуру, которая связывает участников, выступающих как в роли производителей товаров и услуг, так и их потребителей. Эта структура определяет всевозможные виды коррупции, методы борьбы с ней.

Рассмотрим вначале различные виды коррупции, которые возникают в советском обществе, применительно к взаимоотношениям трех важнейших структурных объектов: индивид, хозяйственная организация и правительственное учреждение.

Между хозяйственными организациями и правительственными учреждениями разделение весьма условно. Вместе с тем оно по следующим причинам важно. Во-первых, отношения между индивидами и организациями и организациями между собой могут осуществляться во многом через горизонтальные механизмы. А отношения между индивидами, организациями, с одной стороны, и правительственными учреждениями, с другой, — преимущественно осуществляются через вертикальные механизмы. Во-вторых, мера коррумпирования работников в значительной мере определяется тем, в какой мере удастся явным образом выявить влияние коррумпирования на деятельность индивида. Не случайно в СССР (и в западных странах также) внутри промышленных предприятий коррупция развита сравнительно мало. Директор завода в большей степени заинтересован в таком подборе людей и их оплате, которые бы давали ему возможность выполнять план; в противном случае его карьера будет поломана. Другое дело в правительственных учреждениях. Они менее подконтрольны, поскольку они сами контролируют. Кроме того, результаты их деятельности бывает весьма трудно учесть. И,

наконец, можно заметить, что в правительственных учреждениях, которые находятся на более высоком уровне иерархии или охватывают более широкую совокупность организаций, больше степеней свободы в распоряжении средствами. Это создает и большие возможности для сокрытия отрицательных эффектов от коррумпирования.

Приводимая ниже матрица показывает девять типов возможных отношений, которые могут возникнуть между "производителями" и "потребителями", представленными соответственно индивидами, организациями и учреждениями.

<i>Потребители</i>	<i>производители</i>		
	<i>Индивид</i>	<i>Организация</i>	<i>Учреждение</i>
<i>Индивид</i>			
<i>Организация</i>			
<i>Учреждение</i>			

Рассмотрим как происходит в СССР коррумпирование при всех указанных девяти типах взаимоотношений.

1. Индивид

1.1. Индивид (потребитель) – индивид (производитель).

В СССР в значительной мере развиты полуполюгальные формы услуг типа ремонта квартир, аренды жилплощади, сдачи дач на летний период и т.п. "активности", которые можно считать полуполюгальными и относящимися к "серому рынку". Использование, к примеру, в частном порядке строительных рабочих для ремонта квартир явно связано с их коррумпированием. Во-первых, эти рабочие получают от частных подрядов значительно более высокую оплату, чем на основном производстве. Это приводит к тому, что они не заинтересованы достаточно продуктивно работать на своей основной работе. Кроме того, из-за отсутствия или высокой цены в магазинах на строительные материалы эти рабочие часто воруют со строек материалы для выполнения частных работ. Такого рода коррумпирование рабочих, связанное с ремонтом частных квартир, является одним из источников алкоголизма в СССР: сравнительно легко добытые деньги, неподконтрольные семье, легко тратятся на алкоголь.

Сказанное во многом верно и для других видов деятельности на "сером" рынке.

1.2. Индивид – организация

Весьма распространенным случаем, когда индивид только в своих личных интересах подкупает организацию, являются взятки, которые рабочий дает мастеру в целях получения более выгодных работ. Эти взятки даются во всевозможных видах, в частности отчислений определенного процента от зарплаты. Но чаще всего они принимают форму приглашения мастера на выпивку.

Индивиды платят взятки весьма широко при поступлении на учебу во многие учебные заведения; не случайно довольно часто перед началом вступительных экзаменов в институты в центральной печати появляются статьи или фельетоны, посвященные разоблачению взяточников из числа членов приемной комиссии института и дирекции. Взятки платятся индивидами при желании положить больного родственника в хорошую больницу. Как правило, больницы обслуживают население по месту жительства. Если известно, что в другой больнице есть хороший специалист, то нужно заплатить взятку, чтобы попасть к этому врачу. Если больница принадлежит научно-исследовательскому институту и имеет формальное право обслуживать больных вне зависимости от места их проживания, то взятка платится за то, чтобы попасть в больницу вне очереди; могут потребоваться годы, чтобы попасть в такую больницу в порядке общей очереди.

1.3. Индивид – учреждения.

Развитая система бюрократических правил, устанавливаемых государством, является благоприятной средой для процветания взяточничества.

Взятки даются милиции за право проживания в крупных городах. В СССР человек, желающий переехать из одного города в другой, попадает в заколдованный круг: нельзя поступить на работу в городе, не имея прописки, нельзя получить прописки, не имея работы. Взятка милиции может помочь разрубить этот круг.

Взятки государственным учреждениям даются частными лицами с целью уйти от наказания за такого рода нелегальные действия как самогонование, укрытие доходов от нелегальной частной практики (в частности, зубными врачами) и т.п.

Широко практикуются взятки инспекторам за облегчение (или избавление) от экзаменов при получении водительских прав, освобождение от штрафа за нарушение правил уличного движения и т.п.

2. Организация

2.1. Организация – индивид

Эти случаи коррупции прежде всего связаны с выполнением руководителем организации или его подразделения нелегальных видов деятельности с включением в нее рядовых работников. Для того, чтобы работники согласились участвовать в проделках руководителя, последний платит им за выполнение нелегальных работ повышенную зарплату.

Однако бывает и коррумпирование руководителями рабочих за выполнение легальных видов деятельности. Из-за неорганизованности производства начальнику цеха нередко приходится просить рабочих оставаться работать сверхурочно или в выходные дни. Поскольку сумма дополнительной оплаты за эти работы недостаточно высока, то рабочие часто на них не соглашаются. Здесь и вступает в ход взятка в виде "самой твердой валюты": спирта – наивысшего лакомства для пьющего рабочего. Спирт нельзя купить в магазинах (за исключением районов Крайнего Севера), но он имеется на многих производствах для технологических целей. Определенное число стаканов спирта (стакан спирта является единицей измерения этой валюты), выданного рабочему полулегально, выступает в виде оплаты за работу.

В последние годы усилилось коррумпирование рабочих путем "разрешения" воровать с

предприятий необходимые им продукты; речь идет, конечно, о количествах, которые рабочий может достаточно незаметно вынести с собой. Такого рода взятка рабочему компенсирует замороженную заработную плату и стимулирует рабочих держаться на данном предприятии и выполнять работы в нужное руководителю время. Такого рода воровство прежде всего характерно для предприятий легкой и пищевой промышленности, где особенно низкая зарплата. Однако эти методы подкупа рабочих применяются и на предприятиях тяжелой промышленности. Рабочим полулегально разрешается на оборудовании предприятия, из материалов предприятия, ремонтировать различного рода механизмы и машины, имеющиеся у частных лиц.

2.2 Организация – организация

Строго говоря, взаимодействие между этими участниками могут быть двойными в зависимости от соотношения спроса и предложения. Рассмотрим типичную ситуацию в СССР, где спрос превышает предложение. Известно, что система планирования в СССР построена так, что спрос и предложения на средства производства никогда не сбалансированы; при этом спрос превышает предложение. Уже в самом плане закладывается неудовлетворенный спрос, поскольку предприятиям-потребителям планируются поставки с предприятий, на которых должны быть

введены новые мощности; между тем, всем известно, что введение новых мощностей в плановые сроки не осуществляется — строительные работы всегда запаздывают. Кроме того, нереалистичность спроса, его заниженность по плану по сравнению с фактическим обуславливается еще завышенными нормами на расход средств производства, которые устанавливаются во многом волюнтаристским образом. И, наконец, в плане отсутствуют резервы на погашение всевозможных возмущений в технологиях, которые могут привести к повышению спроса на те или иные товары.

Хотя во многих случаях разрыв между спросом и предложением при реализации плана составляет порядка 2-3%, этого достаточно, чтобы индивидуальная организация-потребитель оказалась под угрозой невыполнения плана со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями для его коллектива. Поэтому промышленные предприятия вынуждены посылать своих эмиссаров (толкачей) к предприятиям-поставщикам. Естественно, каждый толкач пытается получить товар для представляемого им предприятия. Для достижения этого ему приходится коррумпировать работников предприятия-поставщика, начиная со скромных подношений секретарям и кончая довольно заметными дарами для работников отдела сбыта и, наконец, руководства предприятия.

Хотя деятельность толкачей считается полуполюгальной, советские руководители готовы закрывать на это глаза; они предпочитают

выполнение плана любой ценой, чем отговорки предприятий, что те не сумели выполнить план из-за плохого снабжения.

Коррупцирование организацией другой организации существует и на Западе. Примером могут служить взаимоотношения между представителем организации, покупающей товары, и организацией, продающей их. Продавец товаров любыми способами пытается убедить покупателя увеличить объем покупки. Вознаграждения, которые представитель организации-покупателя получает от организации-продавца, обычно считаются нежелательными, поскольку этот представитель может совершать действия и в ущерб своему нанимателю. В предыдущем примере с рестораном предполагалось, что официант, получая вознаграждения от потребителя, не наносит ущерб своему нанимателю.

Несмотря на зеркальный характер коррупции, возникающей при превышении спроса над предложением (описанный выше советский случай) и предложения над спросом (описанный выше западный случай), последствия от этих неравенств далеко не одинаковы. В случае превышения спроса над предложением коррупция способствует закреплению ситуации, при которой резко ухудшается качество продукции, не соблюдаются сроки поставок и т.п. (см. J. Kornai, *Anti-Equilibrium*, New York). Предприятие-потребитель в СССР при сложившейся ситуации боится наказать поставщика, нарушившего договор по срокам поставок и качеству продукции. Денежный штраф поставщика не

спасет предприятие-потребитель от всевозможных неприятностей, связанных прежде всего с невыполнением им плана по производству продукции; показатели затрат, уменьшенных на величину полученного штрафа, не играют существенной роли при оценке деятельности предприятия. Не приходится уже говорить о том, что предприятие-потребитель не может ожидать в последующем благосклонного к себе отношения со стороны поставщика, если оно пыталось штрафовать последнее за невыполнение договора. Лишь с помощью коррупции предприятие-потребитель может обеспечить выполнение плана и получить положительную оценку своей деятельности.

Таким образом, в СССР коррупция предприятиями-потребителями предприятий-поставщиков ведет к крайне отрицательным последствиям; лишь изменение системы планирования может быть эффективным средством устранения этой коррупции.

Другое дело с имеющимся на Западе коррупцированием поставщиком потребителя. Несмотря на то, что представитель организации-покупателя может причинить ущерб своему нанимателю, в принципе можно в известной мере нормализовать отношения представителя и нанимателя. Это требует, с одной стороны, их взаимного доверия, а с другой — суровой системы наказания в случае, если представитель злоупотребляет доверием нанимателя.

2.3. Организация – учреждение

Мне представляется, что в наибольшей мере коррупция в СССР развита во взаимоотношениях между организациями и государственными учреждениями. Взятки здесь связаны как с осуществлением полулегальных действий, так и полностью нелегальных.

К числу полулегальных действий следует прежде всего отнести коррупцию работников министерств, партийного аппарата, с целью получения предприятиями льготных планов, т.е. планов на меньший выпуск продукции с большими затратами. Этому вопросу посвящена значительная литература.

”Полузеркальное” отображение этого явления можно увидеть и на Западе: корпорации коррупируют государственных служащих (в своей стране или за границей) с целью получения лучших контрактов: большой выпуск и большие затраты. Хотя государственные учреждения преимущественно производят коллективные блага, они приобретают на рынке индивидуальные товары. Взаимоотношения между представителем государственного учреждения, покупающего эти товары, и корпорацией, их продающей, напоминают упомянутые выше отношения между взаимоотношениями организации-продавца и организации-покупателя. К сказанному выше можно лишь добавить, что если представитель организации-продавца вознаграждает представителя-покупателя, то это вознаграждение в принципе

можно рассматривать как горизонтальную часть оплаты последнего. Разумеется, сказанное верно только при условии, что представитель организации-покупателя не злоупотребляет своим служебным положением.

В наибольшей мере коррумпирование организациями правительственных и партийных учреждений в СССР связано с нелегальной деятельностью организаций. Воровство наиболее всего распространено в торговой сети. Я бы сказал, что практически в торговой сети воруют все. Это в особенности вызывает необходимость у работников торговых организаций поддержки со стороны вышестоящей бюрократии. Директора магазинов дают систематические взятки не только руководителям вышестоящих торговых органов управления, но и партийному аппарату, милиции, судебной системе и т.п.

Что касается работников промышленных предприятий, то они дают взятки вышестоящим учреждениям за установление им повышенных норм расхода материалов, оборудования и т.п. с тем, чтобы из "сэкономленных" средств произвести товары, которые могут быть сбыты на "черном" рынке. Сказанное прежде всего относится к предприятиям, производящим потребительские блага или средства для их непосредственного производства.

3. Государственные учреждения

3.1. Государственные учреждения – индивид

Дополнительные вознаграждения индивиду, играющие роль коррупции, могут быть реализованы государством в разной форме. Одним из них является установление советским государством заведомо низких цен на некоторые потребительские товары, т.е. цен ниже равновесных. Отсюда спрос на эти товары превышает их предложение и эти товары становятся дефицитными. (Попутно заметим, что могут быть товары, потребности в которых не удовлетворены, но на которые установлены цены равновесия и тем самым их спрос и предложение сбалансированы; если понизить цены на такие товары, то спрос на них увеличится. К числу таких товаров относится, к примеру, сахар. Дефицитными товарами в СССР являются модная женская одежда, ковры, импортная мебель, автомобили и др. Представляется, что государство легко могло бы увеличить цены на эти товары без какой-либо угрозы бунтов со стороны населения, поскольку эти товары не являются продуктами первой необходимости. Однако оно этого не делает, так как, по-видимому, считается с тем фактом, что рост цен может вызвать определенное недовольство населения. В частном разговоре с одним из руководителей советской системы ценообразования мне было сказано, что повышение цен на указанные

дефицитные товары было бы политически неоправдано. Заниженные цены, по мнению этого чиновника, создают у населения иллюзию их доступности, т.е. что лица со сравнительно небольшим доходом могут приобрести многие из этих товаров, но для этого надо лишь постоять в очереди. У населения вырабатывается представление, что необходимость стоять в очередях за товарами лишь временное явление и по мере того как производство этих товаров будет расширяться, очереди будут сокращаться.

Рассмотрим отрицательные аспекты такого рода метода установления цен с точки зрения предмета данной статьи, т.е. какую цену платит общество за иллюзии, создаваемые государством.

Существование дефицитных товаров приводит к появлению нелегальной системы торговли в рамках государственной торговли. Механизм этой нелегальной системы примерно таков. Продавец предупреждает "свою клиентуру", когда будут "выброшены" дефицитные товары; за это продавец получает дополнительную плату. Продавец может также отложить дефицитный товар под прилавок или навесить ярлык "продано" на мебель, а затем продать эти товары по повышенным ценам. Дополнительная плата при таком методе продажи дефицитных товаров ниже, чем при покупке у спекулянтов, но зато труднее найти продавцов, которые готовы пойти на риск продажи таких товаров незнакомым людям. Часто продавцы имеют дело с доверенной

группой спекулянтов. Последних можно также рассматривать как жертв введенной государством системы коррумпирования населения через искусственно заниженные цены.

Можно с достаточной уверенностью сказать, что подавляющее большинство продавцов вовлечено в торговлю дефицитными товарами, потому что последние имеются почти во всех магазинах. Если даже молодой продавец честен, то он все равно будет вовлечен своим заведующим в такого рода деятельность, так как заведующий ожидает от него взятки, и в свою очередь должен платить взятки вышестоящим руководителям, которые обеспечивают магазины дефицитными товарами.

Что заставляет работников торговли идти на нелегальные методы продажи товаров? Прежде всего, относительно низкая их оплата. С другой стороны, есть реальная возможность быстрого получения значительного дополнительного дохода. (Возможно, инженер в проектно бюро тоже готов был бы пойти на нелегальные заработки, но у него нет таких возможностей.) Кроме того, многие из указанных методов продажи дефицитных товаров достаточно безопасны, так как трудно доказать, что продавец заранее по телефону известил свою клиентуру о появлении дефицитных товаров. Кроме того, работники ОБХС, которые должны пресекать нелегальные методы торговли, сами легко становятся жертвами коррупции, хотя бы уже в силу низкого уровня получаемых ими окладов.

Получение работниками торговой сети значительных нелегальных доходов в огромной мере развращает их. При низком культурном уровне большинства работников торговли, полученные ими "бешеные деньги" в значительной мере уходят на алкоголь. Продавцы в мебельных магазинах, продавцы овощей в палатках и т.п. почти никогда "не просыхают". Резко также увеличился алкоголизм среди женщин в связи с расширением сферы услуг.

3.2. Государственные учреждения — организации.

Мне представляется, что коррупция государственными учреждениями организаций — явление не сильно распространенное; несравненно более распространено коррумпирование организациями государственных учреждений (см. 2.3).

Вместе с тем, можно указать на некоторые случаи, когда в СССР государственные учреждения коррупируют организации.

Например, некоторые работники министерства выделяют подведомственному ему научно-исследовательскому институту большую сумму для премирования работников из фондов министерства и взамен за эту услугу работники институту отдают часть премии работникам министерства. Передача этих денег идет либо через фиктивных работников, формально зачисленных в штат института (прежде всего, через его экспериментальные лаборатории) или по

договоренности с надежными работниками, которые готовы отдать часть своей премии.

3.3. Государственные учреждения – государственные учреждения.

Корруптивное внутри системы государственных учреждений весьма развито в СССР. Это, прежде всего, корруптивное нижестоящими учреждениями вышестоящих.

Корруптивное *нижестоящими* учреждениями *вышестоящих* проявляется прежде всего в том, что они платят в той или иной форме взятки для получения лучших должностей в партийном аппарате, к примеру, для перехода из провинции в центральный аппарат; для покрытия нелегальных дел судебные органы платят взятки своим непосредственным хозяевам – партийному аппарату и т.п.

Рассмотрим несколько подробнее корруптивное *вышестоящими* государственными учреждениями *нижестоящих*.

Корруптивное в этом случае принимает форму большей оплаты государственных служащих, чем это предполагается декларированными принципами равенства в социалистическом обществе. Следуя марксистским указаниям, основанным на опыте Парижской Коммуны, ленинским указаниям в работе "Государство и революция", средняя заработная плата руководящих работников не должна заметно отличаться от средней зарплаты квалифицированных

рабочих. Уже вскоре после революции новый класс руководителей отверг эти принципы. Для того, чтобы внешне сохранить верность указанным марксистско-ленинским принципам, дополнительные доходы "верхам" шли через специальные системы распределителей. Эта система сохранилась в принципе и теперь (см. подробнее М. Matthews, "Gope Income in the USSR," *Economic Aspects of Life in the USSR*, 1975, pp.131-154).

Отклонения в беальности от объявленных принципов распределения дохода в СССР могут быть четче поняты, если ввести классификацию доходов с точки зрения меры их легальности и официальности. Отличие официальности от легальности в том, что первая открыто объявлена. Можно полагать, что наиболее развращающее влияние на общество оказывает не столько факт большей оплаты руководящих работников, сколько неофициальный характер этой оплаты, его замаскированность, скрытость. Эту мысль очень хорошо выразил академик Сахаров:

"К сожалению, эффективность "управляющей" группировки в нашей стране (как, впрочем, и в США, но в меньшей мере) оценивается не только чисто экономической или производственной результативностью (ведь кто сейчас будет говорить о большой экономической роли социалистического соревнования?): имеется скрытая охраняющая функция, и ей соответствуют в сфере потребления скрытые тайные

привилегии управляющей группировки. Очень мало кто знает о практиковавшейся в годы Сталина системы "зарплаты в конвертах", о непрерывно возникающей то в одной, то в другой форме системе закрытого распределения дефицитных продуктов и товаров и разных услуг, о привилегиях в курортном обслуживании и т.п. Я хочу подчеркнуть, что не против социалистического принципа оплаты по количеству и качеству труда, ведь относительно высокая зарплата лучшим административным работникам, высококвалифицированным рабочим, педагогам и медикам, работникам опасных и вредных профессий, научным работникам и деятелям культуры и искусства (составляющая малый процент в общем фонде зарплаты), не сопровождающаяся тайными преимуществами, не угрожает обществу и, более того, полезна обществу, если она выплачивается по заслугам. Ведь каждая неправильно использованная минута крупного администратора означает крупные материальные потери, каждая потерянная минута деятеля искусства означает потери в эмоциональном, философско-художественном богатстве общества. Но когда что-то делается втайне, невольно возникает подозрение, что дело нечисто, что тут имеет место подкуп верных слуг существующей системы. Я думаю, что разумным методом решения этой "деликатной" проблемы являлся бы не партмаксимум или что-нибудь подобное, а запрещение всех привилегий и установление системы зарплаты с учетом общественной ценности труда и

экономически рыночного подхода к проблеме зарплаты.”

(А.Д. Сахаров, ”Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе”, изд-во ”Посев”, 1970, стр. 41-42.)

Более того. Коррупирование вышестоящими государственными учреждениями нижестоящих проявляется не только в неофициальности установленных доходов. Еще очень важна структура доходов.

Я мог бы сформулировать следующий закон, характерный для социалистического принципа распределения по количеству и качеству труда: чем выше занимаемая должность в иерархии, тем выше удельный вес натуральных выплат в структуре доходов работника. Так, если заработная плата в денежном выражении является преимущественно единственным источником официального дохода рабочего (нижний уровень иерархии), денежная часть дохода секретаря Центрального Комитета КПСС (не члена Политбюро) в 60-ых годах составляла примерно лишь треть его общего дохода: две трети его дохода составляли всевозможные пайки, машины с шофером для семьи, дача с садовником и т.п. С помощью такого метода оплаты руководящие работники коррупируются, обрекаются быть послушными исполнителями.

Наличие натуральных выплат, зависящих от занимаемой должности, не позволяет работникам накопить значительные денежные суммы легальным путем и стать более независимыми.

С другой стороны, если такой работник теряет занимаемую должность, то это означает резкий спад в его жизненном уровне и в престиже, который сопутствует получаемым натуральным благам (правительственные дачи расположены в весьма престижных местах, наличие "черной Волги" дает особое ощущение превосходства при поездке по городу и т.п.).

Не случайно в СССР среди элиты возрождается интерес к аристократии, которая обеспечивает социальный статус и многие материальные привилегии независимо от занимаемой должности.

Получение членами-корреспондентами Академии Наук и академиками ежемесячной дополнительной оплаты, дач и т.п. благ за звание вне зависимости от должности является примером такого рода аристократических привилегий.

Наконец, я хотел бы отметить коррупирование вышестоящими работниками нижестоящего партийного аппарата через политику капитальных вложений. Это выражается в том, что секретарю обкома, которому покровительствуют сверху, дается возможность в его области строить крупное индустриальное сооружение. Наличие такой стройки позволяет секретарю обкома получать и для своих личных нужд, его челяди и иногда для городов строительные материалы и строительных рабочих. Возможно, что одной из причин длительных сроков строительства в СССР является заинтересованность местного партийного аппарата в сохранении у них государственных строек как одного из источников их благополучия.

В связи с последним обстоятельством я хотел бы высказать следующее парадоксальное замечание. Возможно, что если государство участвует в распределении принадлежащих ему капитальных вложений, то для этой цели лучше иметь авторитарный, чем демократический режим. Дело в том, что в демократической стране лидеры зависят от большего числа сил, чем в авторитарном режиме. Так, если в СССР руководители при распределении капитальных вложений прежде всего вынуждены коррумпировать министров и секретарей ЦК партии союзных республик и ведущих областей, то, к примеру, в США при таком распределении доходов необходимо было бы коррумпировать кроме руководителей департаментов, еще сенаторов, конгресменов, губернаторов штатов, а также население штатов.

3. Три закона коррумпирования в СССР

Первый закон: Чем выше занимаемая должность в иерархии, тем выше процент взяток в общем доходе.

Обоснование этого закона в следующем. Возможности работника влиять на распределение ресурсов (включая назначения) по мере его роста в иерархии возрастают в геометрической прогрессии; между тем легальный доход работника возрастает лишь в арифметической прогрессии. Поскольку размер взяток зависит непосредственно от возможностей распределять ресурсы, то чем выше уровень управления, тем больше там есть возможностей для коррумпирования. Эмпирически я могу

подтвердить действие этого закона только на основе спорадических данных, основанных на услышанных мной историях. В настоящее время группа американских ученых пытается получить более объективную картину этого процесса, основанную на обследовании большого числа эмигрантов из СССР.

Второй закон: Чем менее тиранично авторитарное руководство, тем в большей мере оно использует коррупцию аппарата управления для увеличения собственной власти.

Лидеры в авторитарном государстве никем не избраны. Они любыми методами пытаются сохранить свою власть от притязаний со стороны работников более низких уровней иерархии. Это включает коррупирование этих работников сверху путем более высоких неофициальных доходов, включая всевозможные натуральные выплаты. Однако угроза потери этих доходов недостаточна, чтобы запугать работника, который стремится сместить вышестоящее начальство. Чтобы сильно запугать этого работника нужна еще угроза тюремного заключения или убийства. Если авторитарный режим становится тираническим, то неугодные лица легко уничтожаются без какого-либо даже формального с их стороны нарушения закона. В нетираническом авторитарном режиме должна быть причина для наказания работника. В этой ситуации коррупирование работниками нижних уровней иерархии своих вышестоящих начальников используется руководством страны для укрепления

своей власти. (См. А. Shtromas, *Political Change and Social Development: The Case of the Soviet Union*, Verlag Peter Lang, 1981.) Если работник проявляет нелояльность к вышестоящему работнику, он может быть довольно легко уличен в коррумпировании снизу и за такого рода нелегальную деятельность предан суду. Несколько процессов в СССР (в частности, в Луганске в начале 70-ых годов) над партийными деятелями среднего калибра были организованы на основе их обвинения в коррумпированности; насколько мне известно, причиной для этих процессов была борьба за власть между партийными боссами разного уровня иерархии.

Попутно заметим, что по мере того, как авторитарный режим становится более тираническим, в нем может уменьшиться роль коррупции, так как лидер и другими способами может уничтожать неугодных людей. Мне кажется, что в период Сталина в СССР коррупция была в меньшей мере развита, чем в постсталинское время, когда резко уменьшилось истребление неугодных работников.

Третий закон: Чем ниже пропорция между легальным и нелегальным (полулегальным) доходами, тем выше уровень коррупции.

Коррупция неодинаково развита в различных районах СССР. Мне представляется, что прибалтийские районы менее охвачены коррупцией; Средняя Азия, Кавказ, Молдавия находятся среди наиболее коррумпированных районов. Районы центральной России находятся где-то

посередине между двумя указанными крайностями. Уровень коррупции в том или ином районе представляется мне связанным с пропорцией между легальным доходом, получаемым населением, и его полулегальными (нелегальными) доходами.

Советский Союз — последняя большая империя в мире — имеет весьма необычную систему распределения доходов внутри империи. Русские имеют, по-видимому, низший уровень доходов среди ведущих национальностей. В районах Прибалтики легальные доходы высоки. Частично, это следствие того, что местное население до своего присоединения к СССР в 1940 г. имело более высокий уровень жизни и советское правительство вынуждено было считаться с этим фактом при установлении политики доходов. Кроме того, крестьяне в этом районе намного более квалифицированы, чем русские крестьяне. В районах Средней Азии, Кавказа, Молдавии легальные доходы сравнимы с доходами в России. В то же время жители этих районов, в отличие от России, имеют больше возможностей для получения полулегальных и нелегальных доходов. Они могут получать эти доходы за счет продажи фруктов и ранних овощей с собственных садов и огородов. Продажа этих продуктов за пределами республики ограничена. Более того, пока колхоз не выполнит план поставок государству продуктов, эта продажа даже запрещена. Но во многих районах страны спрос на фрукты и ранние овощи постоянно не удовлетворяется и

в силу их острой ограниченности могут продаваться по весьма высоким ценам. Это приносит сельскому населению указанных республик большие дополнительные доходы. Эти республики также стали местом отдыха советского населения. Нехватка санаториев, домов отдыха и гостиниц дает возможность населению этих республик получать значительные доходы от полулегальной аренды комнат для отдыхающих.

Тот факт, что значительная часть населения этих республик получает значительные полулегальные и нелегальные доходы, немедленно приводит к коррумпированности всех тех организаций, которые призваны следить за соблюдением законов. Кроме того, если большая часть населения получает значительные полулегальные и нелегальные доходы, то другая часть населения, если она оказывает первым услуги, требует от них дополнительной оплаты. Это еще в большей мере усиливает общую коррумпированность населения в указанных республиках.

4. Вместо заключения

Я хотел бы сказать в конце три общих замечания, касающихся коррупции.

1) Вертикальные и горизонтальные методы вознаграждения и коррупция.

В развитом обществе, где работник вовлечен одновременно в вертикальные и горизонтальные механизмы функционирования, широко применяются как вертикальные, так и горизонтальные методы вознаграждения. Сложность заключается в том, чтобы определить в какой пропорции использовать эти методы. Последнее в свою очередь связано с выработкой норм поведения, легализацией различного рода вознаграждений. Коррупция и возникает тогда, когда вертикальная или горизонтальная часть вознаграждения противоречит закону (обычаю). Применительно к рассмотренному выше ресторанному случаю видно, что вертикальные и горизонтальные части вознаграждения также не во всех странах приняты за норму. В тех случаях, когда в ресторане запрещены чаевые, то официант, согласившийся их принять, будет наказан за несоблюдение обычая. В этом случае можно полагать, что имело место коррумпирование официанта. Если запрещение чаевых будет связано, как выше отмечалось, с охраной интересов потребителей, то чаевые, выплачиваемые официанту, есть ни что иное, как попытка посетителя, дающего чаевые, и официанта, их

принимającego, улучшить обслуживание данного посетителя в ущерб другим посетителям. Еще более резко все сказанное проявляется при взаимодействии индивидумов и организаций в случаях, когда личный интерес участника к получению горизонтального вознаграждения может нанести ущерб представляемому им учреждению (организации).

Множество причин определяют выработку норм, регулирующих в той или иной стране пропорции между вертикальными и горизонтальными методами вознаграждений. Мне представляется, что одной из решающих причин является ответственность работника за выполнение порученных ему обязанностей. Чем более работник ответственен, тем, при прочих равных условиях, в меньшей мере возникает необходимость в горизонтальном вознаграждении; решающую роль играет вертикальное вознаграждение. Предельным случаем, характеризующим эту ситуацию, является робот, которому не нужно никакое горизонтальное вознаграждение, а лишь вертикальное, т.е. энергопитание и ремонт.

Если доминирующая культура в обществе такова, что люди недостаточно ответственны, то возможно, что надо увеличивать горизонтальные методы вознаграждения.

2) Коррупция первого и второго рода и их спектр.

Мне бы хотелось отделить нормы, связанные с выполнением действий, вредность которых

для общества является *спорной*, от норм, связанных с явно вредными для общества действиями. Рассмотренные выше случаи коррупции во многом касались действий, вредность которых для общества является спорной. Назовем такие случаи коррупции *коррупцией первого рода*. По-видимому, наибольшие возможности имеются для снижения коррупции первого рода за счет легализации соответствующих действий работников.

Между тем, имеется множество ситуаций, когда работники своими действиями могут явным образом наносить вред обществу. Дополнительная плата работникам за совершение такого рода действий может рассматриваться как *коррупция второго рода*. Борьба с ней представляет особые трудности и сводится во многом к общей проблеме борьбы с преступностью.

Конечно, введение лишь двух родов коррупции, как всякая бинарная классификация сложного явления, является упрощением. В более развитом случае надо вводить меру вредности совершаемых работниками действий с соответствующими мерами наказания. Мне представляется, что чем больше в стране бюрократии, чем больше регламентируются действия работников и чем труднее быстро менять эти регламентации при изменившейся ситуации, тем более развит спектр, характеризующий меру вредности совершаемых участниками действий. Чем более свободна страна, чем в ней меньше регламентаций и последние легче менять, тем более

жестко соблюдаются уже принятые нормы, тем возможней уже спектр, характеризующий меру легальности.

Если, к примеру, сравнить СССР и США, то можно увидеть следующую картину. В СССР, где бюрократия опутала все стороны жизни общества, действует богатый спектр мер легальности. Там широко представлены полулегальные виды деятельности, поскольку государство, с одной стороны, не хочет признавать их легальными, так как это противоречит идеологическим принципам системы, а с другой, вынуждено считаться со своими же собственными прагматическими интересами.

3) Знак и размер коррупции.

Имеется многообразие действий, которые поддаются коррумпированию. Вознаграждение, интерпретируемое как коррупция, может быть универсальным, т.е. быть инвариантно для любой страны, и может быть сингулярным, т.е. касаться одной страны или даже одного из ее районов. Различие между странами с данной точки зрения заключается в том, в каком *направлении* — с каким знаком — осуществляется коррупция, и каков ее *размер*.

Некоторые виды коррупции в различных странах идут в том же самом направлении. Например, это относится к попыткам преступников, совершившим убийство, подкупить власти, которые могут их осудить. Вместе с тем имеются виды коррупции, которые в разных странах имеют разный знак. Например, в

СССР предприятие-потребитель коррупирует предприятие-производитель с целью получения дефицитных ресурсов; в Западных странах предприятие-производитель коррупирует представителя предприятия-потребителя, чтобы увеличить продажу своего продукта. В Советском Союзе предприятия коррупируют государственные учреждения, чтобы получить большие контракты на выпуск продукции.

Таким образом, виды коррупции в различных странах различаются по знаку. В определении этого знака участвует много "ингредиентов". На основе приведенных выше примеров можно различить следующие "ингредиенты": а) роль участников, кто коррупирует и кого коррупируют, кто является производителем, кто является потребителем; б) намерения участников, т.е. либо увеличение выпуска продукции или уменьшение его.

Дальнейшие различия между странами относятся к *размеру* коррупции. Размер коррупции предопределяется прежде всего числом ограничений на деятельность индивидов, организаций и учреждений. Конечно, число этих ограничений лишь потенциально предопределяет размер коррупции. Некоторые другие условия, включая культуру людей, жесткость системы наказания за коррупцию и т.п., в конечном итоге определяют реальный размер коррупции в стране.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Александр Гершкович

ПИСЬМА О ЕВРЕЙСКОМ ТЕАТРЕ В МОСКВЕ

Дорогой друг,

я хочу рассказать тебе о впечатлении, которое недавно произвел на меня спектакль Еврейского драматического ансамбля "Дамский портной" и о мыслях, которые он вызвал. Запасись терпением и послушай. Если тебе наскучит, ты можешь пропустить лирические отступления — "экскурсы", которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к спектаклю. Или — наоборот, прочитать только их.

За тридцать с лишним лет, что нет еврейского театра в Москве, разучились, кажется, не только играть, но и смотреть еврейских актеров, слушать со сцены еврейскую речь, воспринимать еврейскую тему на театре, писать о ней. Казалось, все предстоит начать с пустого места. И тем не менее, всему наперекор, вдруг выясняется, что есть и актеры, и зритель, и авторы, и даже... критики. Во всяком случае, чувствуется во всем этом потребность, а это уже полдела.

Когда осенью прошлого года в Москве в доме киноактера на улице Воровского, а затем в театре Эстрады была объявлена гастроль Биробиджанского музыкально-драматического ансамбля под руководством Ю. Шерлинга, вряд ли кто предполагал, что в богатой театральными зрелищами Москве это станет заметным событием. После первого же спектакля "Черная уздечка для белой кобылицы" стало очевидно, что родился талантливый, ни на что непохожий, отнюдь не провинциальный ансамбль со своим композитором, режиссером и балетмейстером (Ю. Шерлинг), художником (Илья Глазунов) и синтетическими актерами. Более того — со своей оригинальной эстетической программой, ближе всего стоящей к жанру "фолькс-оперы".

Следующий спектакль-шоу "Помир ал инейнем" московские заядлые театралы, среди которых очень мало знающих еврейский язык, брали здание театра штурмом. Может быть, именно слишком явный и шумный успех ансамбля Ю. Шерлинга и обусловил его мимолетность и мало что изменил в общем положении дел с еврейским театром в Москве.

Незадолго до памятной "биробиджанской" гастрели (а-про-по: большинство ее участников составляли москвичи) в концертном зале гостиницы "Советская", что на Ленинградском проспекте, в помещении единственного в мире цыганского театра "Ромен" состоялся спектакль другого еврейского коллектива — Еврейского драматического ансамбля Московской областной филармонии. Играли на идиш "Заколдованного портного" Шолом-Алейхема и еще одну вещь. Может быть потому, что спектакли едва поднимались над уровнем самодеятельности и печать полупрофессионализма и местечковости лежала на исполнителях, их костюмах и жалких декорациях, этот театр, ни с кем не конкурируя, имел больше шансов прижиться в Москве. Так оно и получилось — он вновь появился на московском горизонте в октябре 1980-го. В привычном теперь уже помещении цыганского театра "Ромен" восемь вечеров подряд, с 10 по 17 октября, еврейская труппа играла новую пьесу современного советского писателя А. Борщаговского "Дамский портной".

Я дважды видел этот спектакль и дважды удивлялся метаморфозе театра. Нельзя сказать, что налет провинциальности бесследно исчез с его подмошков. Отсутствие должной сценической культуры еще дает себя знать в актерской игре, и в слишком скромных постановочных средствах, и в режиссерской работе. Но что стало с актерами? Они играют уверенно и самоабвенно, рисуют емкие, полные плоти и духа, характеры людей, стоящих на краю жизни и смерти. Всею виной, конечно, прежде всего необычный и долгожданный добротный драматургический материал. Пьеса

А. Борщаговского родилась из глубины личных переживаний человека, видевшего войну и разгул нацизма. Я помню, как еще в конце 50-х годов А. Борщаговский — сам киевлянин — делился замыслом произведения о Бабьем Яре. Должно было пройти более двадцати лет, прежде чем он осуществил свой замысел. За это время многое в мире изменилось, но тема страданий от коричневой чумы осталась, увы, актуальной.

Первый экскурс в историю

За годы, прошедшие после второй мировой войны, я не помню спектакля на еврейскую тему в советском театре. Напоминать, что есть такая нация, со сцены считалось вообще, если не зазорным, то во всяком случае излишним. В 1970 году я лично столкнулся с этим "джентельменским" соглашением, когда перевел на русский язык интересную драму венгерского писателя Петера Мюллера "Марта" — о судьбе одной еврейской семьи в фашистской Венгрии 1944 года. Несмотря на очевидные сценические достоинства пьесы, она увидела свет рампы лишь в одном маленьком сибирском театре, в далеком Ачинске, и то каким-то чудом. Правда, из пьесы пришлось убрать слово "еврей", но зато оставили "гетто". Актриса А. Олейник, игравшая заглавную роль в ачинском спектакле, и режиссер С. Пятков получили, помню, тогда премию на фестивале венгерской драматургии в СССР в 1971 году. Это было исключением из общего негласного и нелепого правила избегать показа на сцене людей с еврейской фамилией, разве что в жанровой, эпизодической роли, как раньше избегали показывать в комедии священников или представителей королевских фамилий. Молчание искусства на эту тему рассматривалось чуть ли не признаком хорошего тона или лояльности. Впрочем, как кто-то уже заметил, в жизни общества довольно часто возникают моменты, когда замалчивание каких-то проблем или громогласное

отрицание их наилучшим образом свидетельствует об их наличии.

Данное положение стало заметно исправляться в конце 70-х годов, особенно после опубликования прекрасного романа А. Рыбакова "Тяжелый песок" о советском еврействе 30-40-х годов. Наметились две тенденции: одна вводила в литературу и искусство еврейских героев с неременной иудовой печатью на челе, как в известных произведениях Пикуля и Катаева, другая – стремилась придерживаться правды и быть объективной, изображая людей с еврейской фамилией, как и прочих смертных, среди которых встречаются и хорошие, и так себе, и просто плохие. Вторая тенденция особенно благоприятно сказалась на полноте и правдивости художественного воспроизведения жизни на сцене, органически не терпящей лжи. Один из лучших примеров тому – обошедшая многие подмостки театров страны и экранизированная повесть Б. Васильева "А зори здесь тихие..." Одна из героинь ее, Соня Гурвич, погибающая в неравном бою с фашистами, вспоминает в свой смертный миг недавний короткий разговор со старшиной Васковым – человеком прямой и доброй души за суровой и грубой внешностью. Он спросил ее как-то перед боем: "Родители твои еврейской национальности? – Естественно. – Было бы естественно, не спрашивал бы."

Короткий этот диалог, но как значителен он для характеристики и Сони Гурвич и старшины Васкова, да и для жизненной полноты и человечности всей пьесы Васильева в целом. И как обокрали себя и обеднили спектакль те осторожные режиссеры, которые по инерции прошлого сократили этот эпизод. Давайте остановимся на минутку и разберемся в подтексте васильевского диалога. Почему Соня Гурвич – девочка в очках и в красноармейской форме, не расстающаяся с томиком Блока, нежная дочь своих старых еврейских родителей, вспомнила в свой смертный час не родной дом, не первую свою любовь и даже не строчки из обожаемого ею Блока, а именно этот, казалось бы

случайный и проходной разговор со старшиной, сибиряком Васковым? И почему режиссер театра на Таганке Юрий Любимов заставляет зрителей дважды выслушать его?

• Во втором прослушивании, отраженном сознанием умирающей от фашистской пули Сони, каждое слово и интонация этого диалога приобретают немаловажное смысловое значение, и режиссер хочет подчеркнуть это. Мы как бы следим за ходом мыслей старого солдата Васкова (и не только его одного), столь поразивших сознание наивной и умной девочки Сони. Она воспитана советской школой 30-х годов, не знавшей деления людей по национальному признаку. (никогда бы в то время не появилась статья, подобная той, которую напечатала "Пионерская правда" 10 октября 1980 г., где все евреи объявляются злонамеренными сионистами. И это для детей.) С другой стороны – Васков, в ком еще сидят предрассудки, правда, уже теряющие свою силу. С трудом кончив четыре класса школы где-то в сибирской глубинке, Васков сумел со своим внутренним народным чутьем очень точно построить щепетильный вопрос: не ты, Соня, какой нации, а твои родители, ибо о твоей нации, Соня, у меня к тебе вопросов нет, ты – такая же по нации, как мы все, то-бишь, советская, доказала.

Но и ответ Сони, выслушанный внимательно, особенно во второй раз, заслуживает раздумья: "Естественно", то есть, что в том удивительного, товарищ старшина, что дочь еврейских родителей сражается за родину, как и все? Самым многозначительным в этом коротком диалоге оказывается, однако, ответ сверхсрочника Васкова: "Было бы естественно, не спрашивал бы." Как щелк ружейным затвором на три счета, старшина сверхсрочной службы знает, что спрашивает: р-раз – выбросил стрелянную гильзу вековых предрассудков, два – вложил годный патрон в приемник сознания, три – загнал его в ствол своей памяти...

Бесконечно трогает концовка любимовского спектакля. Танец после смерти. Поистине гениальная режиссерская идея! Их уже нет, этих девчат, но они еще с нами, как эти сосны, с которыми они срослись в медленном танго и, кружась, исчезнут, растворятся в лесной полутьме, оставив своих кавалеров в недоумении...

Также, впрочем, растворится, растает в лесной полутьме, оставшись навсегда с нами, и вырвавшаяся из фашистского плена героиня романа "Тяжелый песок" — непреклонная Рахиль, как символ нового характера советского еврея... Говорят, автор долго не мог найти этого финала и ему подсказал его русский писатель И. Вергасов.

* * *

Пьеса А. Борщаговского под таким непритязательным, вводящим в заблуждение шолом-алеихемовским названием "Дамский портной" с первой авторской ремарки погружает нас в атмосферу, необычную для традиционного еврейского театра с его приверженностью к нравам и быту местечка. Хотя по своей структуре пьеса камерная и не выходит за рамки полуподвальной квартиры, где живет одна еврейская семья, нас не оставляет ощущение масштабности. Показана, собственно, одна только ночь из жизни семьи Исаака Моисеевича, дамского портного 70 лет, его детей, внуков и соседей. Но какая! Мало сказать длинная, осенняя, страшная — она еще и слишком короткая, эта ночь, ибо последняя в их жизни. Ночь одной еврейской семьи перед Бабьим Яром. Как только забрезжит рассвет, все они под немецким конвоем уйдут в никуда...

Трудную, казалось бы непосильную задачу поставил перед собой драматург и решил ее, пусть не с шекспировской, а со скромной, в меру своих возможностей, силой, но честно. Решил в традициях и формах советской реалистической "погодински-леоновской"

драматургии. В пьесе и в спектакле Еврейского драматического ансамбля поражает и глубоко трогает правдивость и открытость сложного переплетения человеческих отношений и судеб, с предельной откровенностью раскрывающихся в эту ночь. На краю жизни и смерти люди освобождаются от паутины условностей и недосказанностей, которой обычно переплетена человеческая жизнь. Вот тогда и видишь воочию кто есть кто и что каждый стоит. Так и рождается пьеса – исповедь.

Жизнь героев Борщаговского схвачена в момент наивысшего напряжения их нравственных и душевных сил – у них (и у автора, соответственно) нет времени постепенно раскрывать характеры и тем более менять их за короткую ночь. Единственно, что могут сделать герои в эти считанные перед дорогой часы, это раскрыть себя до конца, как на исповеди, подвести баланс своей вере, при чем не только на словах, но и в тех ограниченных обстоятельствами "малых" поступках, которые они еще способны совершить в скупое отведенное им время. Потому каждое слово, реплика, и будничное действие этих людей, вплоть до последнего чаепития с домашними коржиками, приобретает особый смысл и значение в спектакле.

Какие же они, эти советские евреи начала 40-х годов? Что осталось у них от многовекового прошлого, что приобретено за двадцать с небольшим советских лет? В каких отношениях они находятся с миром, в котором живут, с людьми, с которыми делилось и радость и горе в нелегкие, счастливые предвоенные годы?

Перед зрителями пройдет легковерная Соня (арт. М. Котлярова) – дочь Исаака Моисеевича, которая, подавляя в себе тайный испуг, с напускным оптимизмом воспримет чудовишный приказ гитлеровцев и начнет печь коржики с маком в дорогу и упрашивать отца сшить чехол на соседский чемодан, чтобы по возвращении вернуть его чистым. Пройдет невестка Исаака Моисеевича, бьющая тревогу Ирина (арт. М. Вишнякова) – учительница, русская по паспорту, чей муж –

пограничник – ”откараулил уже на всех советских заставах” и оставил вместо себя ее единственное теперь богатство – малолетнего сынишку. Пройдет дочь Со-ни, восторженная девочка Маша (А. Горелик), кото-рую в эту последнюю ночь неожиданно-негаданно посе-тит счастье первой влюбленности в тихого и тонкого русоволосого паренька Алешу (А. Притеев) – сына русских погорельцев с Крещатика, получивших от немцев ордер на освобождающуюся еврейскую квар-тиру. Пройдет и запомнится бабушка Алеша – суровая на вид, но чуткая сердцем Евдокия Ивановна (А. Аге-ева), которая не свободна от обывательских предрас-судков, но в трудный момент готова придти на выруч-ку людям, не разделяя их по национальному призна-ку. Взорвется своим бешеным темпераментом краса-вица Роза Спивак (Г. Вишневецкая) – единственная в пьесе, кто попытается любой ценой отстоять свое право на жизнь, а когда это и ей не удастся и она теряет своего брата, то обрушивает без огладки на головы гитлеровцев испепеляющие проклятия и погибает, при-крыв своим телом чужую девочку. Пройдут и другие лица драмы – дворник Горбунов (М. Гейхман), на-пример, служивший при советской власти в ВОХР-е, а ныне выслуживающийся перед гитлеровцами – го-товый полицай, его жена Настя (Э. Адамовская) – забитая и несчастная женщина, загубившая в браке с хамом свою жизнь, но сохранившая светлую душу. И уж, конечно, истинное удовольствие и пищу для размышлений получит зритель от общения с главным героем спектакля – дамским портным Исааком Мои-сеевичем (З. Каминский) – человеком незаурядного ума и острого зрения, большой и доброй души.

С него, пожалуй, мы и начнем – все равно нити пьесы сведутся к этой колоритной фигуре.

Советский театр выработал особое амплуа чудако-ватых стариков-евреев – портных и часовщиков, про-ходивших эпизодами в больших советских пьесах 30-40-х годов. За исключением героев ”Заката” И. Ба-беля все они – жанровые комедийные фигуры. Наи-более известный и типичный из них – еврей-часовщик

в "Кремлевских курантах" Н. Погодина, где В.И. Ленин поручает ему ремонт главных часов страны. Все помнят эту знаменитую сцену в мхатовском спектакле, в которой замечательный артист Петкер в типичной еврейской манере отвечать вопросом на вопрос беседует с вождем в кабинете Ильича. Часовщик Петкера неизменно вызывал добрый, но чуть снисходительный смех у мхатовского зрителя, улыбавшегося тому, как свободно ведет себя простой ремесленник, к тому же еврей, в присутствии вождя мирового пролетариата. Да и Ильич вел беседу хотя вполне демократично и уважительно к своему собеседнику, но не мог скрыть легкую усмешку, впрочем весьма добрую — беседуя с часовщиком, он отдыхал от трудных дел, получал удовольствие. Но в целом эта сцена как бы говорила: часовщик остается часовщиком, вождь революции — вождем. И часовщик Погодина и Петкера точно знал свое место в пьесе и в спектакле, как и в жизни — чужак, хотя и мастер своего дела, эпизодическая фигура, к тому же — комик. Не более.

Дамский портной Исаак Моисеевич — трагическая фигура, подлинный главный герой спектакля. Его мягкий еврейский юмор ни чуть не снижает драматического зерна его роли, скорее даже усиливает, оттеняет его. Он не совершает в спектакле никаких сверхъестественных поступков, ничего героического в обычном понимании, но все, что он делает, что говорит в эту длинную осеннюю ночь носит отпечаток силы духа, общечеловеческой боли и мудрости. Его обострившиеся в эту ночь чувства и сознание, какая-то внутренняя отмотобилизованность диктуют его напористую речь, его мгновенные решения текущих дел, его неожиданную, с полуслова, проникающую в суть реакцию на все происходящее вокруг. Артист З. Каминский с полной самоотдачей — иначе в этом спектакле ничего не получается — играющий эту роль, нашел в себе силы собрать волю и опыт русского еврейства, его лучших прогрессивных черт, которые В.И. Ленин однажды охарактеризовал как врожденное чутье к новому,

чтобы выразить и передать это достояние грядущим поколениям, пока он — простой дамский портной — не ушел в небытие.

Его веселость не напускная, но чуть-чуть гиперболизированная. Он сам называет ее "рейзефибер", то есть "дорожной лихорадкой". Уже в первой сцене с дворником Горбуновым, которого раздражает его веселость, он говорит про это свое состояние души: "Когда они (немцы — А.Г.) за тебя возьмутся, ты тоже узнаешь, что это такое". Горбунов парирует: "А я перед ними не виноват". Следует мгновенный, убийственно точный и дальновидный ответ: "А если им станет скучно? Кончатся евреи, а злость не кончится..." Горбунов: "У меня справка о болезни". Исаак: "Они спешили к нам через всю Европу, чтобы проверить справки от пятой поликлиники."

В то же время Исаак Каминского не был бы самим собой, если бы не простил хаму и мародеру дворнику, зарящемуся на жалкий еврейский скарб, как только узнает от его жены, что тот якобы мучается совестью "по ночам". Портной тут же предлагает пригласить и дворника на прощальный семейный чай:

"Ирина (невестка). Тогда я уйду!

Исаак: Ты не хочешь помочь человеку сделаться лучше? Ты же не боишься его.

Ирина: Вы его боитесь, отец. Это ваше проклятье: и не страх, хуже, привычка, желание задобрить лютого... Чтобы... беда прошла мимо.

И тогда, задетый за живое резкой, но правой невесткой, Исаак Каминского тихо, как бы признавая свою национальную слабость, приобретенную вековыми гонениями, произнесет сокровенное: "Если дерево не гнется — его ломает ветер". Мы еще вспомним это уязвимое жизненное кредо, когда почти под конец пьесы услышим от простой русской женщины Евдокии Ивановны противоположную постановку вопроса, обеспечивающую более верную защиту своих прав. Она знает, как разговаривать с людьми, пытающимися подчинить себе других грубой силой, подобно

хаму-дворнику: заставляя его дать тележку уезжающим, она наступает на Горбунова, который уже считает себя владельцем еврейского скарба, и угрожающе приказывает: "Сейчас этот человек — да, ты — отомкнешь сарай и притащишь к крыльцу нашу тележку! И не скалься, не веселись... Ты притащишь! Иначе не будет тебе жизни в этом доме и в этом городе. Молчи! Мне тоже не будет жизни, но ты подохнешь вместе со мной..." Антон (в испуге идет к двери): "Малахольная! (Уходит.)".

Пьеса Борщаговского это еще и пьеса о психологии разных поколений советских людей. Исаак Моисеевич и Евдокия Ивановна теснее других связаны с прошлым и ведут в спектакле тему преемственности. Как никак большая часть их жизни прошла в царской России. И хотя расстались они с прошлым без сожаления, но унаследовали от него не только щемящее воспоминание детства и молодости, но многие привычки, представления, предрассудки. Исаак Моисеевич только один раз на протяжении спектакля берет в руки твилн и облачается в талес, творя молитву— когда в дом приходит весть о застреленном немцами на улице Давиде — брате Розы Спивак. Соня, увидя молящегося отца, удивляется: "Он уже много лет не молился. Даже когда умерла мама." Исаак-Каминский, сняв твилн и складывая талес, отвечает: "Когда Рива умерла, не мог же я просить у Бога, чтобы он ее вернул... А теперь я просил за живых... Если Он услышит тех, *кто отвернулся от Него*, хорошо, а если нет? (Жест растерянности)." "Кто отвернулся от Него..." Не означает ли это, что старый портной признается и в собственном богоотступничестве под влиянием новой жизни? Что изменения, происшедшие в судьбе русских евреев после 17 года были восприняты этим когда-то набожным человеком, прожившим полвека в атмосфере погромов, как разумные и благодатные? Иначе он не запрятал бы свой талес и твилн глубоко в сундук. Не Бог, а революция открыла его детям и внукам дорогу к равноправной человеческой

жизни. Когда в ответ на шантаж дворника Горбунова "... у тебя сын на фронте", Исаак заявляет: "Двое! И зять Залман – третий. И хоть бы у одного босяка была грыжа или плоскостопие! Сема с детства в очках, вылитый николаевский безбилетник, а у них он военный инженер, строит дороги, мосты...", то за этими словами стоит не только грустный еврейский юмор, но и нескрываемая гордость за детей, которые служат "у них", то есть у советской власти, наравне с другими, ибо это разумно, справедливо, "по-божески".

Нельзя сказать, что Исаак Моисеевич воспринимает жизнь пассивно, какой она складывается помимо его воли. Он принял новую жизнь и "забыл Бога" ("Может быть, за это Он и наказывает нас. Он очень строгий, наш Бог", – говорит он однажды, когда новые квартиранты угощают его салом), не потому, что привык гнуться на ветру, а потому, что был убежден, что новая жизнь будет лучше для его детей. (Также, впрочем, как и возвращение к Богу, когда в мире царит ирреальное, обусловлено для него той же причиной – "просить за живых". Послушаем его короткий диалог с Евдокией о детях:

Евдокия: (недоверчиво). Они что же, плохо жили?

Исаак. Как люди: немножко лучше одних, немножко хуже других. Работали.

Евдокия. А они как хотели?

Исаак. Так и хотели.

Евдокия. А ты чего хотел для них?

И вот тут-то, после паузы, Исаак Моисеевич высказывает мысль, чрезвычайно важную для всех нас, едва ли не главную в пьесе. К сожалению, в спектакле Еврейского драматического ансамбля она проходит незамеченной и для актеров и для зрителей. Не нашла она своего театрального эквивалента и в режиссуре Я. Губенко. Что хочет Исаак для своих детей? Ради чего он отвернулся от своего Бога и готов, как говорит, до конца своих дней спать сидя и даже стоя? Чтобы

они больше смеялись? Чтобы было у них время поднять голову и посмотреть на небо? Ну, а кроме этой лирики. Вот как Исаак Моисеевич формулирует суть проблемы: *"Чтобы не все в жизни за них решали другие, а кое-что они сами, пусть даже по-глупому..."* Такова мудрость, к которой он пришел в жизни, философия семидесятилетнего старика-еврея, заставшего и Николая, и Деникина, и Петлюру с Махно, скрывавшегося от черносотенцев в погребе городского головы генерала Островерхова ("дай Бог здоровья его святой жене!"). Философия по сути своей революционная, в унисон содержанию "Интернационала": "... ни царь, ни Бог и ни герой... Добьемся мы освобождения своею собственной рукой." Этим, разумеется, мы не хотим сказать, что герой пьесы и спектакля – сознательный революционер, но по своим жизненным понятиям, по положению изгоя и по прирожденному чутью к новому Исаак Моисеевич довольно типичный представитель той части русского еврейства, которая пошла в революцию беззвучно, от осознания необходимости изменить условия жизни, когда за них все решали другие, от страстного желания стать хозяевами своей судьбы и решать ее самим...

Второй экскурс в историю

В 1968 году, к пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, издательство "Советской энциклопедии" издало справочник о ней с биографическими статьями об ее наиболее видных участниках. Не будем подсчитывать в интересующем нас в данном случае аспекте процент ее участников-евреев, тем более, что в то прекрасное и возвышенное время этот вопрос мало кого интересовал, разве что врагов революции. Отметим лишь, что среди тех, кто воевал за советскую власть, евреев было не меньше, чем людей других национальностей. К сожалению, многие из них забыты, особенно "рядовые" бойцы

революции, которые были на переднем крае борьбы, в гуще русских рабочих и солдатских масс, легко находя с ними общий язык и контакт. Вспомним выборочно некоторых из них, они ей-богу, того заслужили:

Абельман Николай Самуилович (1887-1918), участвовал в ликвидации левозэсеровского мятежа. Убит у Покровской (ныне Абельмановской) заставы в Москве.

Брегман Лазарь Абрамович (1894-1925), один из руководителей моряков Балтики и кронштадтских большевиков, в 1917 – предс. Кронш. совета.

Буачидзе Самуил (Ной) Григорьевич (1882-1918), один из руководителей борьбы за установление Советской власти на Северном Кавказе, убит контрреволюционерами на митинге.

Володарский (Гольдштейн) Моисей Маркович (1891-1918), в 1905 вступил в Бунд, затем был меньшевиком. После Февральской революции был принят в большевистскую партию. Один из популярных агитаторов среди рабочих и солдат. Убит 20 апреля в Петрограде эсером по дороге на митинг.

Воробьев (Кац) Яков Зиновьевич (1895-1919), в Октябрьские дни 1917 – начальник Канавинской Красной гвардии. С марта 1918 – председатель Нижегородской губчека. Убит белогвардейцами.

Зевин Яков Давидович (1884-1918), активный участник борьбы за установление Советской власти в Азербайджане. Расстрелян в числе 26 Бакинских комиссаров эсерами и английскими интервентами.

Калманович Моисей Иосифович (1888-1937), активный участник установления Советской власти в Белоруссии. В период Октябрьской революции – начальник Минского гарнизона.

Иоффе Семен Самуилович (1895-1937), в Октябрьские дни – председатель Смоленского ревкома.

Каменский Абрам Захарович (1885-1938), участник установления Советской власти в Донбассе.

Крейсберг Исаак Миронович (1893-1919), активный участник установления Советской власти на Украине. В январе 1919 расстрелян белогвардейцами в Полтаве.

Круссер Александр Семенович (1893-1919), активный участник Октябрьской революции на Румынском фронте. Погиб в бою.

Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович (1873-1923), один из лидеров меньшевизма. В 1919 был членом ЦК ВЦИК. В 1920 с разрешения Советского правительства уехал за границу.

Нахимсон Семен Михайлович (1885-1918), до 1917 член Бунда, затем член Коммунистической партии. В октябре 1917 – председатель ВРК р-на 12 армии, в 1918 – военком Ярославского военного округа. Расстрелян белогвардейцами во время Ярославского мятежа.

Олькеницкий Гирш Шмулевич (1893-1918), родился в Бердичеве, активный участник борьбы за Советскую власть в Казани, с июля 17 г. по июнь 18 – секретарь Казанского РСДРП(б). Убит белогвардейцами.

Рошаль Семен Григорьевич (1896-1917), активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, борьбы за установление Советской власти в Молдавии. Убит белогвардейцами.

Рухимович Моисей Львович (1889-1939), член Ростовской организации Бунда, с 1913 – член Коммунистической партии. В Октябрьские дни – председатель революционного штаба Красной гвардии в Харькове.

Слуцкая Вера Климентьевна (настоящее имя Берта Брониславовна) (1880-1917), активная участница Октябрьского вооруженного восстания, член Петроградского комитета партии, организатор женщин Петрограда, работала в Василеостровском р-не. Погибла в бою.

Слуцкий Антон Иосифович (погиб 22 апреля 1918), активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и установления Советской власти в

Крыму. С марта 1918 – председатель Совнаркома Советской республики Тавриды (Крыма). Расстрелян белогвардейцами.

Урицкий Моисей Соломонович (1873-1918), активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, член Петроградского ВРК, комиссар МИД, в 1918 – председатель Петроградского ЧК. Убит правым эсером.

Цвиллинг Самуил Моисеевич (1891-1918), участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и борьбы за установление Советской власти на Южном Урале. Участвовал в борьбе против дутовщины, в освобождении Оренбурга, избран председателем Оренбургского ВРК. Убит белогвардейцами.

Чудновский Григорий Исаакович (1894-1918), активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, Комиссар ВРК в Преображенском полку, один из руководителей операции по взятию Зимнего дворца, арестовывал министров Временного правительства и сопровождал их в Петропавловскую крепость. Участник разгрома мятежа Керенского-Краснова, был ранен. По выздоровлении направлен чрезвычайным комиссаром на Юго-Западный фронт. Участвовал в борьбе против контрреволюционной Центральной Рады, был арестован и приговорен к смертной казни, спасен от расстрела советскими войсками. После освобождения Киева – военный комиссар города. Погиб в бою.

Шейнкман Яков Семенович (1890-1918), родился в Тобольске, с ноября 17 – председатель Казанского губернского Совета, член комиссии по выработке первой Советской Конституции. В июле 1918 во время контрреволюционного мятежа на Волге возглавлял оборону Казани. Расстрелян белогвардейцами.

Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич (1896-1939), один из организаторов борьбы за установление Советской власти в Екатеринославе. С 1918 – член ЦК КП(б)У, был на подпольной работе в оккупированных немецкими войсками районах (Киев, Харьков). В 1918-1920 – председатель Екатеринославского и Киевского губкомов партии.

Не будем продолжать этот список мучеников Октябрьской революции и гражданской войны в России. Вопрос и без того ясен. А. Фадеев и М. Шолохов были близки к правде истории, когда наделяли некоторых своих литературных героев-комиссаров еврейскими именами, в отличие от Пикуля и Катаева, для которых эти имена сегодня ассоциируются с пеной истории. Отметим еще один факт – в трех Временных коалиционных правительствах не принимал участия ни один еврей.

Вернемся снова к спектаклю. Евдокия Ивановна – фельдшерница, входит на сцену со словами, смысл которых сводится к старой присказке: евреи, мол, шустрые, всегда могут устроиться. Можно понять, но не простить бедную женщину, у которой в одночасье сгорел дом, и забытые было при мирной счастливой жизни национальные предрассудки вновь затуманили здравый смысл. Пока мать и дочь-погорельцы не познакомятся ближе с еврейской семьей, с которой их свела общая беда, они с трудом сдерживают свою неприязнь. В лихую годину человеку свойственно искать причину ее не там, где она есть на самом деле. Исаак Моисеевич находит весьма меткое определение этому печальному человеческому свойству, не раз проверенному на собственном опыте. Он говорит: "Когда у человека беда с глазами, он непременно увидит плохого еврея не там, так тут. А я вам так скажу: евреи точь-в-точь как люди: есть хорошие и есть плохие... А собаки все хорошие.

Поняла ли Евдокия Ивановна иронию старика? Видно, на первых порах ей было не до шуток. Да и не может представить себе эта простая русская женщина, что немцы – и они ведь люди! – дойдут до такой бесчеловечности, как Бабий Яр. Это она узнает завтра утром, а пока повторяет на разные лады старую, как мир, песню: "... ваши сговорились... При деньгах все можно... Никого не везут, одних вас..."

Дочь Евдокии Ивановны – Полина – принадлежит к новому поколению, выросшему при советской власти, ей чужды национальные предрассудки (“У нас в семье, – с негодованием говорит она Горбунову, – ненавидели юдофобство”). Но один ее вопрос в пьесе выдает незащищенность этой недавней комсомолки от микроба шовинизма. В разговоре с симпатичным ей Исааком Моисеевичем, который, положив ей руку на плечо, успокаивает готовящуюся стать матерью молодую женщину: “Чужие солдаты еще никогда не оставались долго в России. И эти не приживутся. Ремесленники – пожалуйста живут: сто, и двести, и триста лет, а солдаты – не-е-ет!”, Полина вдруг ставит его в тупик своим неуместным вопросом: “А давно ваш народ в России?” Она даже не чувствует, что своим вопросом возводит невольно перегородку между собой и Исааком Моисеевичем. Как же ответит ей старый портной? “Уже можно было к нам привыкнуть...” – с горечью говорит он.

Артист З. Каминский произносит эту реплику спонтанно, не задумываясь, будто готовился к ней всю жизнь, но мы-то знаем, какие бури пронеслись в это мгновение в душе старого еврея, когда он услышал этот вопрос из уст милой и щепетильной в других вопросах недавней комсомолки. Ее учили в школе истории, но не научили пользоваться ее уроками, опытом, а это уже беда, которая легко оборачивается повторением ошибок прошлого. (В центре Новгородского Кремля возвышается и сегодня монументальный памятник “Тысячелетия России”, установленный в 1862 году скульптором Микешеным. Одна из его многочисленных фигур барельефного ряда изображает скорбную Марфу Посадницу у разбитого вечевоего колокола – символ свободной Новгородской республики. Знают ли взирающие на памятник многочисленные экскурсанты, что организатор освободительного движения новгородских посадников, отважная Марфа, была женой свободного и уважаемого в Новгороде

гражданина, купца Исаака Борецкого, еврея по происхождению, не отделявшего себя еще в пятнадцатом веке от судьбы России?)

Впрочем, и Полина, и еще более ее мать – суровая на вид Евдокия Ивановна, по природе своей чуткие и хорошие люди. Как только они убеждаются в истинном намерении гитлеровцев, уготовивших киевским евреям массовый расстрел, в сознании Евдокии Ивановны и Полины происходит перелом и они готовы придти на помощь семье Исаака Моисеевича. Жаль, что это случается слишком поздно.

... На сцену врывается в отчаянии растерзанная Роза Спивак.

Роза (в испуге). Давида застрелили! Он еще живой, но его убили... Слыхали, как он кричал!

Соня (Полине). Давид – ее брат, мальчику девятнадцать лет.

Евдокия. Он на улице лежит?

Роза (раскачивается на стуле). Мы с папой втащили его в дом, как только ушел патруль... У Давида девушка. Валя-модница. Ребенок! Она вбила себе в голову, что поедет завтра с Давидом, и отец запер ее в каморке, а Давид удрал и пошел к ним... умолять Валу, чтобы она не бунтовала, чтобы ждала его выхода...

Евдокия. Почему он не на фронте?

Роза. О! У вас уже свой домашний полицаи! (Враждебно.) Он дезертир! Все евреи дезертиры, вы что не знаете?

Соня. У него с детства очки с такими стеклами.

Роза. Слепой мальчик! Все на свете были у него хорошие, все, мир из одних хороших людей, а теперь он умирает...

Евдокия (Розе). Пойдем, дочка.

Роза (враждебно). Хотите очки проверить? Они остались на мостовой.

Евдокия. Я фельдшер. Не дури.

(Роза бросается к Евдокии, как к спасению, и они выходят).

Мы почти полностью процитировали эту сцену из-за ее большой важности в эволюции героев. За каких-нибудь несколько минут сценического времени два честных и хороших человека проходят огромный путь от открытой враждебности до полного понимания друг друга. И какими простыми и убедительными средствами это сделано! Начиная с бестактного, но естественного вопроса прямолинейной Евдокии, почему девятнадцатилетний еврейский юноша оказался не на фронте, вызвавшего слишком бурную, но тоже понятную реакцию отчаянной Розы: "Он дезертир! Все евреи дезертиры, вы что не знаете?", и кончая решением Евдокии пойти, рискуя своей жизнью, ему на помощь, в пьесе и спектакле представлена как бы модель взаимного преодоления людьми разных национальностей своих ложных предубеждений друг к другу.

Чем дальше смотришь спектакль и потом вчитываешься в пьесу (она появилась, кстати, в 10 номере журнала "Театр" за 1980 г.), тем очевиднее, что главная тема в ней, которую автор разрабатывает под разными ракурсами, не столько отношение фашистов к русским евреям в экстремальных условиях войны — здесь дело ясное — никакого компромисса между ними быть не может — сколько взаимоотношение еврейского населения нашего Союза с такими же советскими людьми, только записанными по паспорту другой национальностью. Проблемы и наслоения, которые отсюда возникают, нуждаются не в стыдливом замалчивании, а в честном разговоре, в том числе и средствами искусства, дабы не загонять болезнь вглубь. Возмущенный крик Розы: "Все евреи дезертиры, вы что не знаете?" рожден болью от несправедливых обывательских суждений.

Третий экскурс в историю

Вероятно, где-то все-таки существует статистика участия в Великой Отечественной войне людей разных национальностей Советского Союза. Помнится, когда-то в начале 60-х годов я наткнулся на такой официальный подсчет и с любопытством увидел, что в соответствии со своей численностью в общем населении СССР советские граждане еврейского происхождения, как теперь принято говорить, находились в той статистике далеко не на последнем месте. Есть среди них и немало Героев Советского Союза и кавалеров разных орденов, в том числе самого славного и почетного Ордена Славы трех степеней. Знаем ли мы их, как знает Грузия – Кантария, Татария – Мусу Джалила, Армения – Баграмяна, Украина – Ковпака и многих других? Сколько безвестных еврейских ребят погибли героической смертью на фронтах Отечественной, беззаветно защищая свою родину? Кто их знает и помнит, кроме родных?

Будучи недавно в Грозном, по привычке заглянул на книжный развал и увидел скромное издание на серой бумаге: "Герои битвы за Кавказ. Под редакцией генерала Тюленева. Издательство "Иристон Цхинвали". Тбилиси. 1975." На странице 535 вижу портрет совсем еще юноши с задумчивыми еврейскими глазами: Якубовский Израил Семенович. Читаю: "И.С. Якубовский родился в 1924 г. в городе Самарканде. По национальности еврей. Член ВЛКСМ с 1938 г. В Советской Армении с 1942 г. Участник Великой Отечественной войны. Гвардии младший лейтенант. Командир взвода противотанковых ружей. За образцовое выполнение боевых заданий командования на Северо-Кавказском фронте награжден орденом Ленина, медалью "За отвагу". Звание Героя Советского Союза присвоено 16 мая 1944 г." И далее на двух с четвертушкой страницах книжного текста идет описание его подвигов. В виду

труднодоступности издания приведу описание лишь одного. "Ноябрьской ночью Израил Семенович во главе своего взвода вместе с штурмовой группой полка пересек на самом узком участке пролив и под огнем врага высадился на Керченском полуострове в районе селений Голтей и Жуковка.

Автоматчики во взаимодействии с пэтээровцами (расчет противотанковых ружей – А.Г.) И.С. Якубовского крепко зацепились за плацдарм.

Гитлеровцы, собрав свои силы в кулак, остановили наступление десантников к высоте 175.0. Гвардейцы окопались и перешли к обороне. Разгорелся бой не на жизнь, а на смерть. В стремлении во что бы то ни стало сбросить советский десант в воду, фашисты предпринимали одну атаку за другой.

Измученные боем, длившемся более суток, десантники вынуждены были начать отход. Противник уже предвкушал победу. Младший лейтенант Якубовский не мог примириться с этим. "Враг не должен пройти там, где есть гвардейцы!" Поднявшись во весь рост, с криком "Вперед за Родину!" отважный герой ринулся навстречу фашисткой лавине... Тогда все, кто еще отступал, остановились и вдруг, влившись в единую волну, пошли вперед. Цепи врага начали раскалываться, рассыпаться... Верный сын Родины, беспредельно преданный партии и народу, лично сам огнем противотанкового ружья заставил замолчать четыре пулеметные точки, подавил огонь противотанковой пушки и истребил более 15 фашистских солдат.

... Бои за Севастополь, штурм Сапун-горы. И здесь вновь отличился И.С. Якубовский. Когда враг против его трех противотанковых ружей бросил пять танков, Израил Семенович крикнул: "Не робей, ребята! Приготовить гранаты!" И сам противотанковым оружием подбил головную машину врага. Остальные танки продолжали двигаться на позиции взвода Якубовского. Но запылали еще две вражеские машины. Командира ранило, и он обливался кровью. На позиции осталось всего пять человек, но И.С. Якубовский понимал,

что если ему отойти от противотанкового ружья, фашистские машины прорвутся. Он вновь прильнул к оружию. Грянул выстрел – и надвигавшийся на него танк запылал.”

Знают ли сегодняшние воины прославленной Гвардейской Таманской дивизии, ежегодно проходящей парадным маршем через Красную площадь 7 ноября, что в ее рядах завоевал ей славу в боях и Герой Советского Союза Израил Семенович Якубовский – девятнадцатилетний еврейский юноша из Самарканда?

Также как у русских, белоруссов, украинцев, редко можно встретить и у евреев западной и центрально-европейской полосы страны семью, которая не понесла потерь в Великой Отечественной, чьи сыновья не сражались бы на фронте. Помню, в мае 1941 года провожал в западную Белоруссию своего двоюродного брата Саню. Помню тот солнечный день на Елоховской площади, когда из ворот сборного пункта он выехал на машине, молодой, улыбающийся, светловолосый – командир автороты. Потом мы получили несколько его писем из-под Барановичей с описанием еврейских балагул и местечек. А в конце июля к нам уже пришла похоронка. Тогда на фронт пошел его младший брат, Лева Эпштейн, а через год и я. Саня был любимцем в нашей семье, несмотря на то, что я его еще и побаивался, особенно с тех пор, как он однажды, потеряв терпение от моих каприз за столом, вымазал мне лицо злосчастной яичницей. Перед самой войной он, не вызвав особого энтузиазма у родителей, женился на прекрасной русской девушке Тане, которая, уже молодой вдовой, стала лучшим другом семьи Эпштейнов. Сейчас на Востряковском Еврейском кладбище на надгробной плите Эпштейнов есть и такая надпись: ”Александр Михайлович Эпштейн. 1910-1941. Погиб в Белоруссии, сражаясь за Родину.”

Я не уверен, что резкий Саня, столкнувшись он с обывательским упреком в умении евреев ”устраиваться”, удержался бы от реакции, подобной реакции Розы

из пьесы Борщаговского – “Все евреи дезертиры, вы что, не знаете?!”

И еще одно поколение показано в пьесе “Дамский портной” – те, кто родились и выросли при советском строе. Это совсем уже другие, хотя еще и маленькие люди, впрочем, не такие уж маленькие – ученики 7-9 классов довоенных школ быстро выросли в атмосфере бурных лет пятилеток, МОПР-а, первых пионерских лагерей и походов, расцветавшей самодеятельности и кружков “Покорителей Арктики”, “Ворошиловских стрелков”, юнатов, юнкоров. Даже 32-летняя Ирина – невестка Исаака Моисеевича, объездившая с мужем-пограничником “все советские заставы”, – человек другой закваски, чем Соня, которая старше ее всего на пять лет. Эта разница многое значила. Убежденная интернационалистка, остро чувствовавшая враждебность фашизма для всех людей на земле, Ирина больно переживает легковерие и мягкотелость тех, кто еще надеялся приспособиться и выжить при Гитлере. Исаак Моисеевич не без иронии, хотя и с любовью говорит про нее Евдокии Ивановне: “Она темный человек, учительница! Их научили, что нет ни рая, ни ада, а если есть то общий для всех трудящихся. А Гитлер большой полководец, он приказал: разойтись по крови, пусть будет отдельный еврейский ад.” В ответ на сетование Евдокии Ивановны, что ее с детьми немцы не возьмут в вагоны, даже если она попросит, Ирина резко парирует: “Благодарите за это судьбу!”

Собственно, одна Ирина в пьесе догадывается, что с ними завтра будет. Но несмотря, что у нее русский паспорт (по матери), она не мыслит просить пощады у гитлеровцев и не отдает своего сына умоляющей ее об этом дворничихе, доброй Насте. Не только из невозможности для себя расстаться со своим единственным сокровищем, но и из-за невыносимого ужаса обречь своего сына расти в доме презируемого хама Горбунова, из опасения, что он хоть чем-то будет похож на него. Эта гордая, свободолюбивая, молодая женщина,

далекая от национальных предрассудков, находит для себя лишь один выход — разделить судьбу своих близких.

Но речь в данном случае не о ней, — речь о тех подростках в пьесе — Маше и Алеше, которые не имеют и, главное, не хотят иметь никакого понятия о делении людей по крови, придуманном глупыми взрослыми.

Мы впервые по-настоящему обращаем внимание на тоненькую по пьесе и пышненькую в спектакле, живую как ртуть и там и здесь девочку Машу в матросском костюмчике, когда она вбегает в дом с восторженным криком: "Мальчик! Там чужой мальчик!"

Бедная, милая Маша, как не во время пришла к тебе влюбленность, а может быть и первая ранняя любовь! Худшего времени ты выбрать, поверь, не могла. Но что поделаешь, вместе с тобой мы благодарны судьбе хотя бы за этот подарок перед завтрашним днем. Алеша действительно славный парнишка, но очень серьезный и малословный, стеснительный и робкий. Маша говорит с ним о музыке, о рисовании, о школе, о завтрашнем ее отъезде. Послушаем ее чуть-чуть:

Алеша. Бабушка говорит, что вы сами захотели.

Маша. Мне не хочется уезжать. Приказ такой. Ты бы мог научиться играть, пока меня не будет. Хочешь я научу? — говорит она, приглашая сесть к своему инструменту, но Алеша покачал головой и взял с этажерки книгу. Ах, как хочется Маше, чтобы он взял ее руку в свою!

Маша. Знаешь, как у меня руки болят: мы к врачу ходили.

Алеша. А где они болят?

Маша (охотно протянула руку). Отгадай, посмотри и отгадай!

Алеша (показывает на себе). Здесь? Подушечки болят? Ты ведь стучишь пальцами.

Ни войны, ни Гитлера, ни евреев, ни русских, ни украинцев, ни этой последней ночи — как нет и не бывало. Только мальчик и девочка. И распускающийся бутончик любви. Чистые люди на чистой земле. Все это, увы, слишком хорошо, чтобы быть правдой. Есть даже первая сцена ревности между ними. Алеша рисует Машу, сидящую на узлах: "Чужих рисовать легче: ни о чем не думаешь, рисуешь себе. Тебя труднее рисовать."

Маша. Потому что некрасивая... (с вызовом). Ты ведь дружил с кем-нибудь! (Алеша молчит: лгать он не умеет.) В прошлом году я очень дружила с мальчиком. Потом он уехал в лагерь, а я на дачу и вот мы встретились как чужие. Значит, это не любовь, правда? (Алеша молчит.)

Алеша. Не думал, что ты такая.

Маша. Какая?

Алеша. Быстро от всех отвыкаешь... (Рвет лист на кусочки.) Я тебя очень красивенькой нарисовал. Как куклу.

Маша (жалобно). Пожалуйста. (Забирает клочки бумаги.) Я их сложу в вагоне. Ты же не станешь больше меня рисовать.

Алеша (очень серьезно). Нет.

Когда-то Пушкин заметил про плохую драму, что в ней заговорщики даже простой стакан воды просят заговорщицким шепотом. Увлечение (или любовь?) в суровой драме Борщаговского по внутренней линии дано вне войны, и это еще более подчеркивает ее античеловеческую сущность, усиливает трагическую атмосферу действия. Жизнетворна сила девичьей, женской любви даже в этих, противоречащих проявлению чувства условиях кромешной ночи. Но жизнь сильнее, и любой ее знак превращается в символ.

... Соня за перегородкой моет Машу перед дорогой (чтобы войти в вагон "чистой и красивой") и через минуту, радостно взволнованная, выбегает оттуда и делится с Ириной счастьем: "Ира, иди скорее. Ира! ... У девочки месячные! ... Думаешь, почему я радуюсь? Жизнь, Ира! Это ее знак!... Эта кровь, которую мы оставляем в своем доме, чтобы вернуться..."

Как хочется легковерной Соне, чтобы ее зыбкие надежды сбылись! Напрасно...

Брезжит утро. Все приходят в движение, женщины целуются с Евдокией Ивановной, Полиной и Настей, Исаак Моисеевич низко кланяется, Маша и Алеша берутся за руки и уходят, будто решив не расставаться. И уже под занавес звучит, немножко напыщенно, но искренне слова Евдокии, которым не суждено сбыться: "Жизни вам, люди... Жизни и счастья." А ее дочь Полина добавляет тоже вполне искренне, но как-то уж очень неуместно: "Два дня убирать не будем... Пола не подметем, чтобы вам во всем удача!.."

После того, что мы видели и что уже знаем о судьбе уходящих с узлами в то осеннее утро к Бабьему Яру, эти заключительные слова пьесы звучат слишком наивно, снова возвращая нас к иллюзиям, а не к реальности жизни. Истинная скорбь безмолвна. И думаешь: неужели каждый раз такой высокой ценой нужно платить за уроки истории, за понимание между людьми, за элементарное уважение друг к другу, наконец, за простое добрососедство?! Неужели ни те, ни другие — ни тот, кто провожал, ни тот, кто уходил, так ничего и не поняли? А, может быть, в такой закругленно-декларативной концовке правдивой пьесы есть просто просчет драматурга? Хочется этому верить.

Четвертый экскурс, автобиографический

Автор этих строк тоже принадлежит к поколению мальчишек и девчонок, которые, как Маша и Алеша в пьесе Борщаговского, ходили перед войной в 7-9 класс. Правда, жил он не в Киеве, а под Москвой, но также родился от еврейских родителей и звали его всегда Шурой, позже Сашей, паспорт получил как Александр, хотя по метрикам, как обнаружилось много десятилетий спустя, он значился Шайей, что доставило впоследствии немало забот, но пока не вырос, ему и в голову не приходило, что сие обстоятельство может когда-нибудь стать проблемой. В Кунцеве, под

Москвой, он жил на зеленой аллейке с липами под поэтическим названием "Почтово-голубиный тупик", который почему-то после войны переименовали в улицу Мичурина, а затем уже в совсем непонятную Тюльпанную. Ходил в школу, как все гонял голубей, катался на коньках по замерзшим колдобинам, цепляясь за борта громяющих "газиков", участвовал в самодеятельности сначала в струнном оркестре при клубе "Заветы Ильича", а затем в знаменитом по области драмкружке школы №3, где ставили серьезный "мхатовский" репертуар – "Горе от ума", "Любовь Яровая", "Гибель эскадры", маленькие трагедии Пушкина, водевили Чехова. Говорят, делал успехи. Его актерская карьера кончилась в тот злопамятный вечер, когда на московском смотре школьной самодеятельности его выпустили в черном бархатном пиджачке читать монолог Чацкого в огромном переполненном и сверкающем Колонном зале Дома Союзов. До сих пор он помнит странное чувство покинутости, когда он вышел на помост Колонного зала и, ничего не видя перед собой, вполне искренне начал: "Не образумлюсь... виноват... И слушаю-не понимаю..." Доконало его проклятое слово "тесть" в середине монолога, которое, он знал, непременно должно его подвести когда-нибудь – и надо же именно здесь, в Колонном зале, при всем честном народе, сорвалось с уст вместо "тесть" какой-то смешной "тесть"... За кулисами его успокаивали, что даже самому Цареву читать Чацкого в Колонном зале не рекомендуется – не та атмосфера, да и... акустика не та.

В общем жил Шайя-Шура, как человек, и ни разу не приходилось ему сталкиваться с "еврейским вопросом", даже когда начал юнкором печататься в местной городской газете "Большевик", в типографии которой работал наборщиком-метранпажем его отец, Абрам Александрович (по метрикам – тоже Шаевич), а корректором, в перерывах между болезнью, его мать – Дора Давыдовна. И если случалось подписывал он свои

очерки и статьи, все чаще появлявшиеся на маленьких страничках "Большевика", иногда не своей фамилией, а более, как ему казалось, благозвучной — "А. Чайкин", "А. Москвич", "А. Неон", например, то не по каким-либо иным причинам, а исключительно по причине мальчишеского пижонства. За это, кстати, его журил секретарь редакции, добрый писатель и человек Илья Чернев. Печатал очерки о капитане Бадингине, окончившем когда-то местную, Немчиновскую школу, о последнем парижском коммунаре, Анри Лежене, к которому накануне 18 марта ездил в гости в санаторий "Барвиха", что находился в том же Кунцевском районе. Все пути мальчонке были открыты. И это чувствовал не только он, — точнее сказать, он-то ничего не чувствовал, ибо все естественное не замечаешь, как не замечаешь в молодости, что дышишь кислородом или пьешь колодезную, а не водопроводную, хлорированную воду — главное, это чувствовали и ценили его родители, которым в свое время довелось вкусить еврейской доли. И они, видя как складывается судьба их единственного сына, все реже говорили между собой по-еврейски, а о том, чтобы учить 'идиш' сыну-комсомольцу и речь не заводили. В доме все реже справлялись еврейские праздники — в лучшем случае покупали на пасху мацу, луцишь себе, как семечки. Жили мы в маленьком однокомнатном домишке с крошечным участком земли, на правах застройщиков. И отец — большой любитель всякой живности, — завел, соревнуясь с соседом — буфетчиком Иваном Ивановичем Чуйковым, — кур, а затем и порося. Зимой коптили в печном дымоходе окорока. Объеденье! Вот с поросенком у меня и связано одно давнее воспоминание, которое странным образом врезалось в память на всю жизнь. И что удивительно — чем больше проходит времени, тем чаще и острее его вспоминаешь. Жили мы тогда еще не на Почтово-Голубином, где отец откупил и отстроил "баньку" на участке доброго в пьяном угаре и крутого в тверезости Ивана Ивановича — да будет земля ему пухом! — а на другой улице, Пионерской, тоже в Кунцеве, на Богдановке, в

доме застройщика Мячикова — этакое непьющего "кулачка". Снимали комнату. Я ходил тогда в третий класс. Время было трудное, голодноватое. И попросил как-то Мячиков однажды моего отца отписать своему брату в Вязьме — дяде Хеме, чтобы он привез оттуда поросенка для откорма. Тихий дядя Хема привез, хотя было нелегко везти на паровике за двести верст визжащего как резаный поросенка. Взял с Мячикова грош, только за дорогу — из уважения к хозяину, который предоставил кров брату (за деньги, разумеется). Все было бы хорошо, если бы поросенок вдруг не захворал. И Мячиков попросил однажды меня помочь ему отнести уже набравшего вес поросенка в ветлечебницу, что была по дороге в школу. Мы отправились, с разговорами. Не помню точно о чем, но, видимо, о поросенке, какое это нынче подспорье в хозяйстве, ежели, конечно, удастся его выводить. И дернуло же Мячикова в этом разговоре, как бы между прочим, как само собой разумеющееся, бухнуть: "Уж лучше бы ты, жиденок, сдох, чем мой поросенок."

В ту минуту я еще не понял, как следует, что произошло. Чувствовал только какую-то неловкость. Даже не за себя. Что такое "жиденок" тогда я толком не знал, а потому и не мог достойно оценить сей неожиданный пассаж — никто меня ни этим словом, ни другим не обзывал и паспорта с пятым пунктом у меня в кармане, естественно, еще не было. Я обиделся за безответного дядю Хему из Вязьмы. Я ощутил даже не разумом, а нутром страшную несправедливость и злобную тупость Мячикова: ну, положим, свой поросенок ему действительно ближе, чем чужой пацан — это еще можно понять, но при чем тут "жиденок" и — главное — как он мог забыть, что этого поросенка привез ему с таким трудом издалека и отдал задарма несчастный дядя Хема? Это не укладывалось в моей ребячьей башке.

Потом я надолго забыл эту историю и, к несчастью, вспомнил ее только тогда, когда по-настоящему вступил в жизнь, отвоевав в Отечественную, отрубив после

нее еще четыре года в армии и только затем уйдя "в гражданку", одним словом, когда сам стал отцом...

Только тогда я спросил себя: неужели эта история с Мячиковым может повториться? Кто виноват в ней — Мячиковы или мы, не ударившие его по губам, когда он понес непотребное?! Мы, я имею в виду всех не-Мячиковых, которых значительно больше, чем кажется порой, что показала, в частности, и честная, принципиально-важная пьеса "Дамский портной" А. Борщаговского. И Евдокия Ивановна, и Полина, и Настя, и Исаак Моисеевич с семьей, и уж конечно, в первую очередь — мальчик Алеша и девочка Маша, котоные покамест живут в другом, счастливом, измерении...

Спектакли бывают разные. По одним хочется спорить, по другим — нет. Есть безусловно-гладкие, о которых не знаешь, что говорить, есть просто неудачные, когда ясен провал. Но есть и еще один тип спектакля, когда очевидны частные неудачи, изъяны и издержки, но общее впечатление такое сильное, что просто не желаешь замечать недостатки. К числу последних и относится "Дамский портной" А. Борщаговского в постановке Еврейского драматического ансамбля под художественным руководством Якова Губенко (он же — режиссер-постановщик). Но постараемся быть объективными. Актеры в этом спектакле играют уверенно-вдохновенно. Эпитет, пожалуй, наиболее точный. Вместо "играют", однако, можно было бы здесь сказать и "живут", до конца оставаясь верны бытовой и психологической правде, не заземляя ее, но и не возвышаясь над ней. Но, как известно, в театре, кроме того, существует еще и театральная правда, которая, хотя и не противоречит жизненной, но отличается от нее известной обобщенностью, красочностью, наконец, собственным, актерским, отношением к воссоздаваемой на сцене жизни. И здесь актерам Еврейского драматического ансамбля порой не хватает элементарной театральной школы. Да, собственно, откуда ее взять? Актерской студии нет, богатый опыт Госета

с Михоэльсом и Зускиным еще как следует не изучен, если не считать коротких очерков в шеститомной "Истории советского театра" (и за них спасибо авторам Л. Тамашину и Н. Смирновой, ответственному редактору Ю.А. Дмитриеву). Можно ли упрекать исполнителей "Дамского портного", что они еще плохо владеют сценической речью, в мизансценах часто закрывают друг друга, не владеют в достаточной степени мимикой и жестом, столь важными именно для еврейского театра? В этом смысле актеры Иннокентий Смоктуновский и Игорь Кваша в недавнем фильме С. Бондарчука "Степь" по А.П. Чехову преуспевают в передаче еврейской характерности куда больше, чем З. Каминский, А. Горелик и другие. Да и декорации А.А. Бомштейна слишком невыразительны. Их едва хватает, чтобы обозначить место действия, но помочь актеру сделать свою роль ярче, рельефнее они бессильны.

Можно предъявить счет и режиссуре, имевшей интересный и стройный замысел, из которого осуществилась лишь часть. Но, повторяю, выставлять счет этому молодому коллективу, работающему без собственного помещения, легче легкого. Однако уже сделанное заставляет говорить о нем, как о коллективе подвижников, взявшихся за настоящую "мужскую" работу.

С момента, когда на сцену входит актер З. Каминский — маленький, щуплый, но чрезвычайно подвижный, с живыми добрыми глазами и звучным, вовсе не стариковским голосом, когда он появляется в своей черной тройке, в белоснежной рубашке без галстука и даже без подворотничка, с палкой и походным саквояжем, раскрывает его и говорит: "Я знаю, как надо одеваться за границу. Все, что нужно, я взял: ножницы, сантиметр... мои облигации, галстук, мелок... Все, чтобы жить, и все, чтобы умереть, если придет время", — с этого момента зрительный зал — в его власти. Сожмет свой маленький стариковский кулачок — зал замрет, отпустит — проносится вздох облегчения, скажет шутку — и все улыбаются. Все действует

безотказно. А казалось бы ничего особенного З. Каминский на сцене не делает — ни слезу не выжимает из зрителя, чем часто грешат актеры его возраста, да еще к тому же в такой трогательной роли, наоборот — он самый бодрый, энергичный и веселый на сцене, во всех вселяет какую-то удивительную веру в то, что жизнь продолжается. Он называет свое особое расположение духа "дорожной лихорадкой" ("Когда за вас возьмутся, вы узнаете, что это такое!"), но чем, какими силами души такое дается, известно лишь ему одному.

Лишь однажды изменяет старику сила — когда он встает перед бугаем-дворником (арт. М. Гейхман несколько театрально ведет эту роль, но так, пожалуй, и надо), который замахивается на Ирину — невестку Исаака Моисеевича. А когда дворник, в ярости вырвав палку из рук старика, со злостью швыряет ее и, сплюнув, уходит, старый портной ослабшим голосом просит мальчика Алешу: "Принеси, сынок, палку. Что-то ноги дрожат." И все. Вся еврейская мудрость, веселость и скорбь в этом маленьком, добром, открытом всем людям старикане. Все крутится вокруг него. И уходит он из пьесы и из жизни с коротким и кротким словом прощания: "Ну, с Богом."

Есть в этом спектакле один новаторский постановочный прием, который во многом определил его широкое звучание, хотя и вызвал и еще, вероятно, будет вызывать споры. Перед режиссером Губенко встала проблема: на каком языке играть пьесу? На еврейском — значило бы сузить не только круг зрителей, но и переключить всю тональность спектакля в замкнутую еврейскую среду, что не соответствовало бы масштабности и общечеловечности поднятых в ней проблем. К тому же, многие русские персонажи драмы вынуждены были бы говорить по-еврейски. Представляю себе дворника Горбунова изрыгающего свои тирады на идиш! Губенко принимает поистине соломоново решение. Он учится у жизни: как говорили перед войной в большинстве городских еврейских

семей? Половину по-русски, половину — по-еврейски. И ничего — все друг друга понимали, как во многих двуязычных семьях. И режиссер строит весь спектакль на смешанной, соответствующей бытовой правде основе. В первый момент это вызывает недоумение, у некоторых даже непонимание. Пришедший со мной на спектакль заядлый московский театрал, образованнейший человек, владеющий кучей языков, в том числе и идиш, возмущался в первом антракте: "Это профанация. Черт знает что! Я так люблю идиш, пришел послушать правильную речь, а получил какую-то окрошку."

Я понимал и не понимал моего уважаемого друга. Да, "чистого идиш" в спектакле не услышишь. Но разве в этом главное? Разве разговор на двух равноправных языках в семье Исаака Моисеевича, как и в миллионе других подобных семей, не типичное явление в предвоенной советской действительности? А какой достоверной бытовой и социальной атмосферой переходной эпохи веет от этого вечного для еврейства вопроса двуязычья! Ассимилироваться или нет, а если да, то как, а если "как", то во имя чего и поймут ли тебя те, с кем ты решил слить горе и радость, будни и праздники? Все эти раздумья находят выражение наглядное в выборе языка, в добровольном отказе от языка своих родителей и свободного избрания родным языком язык страны, где ты родился и живешь — в данном случае могучего языка Пушкина, Тургенева и Толстого. Один этот выбор заслуживает уважение, как пользуются заслуженным уважением в свою очередь те русские, которые, живя среди латышей или армян или других народов, добровольно выучили их язык и восприняли культуру. Нет, что ни говори, но если бы спектакль Я. Губенко ничего другого не сказал бы для ума и души, то и тогда эксперимент с двуязычным спектаклем обогатил опыт театра и показал его новые возможности.

Новаторский прием Я. Губенко и его труппы, отважившихся смешать в одном спектакле два языка,

открывал новые сценические возможности для обыгрывания ситуаций, особенно комедийных, для введения в спектакль "местного колорита", для выстраивания коротких лирических монологов главных действующих лиц, предававшихся воспоминаниям о прошлом на идиш. Сюжетная линия пьесы от этого нисколько не страдала. Когда в диалоге переходят на идиш или вдруг вставляют отдельные реплики и словечки на нем шуточного или служебного свойства, подчеркивая основную мысль, высказанную по-русски, то даже у русскоязычного зрителя создается удивительное ощущение, будто понимаешь незнакомую речь и ловишь себя на том, что тебе интересно вслушиваться в нее и догадываться о смысле реплики по игре актера. Что бы ни говорили сторонники и противники этого эксперимента, первый опыт двуязычного русско-еврейского спектакля удался. Жаль, что в русском варианте пьесы А. Борщаговского, опубликованной в журнале "Театр", этот опыт не был учтен и колорит пьесы от этого пострадал.

Есть в режиссуре Я. Губенко и еще ряд ценных находок. Время от времени немецкий патруль обходит сцену бесцеремонным завоевательским шагом, внося в спектакль тревожную атмосферу окруженного врагом города. А в конце каждого из трех актов, как бы лирически обрамляя действие бытового по своей стилистике спектакля, на сцену выводится небольшой еврейский оркестр со скрипачем и флейтистом в полосатых арестантских робах и желтой шестиконечной звездой на груди. Тонкое, печальное пение скрипки поэтически скрепляет композицию спектакля и приносит в нее щемящую ноту воспоминаний. Последнее, что мы видим на погружающейся в темноту сцене — скрипка со смычком в тонком луче прожектора. Ее бережно, как последнюю память о жизни, кладет на стол в некогда шумном доме Исаака Моисеевича, теперь опустевшем и тихом, молодой еврей-скрипач в очках и полосатой робе.

Мы начали эту статью, переросшую, вопреки первоначальным намерениям автора, рамки скромной театральной рецензии, с того, что в Москве давно разучились не только играть, но и смотреть еврейский спектакль. В конце же обнаружилось, что это не совсем так, что у еврейского театра в Москве есть не только актеры, но и публика. Правда, эта публика еще не очень театральная, она может входить в зал, когда действие уже началось, долго искать свое место, переговариваться, шуршать обертками конфет, быть недовольной, если в спектакле нет "фрейлихса", а после занавеса спешит в гардероб за пальто, аплодирует вяло и робко, то есть ведет себя в массе своей так, как ведут себя люди, редко посещающие театр. Впрочем, так оно, видимо, и есть, большинство публики едва ли не в первый раз пришло в свой театр. И только вместе с театром они смогут стать театральной публикой, понимающей, как много может сказать и сделать настоящее искусство.

P. S. Это письмо я написал самому себе и получил через два года, находясь уже далеко от Москвы. Прочитал и подумал, что оно не потеряло своей актуальности. Еврейский театр в Москве, несмотря ни на что, продолжает жить и сегодня, он делается еврейскими и русскими актерами вместе. Продолжает работать и театр Ю.Шерлинга, оказавшись более долговечным, чем думалось поначалу. Ему даже предоставили репетиционное помещение в бывшем кинотеатре по соседству со знаменитой 'Таганкой'. В январе 1983 года он показал свой новый спектакль, о котором по обыкновению не пишут в газетах, но говорят в Москве много. Вот один из свежих откликов: 'В этот раз был просто прекрасный вечер еврейской песни в исполнении Ю.Шерлинга и композитора еврейского театра М.Глузмана под аккомпанемент из двух роялей (стиль — нечто вроде еврейского джаза с игрой прямо на струнах рояля и с использованием древнего еврейского духового инструмента — простой бараний рог без клапанов и мунштука). В общем, мы получили большое удовольствие.'

Поистине, советская жизнь полна противоречий.

А.Г.

Бостон, 1983

ДИСКУССИЯ О БУДУЩЕМ СССР

Д.П. Васильев

КОАЛИЦИЯ НАДЕЖДЫ*

1. Философия оптимизма

Начальник 3-го Охранного отделения Собственной Его Величества канцелярии граф Бенкендорф, он же шеф жандармского Отдельного корпуса Российской империи, возмущенный социально-историческим скептицизмом Чаадаева, некогда изрек бессмертные слова: "Прошлое России чудесно; ее настоящее более чем великолепно; что касается ее будущего, то оно — сверх всего, что самое смелое воображение может себе представить".

Эта формула официального исторического оптимизма — или, что то же самое, "казенного бодрчества" — варьируется нашими вождями на все лады. Успехи наши — грандиозны, подъем трудовой и политической активности нашего народа — каждый раз небывалый, социальная сплоченность — обязательно монолитная. Серьезных, а уж тем более трагических проблем перед нами не стоит. Есть отдельные недостатки и еще пока не решенные задачи.

А мир в целом сотрясается кризисами: социальными, военно-политическими, экономическими, демографическими, национальными, религиозными, экологическими, энергетическими... И каждый из них грозит человечеству смертельной опасностью. И все они в совокупности составляют наш повседневный жизненный фон.

* Получено из Самиздата; печатается без ведома автора.

Что касается исторических судеб России или РСФСР, то все прорицания и прогнозы, аналитические обзоры и советологические монографии — все сходятся в одном: существующий в Советском Союзе порядок вещей делает будущее страны весьма и весьма проблематичным.

Но такова уж неистребимая человеческая природа — не может человек примириться с перспективой своего грядущего небытия. Все в нем восстает против апологии тупика и безнадежности. Он всегда подозревает в любом историческом раскладе некий выход в приличный и приемлемый "модус вивенди".

Доживет ли Советский Союз до 1984 года? Наверняка. Будет, "назло прогрессивным пессимистам", жить еще долго-долго... А если погибнет, то — вместе с человечеством. Так что давайте отложим попечения о скорых его похоронах. И не будем спрашивать: по ком звонит колокол? Ибо мир — неделим. Современный — тем более. Болезни одной его части неизбежно сказываются на всем мировом сообществе. Мы привыкли говорить о "мировой системе капитализма" и "мировой системе социализма" как о чем-то самодавляющем и автономном. И не видим, что давно уже стало очевидностью: конвергенция уже свершилась, воплотившись в сложнейшее и нерасторжимое переплетение разных общественно-экономических укладов, военно-политических тенденций, идеологических противостояний, массовых движений. Мир никогда не был биполярен. Не является таковым он и сейчас. Не найдете вы в нем ни средоточий Абсолютного Мирового Добра, ни логовищ Абсолютного Мирового Зла. Думаю, что в глубине души даже Солженицын не верит в свои апокалипсические пророчества относительно судеб растленного демократического Запада и свирепого тоталитарного Востока. Уж слишком все это отдает средневековьем!

Соблазнительны простые решения сложных проблем. Они не требуют ни времени, ни терпения, ни компетентности, ни опыта. И они к тому же имеют больше

шансов стать популярными, нежели те тонкие и тщательно уравновешенные конструкции, которые стремятся адекватно отразить многомерность и многовариантность бытия.

Я не сомневаюсь, что в полемике между Солженицыным и Яновым все бойцовские преимущества на стороне второго. Но я также уверен, что широкая публика отдаст свои симпатии и предпочтения первому. Потому что он предлагает идти по уже испробованным путям. Потому что в массе своей люди еще не доросли до идейных руководителей, адресующихся преимущественно к их разуму.

По одной этой причине я не рискнул бы вручить судьбы своей страны арифметическому большинству ее обитателей. Я согласен с теми, кто обоснованно опасается внезапного и широкого перехода советского общества к "полной демократии". Мы уже видели ее зловещие плоды.

В парадоксальном положении находится сегодня всякий представитель демократического движения в СССР. Все страшатся "неорганизованного, спонтанного народного волеизъявления", осуществленного в формах непосредственной демократии. Каждый чувствует, что в этом хаосе погибнет в числе первых он сам.

Опасно механически переносить на российскую почву исторически сложившиеся формы и институты западной демократии. Они неизбежно исказятся и примут облик тирании масс, в большинстве своем еще не готовых к правовому народоуправлению. Ничего кроме кровавой анархии из этого не получится. Если бы сейчас все взрослое население СССР получило возможность сравнить предвыборные платформы всех ныне известных диссидентов, либералов, прагматиков, консерваторов, сталинистов, националистов, идеократов, технократов, то подавляющее большинство голосов из них собрал бы тот, кто проявил бы "наибольшую решительность" и волюнтаризм Хозяина. Так что судите сами, кем бы оказался новый фюрер.

В этой ситуации вполне естественно возлагать надежды на уже апробированные отечественные институты. Что и делают многие наши реалисты и прагматики. Имя им — легион. Но западному читателю известны из них очень немногие: Сахаров, Турчин, Янов, Р. Медведев. Поэтому я буду в изложении своей оптимистической концепции дальнейшего развития СССР опираться на идеи, выработанные в той части либеральной среды советского эстаблишмента, для которой выше-названные имена не являются ругательными, а скорее наоборот.

Меня лично привлекает конструктивная позиция Александра Янова, схематически изложенная им в журнале "Синтаксис" (№6, 1980). Именно ее я намерен взять за основу дальнейших рассуждений. Поэтому позволю себе достаточно обширную цитату из выступления Янова "Дьявол меняет облик (СССР: либерализация или сталинизация?)".

"... Оказываясь способной *генерировать* оппозицию, русская политическая система оказывалась, тем не менее, неспособна *стабилизировать* процесс либерализации и довести его до черты, за которой он становится необратимым. Анализируя ошибки, сделанные в 1550-е так называемым "правительством компромисса", или ошибки "верховников" в 1720-е, или ошибки правительства Александра Второго в период великих реформ 1860-х, или ошибки Временного правительства в период Февральской революции 1917 г., или, наконец, ошибки хрущевского руководства в 1960-е, мы отчетливо видим их общий корень: русская оппозиция никогда не была способна выработать последовательную и непротиворечивую *стратегию либерализации*. Именно это, с моей точки зрения, обусловило непрерывную цепь ее поражений, что вело в свою очередь к сталинизации системы. Ибо таков характер автократии: *если она не либерализируется, она сталинизируется*.

Разные люди, естественно, делают из этого разные выводы. Одни считают, что либерализация России как

результат политического действия немислима и может прийти лишь в неопределенном будущем, – в итоге трудного духовного процесса самоусовершенствования каждой отдельной личности. При этом, однако, не объясняется, каким образом возможно такое самоусовершенствование в условиях той "гнили и тоски", которая растлевает, а не совершенствует души в сегодняшней России. Или, тем более, в условиях нового террора, который, возможно, на нее надвигается. Другие считают, что либерализация России не только немислима, но и вредна, так как эта страна представляет собой особую и по своей сущности авторитарную цивилизацию, имманентно чуждую западному либерализму. Такова, например, точка зрения русских националистов. При этом, однако, не объясняется, каким образом возможно будет удержать эту авторитарную цивилизацию от новых взрывов сталинистского варварства, которые уже потрясли Россию, по моим подсчетам, 7 раз за 400 лет и в ГУЛАГах которой систематически гибнет цвет ее интеллекта и духа. Третьи, наконец, считают, что либерализация России невозможна по причинам, так сказать, генетическим, из-за ее татарско-византийского политического наследства. Такой точки зрения придерживались, например, знаменитые историки Арнольд Тойнби и Карл Витфогель.

Моя собственная позиция отличается от всех, перечисленных выше. Суммируя ее кратко, мы и переходим к третьей части нашего заключения.

а) Сталинизация России на исходе XX века может послужить источником кризиса всего существующего миропорядка;

б) в таких условиях проблема предотвращения этой сталинизации оказывается проблемой не только русской оппозиции, но и всего мирового сообщества;

в) проблема эта не сводится ни к непосредственной смене автократии демократией (что, как свидетельствует история, нереалистично), ни к простой замене одного авторитарного режима другим (что, как свидетельствует та же история, ведет лишь к регенерации

сталинизма). Речь, стало быть, идет о последовательной и целенаправленной либерализации существующей политической системы, о постепенном движении ее в *направлении* к демократии. ... Приход к власти группы, которую я называю "Коалицией Надежды", мог бы послужить стартовой точкой такого движения." (А. Янов. Указ. работа, с. 91-93).

Янов считает средний менеджериальный класс – "самой мощной массовой опорой русской латентной оппозиции". Она порождена самим ходом индустриальной революции. И собственным положением в обществе поставлена перед необходимостью выхода на политическую арену.

Сегодняшний расклад общественных сил, наиболее вероятно могущих повлиять на грядущие судьбы страны, выглядит у Янова так. На крайнем правом фланге пребывает русофильская интеллигенция. Рядом с ней – "маленькие Сталины", руководители обкомов и горкомов КПСС. Еще ближе к центру – военно-индустриальный комплекс. Совокупность этих трех сил именуется Эстаблишментной правой. На крайнем левом фланге Эстаблишментной левой мы видим сегодня либеральную интеллигенцию. Чуть правее ее – новые менеджеры. И совсем близко к центру – аристократизирующая элита.

Так вот, союз последних трех сил и может составить Коалицию Надежды. Ей уже в настоящее время потенциально противостоит Коалиция Страха, то есть Эстаблишментная правая.

Насколько основательна надежда на приход к власти Коалиции Надежды?

Янов полагает, что линия политического перелома, своеобразная демаркационная линия между общественным прогрессом и регрессом исторически непостоянна и достаточно подвижна. Сегодня она, вероятно, проходит где-то между военно-промышленным комплексом и аристократизирующей элитой. И та, и другая фракция советского эстаблишмента входит в правящую коалицию СССР, которую историк по зловещей аналогии называет Веймарской.

Средний менеджериальный класс пока не является политическим фактором советского общества. Равно как и либеральная интеллигенция. Но не является таковым и русский национализм, если исходить из схемы Янова. От кого же зависит вхождение или невхождение той или иной силы в правящую коалицию? Очевидно, от тех, кто уже у власти: аристократизирующейся элиты, военно-промышленного комплекса и среднего руководящего слоя партаппарата. У каждого из них свой политический аутсайдер, которого он может в решающий момент ввести в политическую игру.

Не совсем ясно, что из себя представляет то, что называется здесь "аристократизирующейся элитой". Вероятно, это люди, обладающие влатсью, культурой и устойчиво высоким социальным статусом.

Прежде чем ответить — положительно или отрицательно — на поставленные вопросы, логически вытекающие из компенсации Янова, познакомимся с обоснованными возражениями тех, кто эту концепцию отвергает. В том же номере "Синтаксиса" опубликован диалог между Вадимом Белоцерковским, главным редактором и одним из авторов сборника "Демократические альтернативы", и Милованом Джиласом, человеком, не нуждающимся в представлении.

Схематически позиция Джиласа выглядит так. В КПСС нет демократических течений. Но зато есть привелегированный имперский партийно-бюрократический слой, "который заинтересован лишь в сохранении своей абсолютной власти и отвергает любые перемены, особенно идеологические новшества". Перемены в советской системе почти невозможны. Единственная возможность для них — "это создание какой-то формы просвещенного самодержавия, которое могло бы начать с реформ, но и в этом случае процесс демократизации может быть задан бюрократическим надзором. Однако и для появления такого просвещенного самодержавца необходим какой-то национальный кризис: военный или революционный, или то и другое вместе. Такая перспектива, как можно заметить, согласуется с

русской историей. Любой коммунизм, в том числе и советский, наиболее сильный, приспособляется к национальным условиям. Но указанное направление трансформации, я бы сказал, соответствует и природе самого коммунизма вообще — движения абсолютистского и доктринального.

Слабость "Пражской весны", хотя это может показаться абсурдом, заключалась в том, что в Чехословакии не было смелого, если хотите, самодержавного вождя или руководства. Так много говорилось о демократизации и гуманизации, но ничего серьезного не было предпринято для защиты независимости страны, при которой только и могла бы демократизация получить реальную почву." (Указ. изд., с. 112-113).

Белоцерковский обращает внимание своего оппонента на позицию целого ряда советских диссидентов и либералов, согласно которой надежды либерализации и демократизации СССР связаны с прагматиками и технократами в руководстве КПСС. Последние вынуждаются к этому интересами не столько общепартийными и общегосударственными, сколько кооперативными и профессиональными. Поскольку рутинная система сверхцентрализации мешает эффективно исполнению их общественных функций. "... Прагматики из высшего партийного руководства, хозяйственные руководители и связанные с народным хозяйством ученые рано или поздно придут к осознанию своих интересов, как-то объединятся и составят политическую силу в стране. Они, скорее всего, не будут иметь целью установление полной демократии, но они процесс демократизации — начнут. И перспективы этого процесса будут зависеть уже от того, сумеет ли демократическая интеллигенция стать "критическим союзником" этих прагматиков, сможет ли она помогать им в постепенной повседневной работе, не мешая им своим радикализмом." (Там же, с. 114).

Джилас не считает технократов и менеджеров способными на организованные и политические действия. Не такова их природа и положение, чтобы активно

влиять на принятие политических решений и быть постоянно действующим политическим фактором. Гораздо вероятнее, по его мнению, усиление влияния второго уровня партийного руководства, военно-промышленного комплекса и КГБ. Эти руководители представляют замкнутую идеологизированную среду, в которой трудно задумать и еще труднее что-либо реально предпринять в направлении перемен. "Для этого, — говорит Джилас, — необходима определенная ситуация кризиса, ситуация смертельной опасности, которая вводит в растерянность бдительных и хитрых догматиков в руководстве партии." (с. 115). В то же время не исключается в принципе возможность появления партийных реформаторов, которые могут опереться и на средний менеджериальный слой, сохраняя при этом свое лидирующее политическое положение.

"Предположим, — размышляет Белоцерковский, — что такие скрытые сторонники демократических реформ уже имеются сегодня в высших партийных кругах. Что мешает им проявить себя? В сборнике "Демократические альтернативы", например, излагается мнение, что их останавливает, пугает или будет пугать, когда они приблизятся к кормилу власти, во-первых, страх перед народом, который слишком озлоблен, голоден — в широком смысле этого слова, — и не подготовлен к демократии, к правовым порядкам и плюрализму. А во вторых, что, может быть, еще важнее, их останавливает страх перед своими коллегами по руководству, особенно второго уровня: руководителями обкомов, горкомов, военно-промышленного комплекса, КГБ. Эти руководители функционально больше всех заинтересованы в сильной и авторитарной центральной власти, как гарантии их сохранения в своих вотчинах. В случае демократизации им труднее всего было бы сохранить власть. И они, составляя большинство в ЦК КПСС, имеют теперь, в отличие от сталинских времен, решающий в кризисных ситуациях голос. Они смогли свергнуть Хрущева, и их именно могут больше всего бояться потенциальные

реформаторы из высшего руководства, из Политбюро и аппарата ЦК." (с. 114-115).

В заключение своего диалога Белоцерковский и Джилас обменялись мнениями относительно национально-религиозного движения, усиливающегося в определенных кругах русско-советского общества и направленного на установление в стране клерикально-авторитарного режима. Белоцерковский обратил внимание оппонента на тот прискорбный факт, что представители этой общественной тенденции претендуют на монопольное решение всех российских проблем на уже испробованных исторических путях православной автократии. "Считают, что все остальные пути развития не подходят для русского народа и что только это движение представляет реальную альтернативу коммунизму, который чужд русскому духу и привнесен с Запада. Правозащитное же движение, как, например, вновь недавно сказал Солженицын в интервью Би-Би-Си, не учитывает этой специфики русской истории и толкает народ к новому Февралю, который обернется новой трагедией. Белоцерковский ссылается на точку зрения некоторых инакомыслящих в СССР, согласно которым русское авторитарно-националистическое движение "может быть использовано, в случае острого кризиса, так называемыми национал-большевиками в КПСС в их борьбе за власть и ради установления в стране откровенно националистического режима". (с. 116, 118).

Джилас настроен весьма пессимистически. "Я Думаю, — отвечает он, — что "национал-большевизм" уже у власти. Он утвердился при Сталине как идеологически-военный империализм, поскольку в СССР он и не мог бы быть другим. Если бы этого не было, то югославы, а за ними и другие, не имели бы причин взбунтоваться. Советский национал-коммунизм имеет свой особый облик: форсирует русификацию, а формально признает равноправие; усиливает русский элемент в партии и государстве, но в то же время дает отпор шовинистическим и даже великорусским

излишествам и экстремизму. Русский элемент форсируется, но — ради усиления всесоветской партбюрократии. Это — приспособление к национально-великодержавным традициям, к националистическому подсознанию, но это и сохранение своей многонационально-партийной империи. ... Православный авторитаризм навязывает русским "моральные" запреты и идеологические догмы. Навязывает неправославным народам России Православие и Священную Империю. Отличную от советской, но все-таки Империю. И нет никаких реальных шансов, что она будет миролюбивой и не склонной расширяться, используя меч религии." (с. 119).

Мы видим, что Джилас охотнее ставит диагнозы, нежели предлагает какие-то реалистические методы лечения болезни. Создается даже впечатление, что он не прочь присутствовать при похоронах неизлечимо больного. Я сам не склонен доверять внезапным целителям общественных язв, но все-таки психологически тяготею к тем, кто ни при каких условиях не теряет надежд на излечение самых тяжелых больных.

Что стоит, например, упование Джиласа на "ситуации смертельного кризиса", которые якобы одни способны преобразовать СССР! Разве мало было подобных ситуаций в прошлом? Напротив, исторический опыт убеждает нас в ином: общество в условиях войны, голода, внутренних смут, массовых эпидемий и тому подобных факторов системной экстремальности начинает жить по законам самого примитивного выживания. Ради мобилизации всех сил "на отпор врагу" в жертву приносятся самые тонкие и, в силу этого, самые уязвимые социальные подсистемы управления и реагирования. На чрезвычайные обстоятельства государство отвечает введением чрезвычайных законов, которые потом становятся постоянными. Вспомним, как любил Сталин нагнетать в обществе именно такую обстановку "смертельного кризиса": обострения классовой борьбы, перманентного внутреннего заговора, непреодолимой враждебности империалистического

окружения. Вспомним и то, что диктатура и террор всегда начинались после гражданских войн, нашествий, кризисов управления и т.п. Рискованно полагаться на древний принцип революционеров — "чем хуже — тем лучше".

Мне кажется, не стоит надеяться и на то, что "хитрые партийные догматики" впадут в растерянность и будут обмануты прогрессивными силами. Вероятность ошибок в принятии решений резко возрастает, когда превышен какой-то порог отработки оперативной информации. Ошибки руководства еще никогда не способствовали делу смягчения общественной обстановки. Потому что ошибаются, как правило, в сторону ужесточения внешнего и внутреннего курса. Ошибаются, вопреки максиме Достоевского, не в сторону милосердия, а в сторону казни. Принятие политического решения о военном вмешательстве в дела Афганистана в апреле 1978 года и военная интервенция 1979 г. является следствием колоссального просчета. И что же, разве это увеличило шансы на "демократизацию и либерализацию" режима?

Джилас не верит в способность советской системы эволюционировать. А между тем, она реально эволюционирует, сохраняя, правда, системную преемственность и структурно-функциональную связь с прошлыми своими состояниями в степени, гораздо большей, чем можно было рассчитывать, исходя... Да, из чего исходя? Разве есть в нашем распоряжении какая-то внушающая доверие контрольная модель системной эволюции такого масштаба и рода? Ее нет.

Разумеется, мы склонны обычно оперировать историческими параллелями и аналогиями. Я сам намерен вскоре прибегнуть к ним же. Но при этом нельзя забывать об ограниченности сравнительного метода даже в чисто познавательном смысле.

Диагноз и прогноз — это далеко не одно и то же. Социально-исторические закономерности имеют одну коварную особенность: они актуализируются в соответствии с массовыми ожиданиями и срабатывают

не раньше, чем преломятся в сознании народов. И когда мы неустанно повторяем: "Советский коммунизм неисправим, он не способен стать иным, чем сегодня" — то тем самым мы помогаем ему оставаться именно таким.

Я потому и не хочу присоединяться к числу обличителей советской системы. Их и без меня предостаточно. Не хватает другого: конструктивных программ очеловечивания общественно-политического строя СССР. В захлебе антикоммунистической борьбы уже многие растеряли некоторые драгоценные и выстраданные приобретения человеческой культуры и цивилизации. Нам сегодня приходится читать не только в сборнике "Из-под глыб", что демократия, прогресс, гуманизм, политический либерализм и плюрализм — вредные анахронизмы. И что во имя сокрушения Абсолютного Мирового Зла нам недурно бы всем организованно остервенеть.

Мы и без того все мобилизованы, то есть — выражаясь словами Альбера Камю — "взяты на борт галеры современности". И странным выглядит требование выбрасывать за борт этой самой "галеры" всех тех, кто пытается как-то повлиять на общий курс, явно — на наш взгляд — ошибочно.

Вместо этого простого и, наверное, увлекательного занятия нам предлагают исходить из иного принципа: "Когда плохо моему врагу, не обязательно будет хорошо мне самому". Потому что принцип максимального ухудшения позиций противника, взятый в качестве базового в международных отношениях и внутренней политике всех государств, уже доказал свою опасную близорукость.

А.Д. Сахаров в своей ранней работе "Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе" (1968 г.) пишет, что "любое действие, увеличивающее разобщенность человечества, любая проповедь невозможности сосуществования наций, экономических систем, различных идеологий — безумие, преступление". С тех пор прошло 12 лет. Но разве

устарели основные положения этого глубокого трактата величайшего гуманиста и демократа нашего времени? И разве сегодняшний Сахаров, отброшенный к барьеру трагического противостояния всей мощи пропагандистского и репрессивного аппарата, не остается виднейшим представителем *советского эстаблишмента, способным принять на себя руководство страной?* Сахаров — это не просто правозащитник, защитник гонимых, это не только идеолог и социально-политический мыслитель, он — что гораздо труднее в его положении — государственный деятель международного ранга. Не столько абстрактно-гуманистической, нравственной, профессиональной, идеологической, сколько государственной озабоченностью пронизан, например, его ранний трактат. Тогда он еще не терял надежды на мудрую прозорливость определенных кругов нашего руководства и их способность встать на уровень требований века. Логикой повседневной борьбы Сахаров оказался увлеченным в русло общественного течения, отделяющего себя от государственной философии прогресса. Но тем не менее, я не думаю, что прав Солженицын, упрекающий Сахарова за его стремление остаться на платформе реформизма, постепенного и тщательно взвешенного преобразования уже сложившегося государственно-политического уклада. Сахаров, в отличие от пророка из Вермонта, не стремится увлекать за собой народы, взывая к подсознательным импульсам озлобленных толп. Сахаров твердо стоит на позиции продуманного принятия государственных решений.

”По нашему мнению, — пишет он, — необходимо внести определенные изменения в самые принципы проведения международной политики, последовательно подчинив все конкретные цели и местные задачи основной задаче *активного предупреждения* обострения международной обстановки, активно проводить и углублять до уровня сотрудничества политику мирного сосуществования, планировать политику таким образом, чтобы ее ближайшие и отдаленные

последствия не обостряли международную обстановку, не вызывали бы ни у одной страны *таких трудностей*, которые могут вызвать усиление сил реакции, милитаризма, национализма, фашизма, реваншизма.”

Идеология более всего мешает современным политикам. Она делает их пленниками собственных лозунгов. Что же касается общественных деятелей, то здесь преобладает привычка рассматривать политические и государственные проблемы сквозь призму идеологических симпатий и антипатий. Последнее, как мне кажется, не позволяет многим общественным деятелям, публицистам и ученым-советологам увидеть в СССР силы, способные сделать Коалицию Надежды фактором государственной власти.

Начнем хотя бы с того, что в СССР происходит неуклонный процесс децентрализации политической власти и экономического влияния. В стране провозглашен и реально (хотя и медленно) проводится курс на расширение полномочий представительных органов. Прежде всего — советов народных депутатов всех уровней, от местных до Верховного. Кстати говоря, далеко не случаен тот факт, что Брежнев счел пост Председателя Президиума Верховного Совета достаточно важным, чтобы оставить его за собой. До него ни один высший руководитель страны — будь то Ленин, Сталин, Маленков или Хрущев — даже и не стремились занять этот пост, предпочитая держать в своих руках руководство партийным и государственным аппаратом.

Сегодня политический статус депутата совета значит неизмеримо больше, чем когда бы то ни было. Не зря все сколь-нибудь заметные партийные, государственные, профсоюзные и комсомольские руководители являются одновременно и депутатами советов разных уровней. Депутатами стремятся стать директора и академики, секретари горкомов и маршалы Советского Союза.

”Ну и что? — возразит скептик. — Обычная игра в представительную демократию. На самом деле все важные политические решения принимаются не в

советах. Средоточием реальной власти становится не система советов, а относительно замкнутые корпорации партгосаппаратчиков, военных и КГБ.” Это — чересчур упрощенная точка зрения, чреватая серьезной недооценкой роли глубинных процессов перераспределения власти и влияния в масштабах страны.

Общегосударственный закон о статусе депутата выводит его из сферы обычного подчинения любому представителю исполнительной власти, как это было во времена Сталина. (Тогда не только депутатов Верховного Совета, но и членов ЦК мог держать в страхе районный руководитель органов госбезопасности. А сегодня весь партаппарат, начиная с секретаря райкома партии, выведен из-под контроля КГБ. И наоборот, все территориальные органы госбезопасности находятся под двойным подчинением и оперативным контролем — своего непосредственного начальства и местных партийных руководителей.) Депутат неприкосновенен на территории, подведомственной тому совету, членом которого он является. Расширились контрольные полномочия депутата. Это нашло соответствующее отражение и в Конституции СССР. Сегодня чиновники всех рангов конституционно подчинены представительным органам, работающим действительно коллегиально. Между прочим и партаппаратчики, в качестве депутатов, приучаются действовать хотя бы формально демократически. Поговорите с нынешними партработниками и вы услышите от них немало жалоб на невозможность работать прежними, сугубо аппаратными методами. Расширение круга лиц, с которыми приходится делить реальную власть и с мнением которых приходится считаться, принимая решения, субъективно воспринимается партийными чиновниками как ”разгул демократии, хаос и отсутствие политической дисциплины”.

Да и сами низовые партийные функционеры начинают вести себя все более самостоятельно, исходя из местных условий и не запрашивая у вышестоящего начальства детальных инструкций по всякому поводу.

Они склонны к установлению "деловых взаимоотношений", на началах координации групповых интересов, с хозяйственниками, учеными, писателями, деятелями культуры и искусства и просто влиятельными руководителями разнообразных полезных служб снабжения, развлечения, бытового обслуживания, торговли и т.д. Сегодня уже можно всерьез говорить о региональных центрах общественного влияния и политической власти. От безлично-бюрократического принципа осуществления своих функций партгосаппарат постепенно, но неуклонно переходит к "вотчинному". Если воспользоваться исторической аналогией, то можно сравнить этот порядок отправления местной власти с удельным, когда еще действовали общественные свободы "ряда", "отъезда" и "совета". Разумеется, глубокого сходства искать здесь не следует.

Экономическая реформа 1965 г., даже в своем "обглоданном" виде, существенно расширила оперативную самостоятельность местных хозяйственных руководителей. Ныне директор крупного промышленного предприятия или стройки, типа "Братскгэстроя", или — если взять недавний пример — КАМАЗа, чувствует себя в своей вотчине не хуже удельного князя. В его руках мощные рычаги влияния на представителей политической власти. Он распоряжается крупными финансовыми средствами, большим жилым фондом, сферой отдыха, развлечения и бытовых услуг. Он стремится отвоевать у партийных органов право самостоятельного назначения на руководящие посты полезных делу людей, ориентируясь преимущественно на их профессиональную подготовку и компетентность и пренебрегая анкетными данными. Пока недостает ему и финансовой самостоятельности, без которой его хозяйственная самостоятельность наполовину обесценивается.

В СССР растет и постепенно набирает силу средний класс. Это: служащие высоких рангов, руководители и ведущие работники многочисленных министерств, ведомств, НИИ, территориальных управлений всякого

рода, головных учреждений, высших учебных заведений, крупных торговых организаций, титулованные научные работники, высший инженерный персонал, видные конструкторы, артисты, художники, писатели, журналисты. Добавьте к этому далеко не полному перечню многотысячные слои просто богатых и "неформально влиятельных" людей. Все они заинтересованы в либерализации экономики, политической, общественной и культурной жизни. Кровно заинтересованы. К тому же они понимают, не могут не понимать, что в условиях "закручивания гаек", массовых репрессий и усиления тоталитарных тенденций пострадают в первую очередь именно они. Хотя бы потому, что у потенциальных диктаторов всегда существует возможность консолидирования социальных низов через натравливания их на "сытых, культурных, богатых и влиятельных".

"Аристократизируется" высший, наиболее квалифицированный слой рабочих передовых отраслей народного хозяйства, прежде всего — крупных предприятий машиностроительной, электрохимической, нефтехимической и т.п. промышленности. Это уже не тот "пролетариат", которого Сталин любил рекрутировать прямо "от станка" в партию.

К числу советских феноменов послехрущевской эры можно отнести и так называемый "полицентризм". Западному человеку, привыкшему к безбрежному политическому плюрализму у себя на родине, трудно оценить значимость, например, такого факта. В настоящее время в СССР нет единообразного, стройного, безлично-бюрократизированного порядка осуществления политической власти, даже на самом верху. Кремленологи и советологи не зря так внимательно следят за малейшими передвижениями в высшем эшелоне власти, за тоном и терминологией передовиц и редакционных статей в газетах "Правда" и "Известия", за порядком размещения высших руководителей страны на официальных церемониях, за нюансами в текстах выступлений членов Политбюро и т.д. Конечно,

не стоит переоценивать достоверность кремленологических наблюдений и прогнозов. Но нельзя сегодня сомневаться, например, в том, что в кремлевских верхах не прекращается борьба между группами несовпадающих внутривластных и внешнеполитических ориентаций. Есть там и умеренные прагматики, и радикальные идеократы, и русофилы, и интернационалисты. Есть сторонники развития Европейского Североземья России. Есть мощное среднеазиатское "лобби", есть украинофилы. Есть сторонники военно-политической активизации за рубежом, есть умеренные изоляционисты. Итоговый курс высшего политического руководства представляет собой равнодействующую множества сил и тенденций.

От персональных качеств советских руководителей, от их программ и убеждений, от круга их советников, от личных привязанностей, симпатий и антипатий, от уровня их политической культуры, наконец, зависит очень многое. Но, конечно же, далеко не все. В отличие от политиков западноевропейской или американской школы, с их индивидуализированными и широко известными политическими физиономиями, советские руководители не связаны ни предвыборными обещаниями, ни принадлежностью к группам убежденных сторонников из широких слоев общественности, ни собственной политической биографией. Поэтому прогностическая ценность советологических и кремленологических раскладок существенно снижается, из-за непредсказуемого характера индивидуальной тактики определенных вождей. Кто бы мог в середине 20-х годов предсказать, что умеренный противник Зиновьева, категорически заявивший, что "партия никогда не прибегнет к репрессиям", поддержавший либеральное крыло Бухарина-Томского-Рыкова, через несколько лет совершит внезапный поворот на 180 градусов и приступит сначала к коллективизации, а потом к массовому террору? И когда сегодня нам говорят, что Сулов был "против" афганской авантюры, а Кириленко является сторонником экономической реформы, то

приходится воспринимать такого рода информацию с солидной долей обоснованного скептицизма.

Но есть факторы долгосрочного порядка. Так, например, мы вправе говорить о резко возросшем влиянии армии, о русификации ее высшего командного состава, о соперничестве ее с КГБ. Можно предвидеть, что после ухода гражданского министра обороны возгорится борьба за этот пост между "элитиками" в мундирах (или без) и профессиональными военными. Естественно ожидать оживления притязаний сравнительно молодых членов высшего и среднего партийного руководства на занятие ключевых постов послебрежневского режима. Не прекратится в ближайшее время и соперничество национальных республик за представительство в Политбюро.

Все вышеизложенное позволяет считать, что — за неимением настоящего политического плюрализма — мы очень долго можем обходиться его суррогатами. Во всяком случае, до тех пор, пока фамилии членов высшего руководства перечисляются в алфавитном порядке и изображаются в печати одинаковым шрифтом, массовых репрессий не будет.

А как же насчет демократизации и либерализации советского режима? Во-первых, и то, и другое не обязательно соседствуют во времени и "государственном пространстве". Из прошлого мы знаем, что полосы довольно бурной либерализации политического режима России не совпадали с полосами его демократизации. Значит ли это, что нам суждено уповать на "просвещенную монархию", которую нам неумоимо предрекают? Вовсе нет. Для либеральных реформ, строго говоря, демократизация и не нужна. Для них достаточно бывает и некоторой децентрализации управления. Во-вторых, либерализация экономики давно идет и рано или поздно потребует соответствующих изменений политической надстройки, согласно основному социологическому закону. В-третьих, либерализация внутреннего и внешнего политических курсов не затронет привилегий власть имущих. Поэтому они не будут стоять перед

острой жизненной необходимостью сопротивляться либеральным реформам не на жизнь, а на смерть. Что касается широкой и полной демократизации общественного уклада СССР, то она существенно затронет вышеупомянутые привилегии, следовательно, ей будут упорно сопротивляться. К тому же известно, что широкие массы жизненно не заинтересованы в либерализации, но естественно тяготеют к непосредственному народоправству. Миллионы советских людей глубоко, по сути дела, равнодушны к идеям правозащитного движения. Гражданские свободы нужны прежде всего гражданам определенного уровня общественной культуры. Уступить им власти могут без риска потрясения основ.

Общественный строй СССР демократизируется не иначе как в рамках уже существующих политических институтов, прежде всего – советов народных депутатов. Подлинно советской власти у нас еще нет. И когда десять лет тому назад в одном крупном российском городе на здании обувной фабрики – по чьему-то начальственному недосмотру – появился праздничный лозунг: "Вся власть Советам!", то он продержался всего несколько часов.

2. Исторические прецеденты

Исследователи не раз обращали внимание на удивительное сходство между коммунизмом и исламом. Рассуждая о перспективах коммунистического режима в СССР, наверное, будет полезно присмотреться к эволюции ислама. Быть может, в ней мы почерпнем знание неких общих закономерностей военно-идеологического империализма.

Ислам – это прежде всего идеология государственного экспансионизма, принявшая религиозно-нравственную оболочку. Для Мухаммеда его учение явилось средством дисциплинирования арабов ради целей внешних захватов. Диалектическая обработка и упрощение

обрывков уже сложившихся мировых монотеистических религий (иудаизма и христианства), соединение их с древними арабскими верованиями позволили сформировать идейную основу отнюдь не узко-националистического, а интернационалистического учения. Подобно коммунистическому учению, создавшему и использовавшему государство в своих целях, ислам предшествовал созданию мусульманских государств и явился их создателем. Можно даже сказать, что исламское государство выпестовано партией правоверных — "участников бегства" Мухаммеда из Мекки в Медину. Очень долго эта партия поставляла из своей среды не только халифов (преемников пророка), соединявших в себе духовную и светскую власть, но и руководящие военные и гражданские кадры. То была поистине партия нового типа, спаянная строгой мировоззренческой дисциплиной. Она сыграла решающую роль в захвате власти и расширения ее в пределах этнических границ Аравии. Впоследствии правоверные "участники бегства" были почти полностью репрессированы халифами династии Омейядов.

После смерти пророка сразу же началась эпоха внешних завоеваний, под знаменем "священной войны с неверными". (Требование "джихада" — священной войны — является в исламе стержневым.) При этом неверных не истребляли, а обращали в правоверие. Для этого достаточно было произнести несколько ритуальных фраз и неверный становился братом по вере. Малочисленность арабов не позволяла им вести завоевательные войны своими силами. Поэтому всем военным победам мусульман предшествовала широкая исламизация окрестных народов. При первых халифах (Абу-Бекре, Омаре и Османе) халифат включил в себя Сирию, Ирак и Иран. В последовавшей затем борьбе за наследство халифата религиозно-политические вожди использовали как наднациональные, так и национальные силы. Арабы вскоре перестали быть ведущим народом империи. Их место заняли последовательно сначала сирийцы, потом иракцы и иранцы.

В Иране соединение исламского учения с местным национализмом и традициями политической деспотии вызвало к жизни самую агрессивную ветвь мусульманства — шиитизм. Одновременно возникло демократическое исламское движение — хариджиты. Последние требовали, чтобы каждый араб имел право участвовать в выборе халифа и сам добиваться халифата. Ядро хариджитов составляли заслуженные бедуинские ветераны, фанатичные исповедники раннего ислама.

Истребление старой гвардии друзей и соратников пророка осуществлялось силами новообращенных, подобно тому, как нечто подобное происходило в СССР в 30-е годы. Вот как это выглядело в 680-е: "Убийство родного внука пророка показало друзьям Мухаммеда, что их ожидает; хотя старая Аравия внешним образом твердо держалась ислама, но стояла под оружием против партии благочестивых. Только священные города казались еще несокрушимым прибежищем правоверных. Перед их стенами волна должна была отступить; и, может быть, из них могла бы удасться попытка восстановить первоначальное царство веры. ... Несчастных ждало ужасное разочарование. Сирийское войско вторглось в западную Аравию под предводительством человека, который как будто создан был для того, чтобы отомстить за все те кровавые победы, при помощи которых пророк и его преемники принудили сопротивлявшихся сыновей пустыни принять новую религию и признать их своими господами; Муслим, полководец Езида, был по своему настроению и суеверию настоящим язычником, человеком сурового, дико-энергичного характера, одним словом, настоящим бедуином старой школы, без всякого следования к священным преданиям о временах пророка и к тому же с решимостью, в качестве родственника умерщвленного халифа Османа, отомстить за его смерть. Чего можно было ожидать от бывших под его предводительством грубых сирийских номадов, которые, исповедуя ислам только чисто внешним образом, были

в глазах верных Медины немногим лучше язычников и на презрение "старых правоверных" отвечали непримиримой ненавистью. ... Судьба побежденных была ужасна: большая часть мужского населения, способного носить оружие, пала под ударами омейядских войск, женщины были обесчещены, город разрушен; со ступеней мечети Мухаммеда текла кровь его седых друзей, и святое место послужило варварам-сирийцам конюшней для лошадей." (История человечества. Под общей редакцией Г. Гельмольта. С.-Пб., 1904, т. 3, с. 288-289).

Аналогичная судьба постигла и Мекку. Метательные машины войск халифа бросали на город громадные камни, горящие головни летели на крышу святилища Каабы, оно было охвачено пламенем. Так начался героический период исламской империи.

А потом пришло время стабилизации режима. Исламское государство вышло на стационарную историческую орбиту. Империя, претерпев все, что империи положено претерпевать (то есть внутренние смуты, изнурительные и обескровливающие войны, безудержную экспансию и итоговый распад), — выродилась в обычные национальные государства, идеологизированные, правда, в несравненно большей степени, чем аналогичные европейские осколки империй.

Однако внутренний огонь ислама продолжал тлеть. Время от времени он давал о себе знать зловещими отблесками. Особенно агрессивно вела себя шиитская ересь. Не раз шииты захватывали государственную власть, и каждый раз ознаменовывали свое правление массовым террором.

Из смещения шиитизма с различными верованиями, главным образом — с коммунистическими взглядами маздакитов, возникла секта исмаилитов. Исмаилиты создали воинствующий орден тайных убийц — асасинов. Само исмаилитство постепенно развилось в учение абсолютного политического цинизма. Особо посвященные члены ордена исповедывали принцип "все позволено", а низшие члены пребывали в

состоянии мистического почитания своих руководителей.

Основатель ордена Хасан-и-Саббах вместе со своими приверженцами захватил в 1090 г. замок Аламут в горной области на юго-западе от Каспийского моря и тем самым положил начало почти 150-летнему грозному владычеству асасинов. Владычество это было основано не на принципах обычного государства. Асасины не стремились к обширным территориальным приобретениям. Они не собирали огромных войск. Их сила состояла в безусловной преданности членов ордена и в фанатическом презрении к смерти. Местами их убежища стали отдельные неприступные крепости.

Кровавые дела асасинов вызывали во всем мусульманском мире парализующий страх. Никто не мог спастись от кинжалов их, если только они задумывали устранить кого-либо из политических или религиозных руководителей окрестных стран. Перед этими предшественниками современного политического террора дрожали все повелители западной Азии и Египта и вступали в переговоры с их главой, как с представителем великой державы.

Слепая преданность сектантов своему вождю доходила до невероятной степени. Мать впадала в отчаяние, если ее сын возвращался после удачного убийства невредимым, вместо того, чтобы умереть за веру. Асасинский воин по одному мановению своего начальника бросался с башни вниз, только лишь для того, чтобы доказать свое послушание.

Но время заставило измениться даже эту секту, менее всего склонную меняться. Тайное учение асасинов, сводившееся к теории нравственного безразличия и дозволенности любых поступков во имя торжества ислама, перестало быть тайной для рядовых членов ордена. Массу их уже нельзя было по-прежнему держать в слепом повиновении посредством туманного и мистического вероучения. Такая система в принципе недолговечна. Поэтому руководители секты стали заявлять

себя решительными сторонниками ортодоксального ислама. Ассасины при своем гроссмейстере Джелал-ад-дине неожиданно, "в двадцать четыре часа" переходят к чистой ортодоксии и отказываются от прежних методов. Они торжественно порвали с кровавым прошлым. Гроссмейстер предпринял продуманное пропагандистское действие: в присутствии множества благочестивых людей из разных стран, специально приглашенных на церемонию разрыва с прошлым, он сжег кучу рукописей, якобы содержащих в себе безбожное тайное учение. Он отправил свою супругу с паломниками в Мекку, где она щедрой милостыней и другими добрыми делами совершенно затмила остальных почетных пилигримов. Началась эпоха сближения с соседними государями Азербайджана и Табаристана путем династических браков. Из исмаилитских владений в северном Иране стали постепенно образовываться самые обычные светские княжества. И чтобы сохранить свою власть, их правители оказались вынужденными обращаться к иным методам, к иной политике, нежели политика устрашения, тайной пропаганды и убийств. Однако было уже поздно. На горизонте поднималась пыль от копыт монгольской конницы. Монгольский хан Хулагу начал свое завоевание западной Азии с создания общей коалиции мусульманских владетелей против главного гнезда ассасинов — замка Аламут. Замок, конечно, пал.

Присмотримся к политическому наследию ислама. Не так давно (в 1972 году) канадский историк-иранист Р. Савори выпустил книгу под названием "Принцип гомеостаза и политические события в Иране в 60-е годы". Там он писал, что характерной чертой политической жизни Ирана является гомеостаз, то есть стремление системы к поддержанию равновесия, сохранения стабильности. Развитию этой черты способствовали, по его мнению, древность иранского государства и длительное чередование иностранных правителей. Действие принципа гомеостаза обеспечивало "национальную стабильность Ирана". К числу основных выразителей

и опор гомеостатических тенденций автор относил феодалов, *мусульманское духовенство*, племенную знать и торгово-ремесленные слои. Но самым сильным фактором стабильности Ирана он считал монархию.

С начала XX века перед Ираном встали неожиданные задачи модернизации. И вот, вдохновленный историческим примером знаменитого модернизатора Турции — Кемалю Ататюрка, иранский монарх Реза Шах (отец Мохаммеда Реза Пехлеви) взял на себя инициативу преобразования страны. Еще до восшествия на престол и образования новой династии, Реза Шах испробовал вариант президентской республики. Вариант не прошел из-за яростного сопротивления консервативного духовенства. Тогда реформатор решил использовать традиционное влияние монархии. (Вспомним, что шииты всегда выступали за наследственный халифат.) Тем не менее, Реза Шах в 1941 году вынужден отречься от престола. После его отречения гомеостатические силы Ирана отбрасывают страну на дореформенную стадию.

Сын Реза, последний шах Мохаммед Реза Пехлеви, также попытался начать со структурных реформ социально-экономического уклада Ирана. Опять безуспешно. К тому же, антишахская оппозиция постаралась перехватить реформаторскую инициативу. Антишахские силы организационно объединились в Национальный фронт во главе с Моссадыком. Однако последний пал раньше, чем сумел осуществить задуманное. Пал, недооценив традиционное влияние иранской монархии в недрах иранского общества.

Шах попытался в 1957-1961 гг. осуществить широкие социально-экономические преобразования страны, расширяя одновременно конституционные формы политической организации. Однако иранский парламент, состоявший преимущественно из феодалов, всеми силами саботировал осуществление аграрной реформы. Против шаха и его реформаторского курса выступал и Национальный фронт, для которого шах был "антинационалистом" уже на том основании,

что он принимал американскую помощь. Савори, однако, считает, что основной причиной отказа Национального фронта от сотрудничества с правящим домом являлся "гомеостатизм" торгово-ремесленных слоев, составлявших основу фронта. На левом фланге Национального фронта находились романтически настроенная интеллигенция, мечтавшая о том, чтобы вернуть Ирану его первоначальную чистоту веры и политической организации времен халифата. Воспоминания о великом историческом прошлом страны побуждали их отворачиваться от картин вестернизированного будущего Ирана, картин, которые рисовали энергичные сторонники шахской "белой революции".

Националистически настроенная интеллигенция исповедывала изоляционизм и проповедовала "опору на собственные силы". Для нее шахский режим оставался зримым воплощением ненавистного деспотизма. Шах и в самом деле прибегнул к неконституционным методам осуществления своих нововведений. Подобно Петру Великому, он искоренял варварство варварскими средствами. Но в отличие от Петра, он имел перед собой мощного врага — шиитизм, с его многовековой традицией борьбы с "узурпаторами" и "ненастоящими халифами". Савори считает, что именно под влиянием религиозных факторов иранская интеллигенция выработала многолетнюю привычку уходить от суровых реальностей жизни в область идеологических мифов, в мистику недоверия к власти как таковой. Скептицизм в отношении к любым нововведениям отличал всегда типичного иранского интеллигента.

Лишенный поддержки интеллигенции, шах оказался вынужденным опираться преимущественно на армию, сохранявшую традиционную лояльность к монархии. Из военных формировался даже персонал созданных в 1963-1964 гг. Корпусов просвещения, реконструкции и развития и здравоохранения. Задачей Корпусов было не только культурное и экономическое развитие отсталых сельских районов, но и

помощь крестьянам в преодолении феодального влияния. И надо сказать, крестьяне активно поддержали "белую революцию", начатую по инициативе шахского режима. Третьим "бастионом" шаха явилось младшее поколение чиновников и специалистов.

Под влиянием народной поддержки (ибо крестьяне в аграрной стране всегда составляют большинство) даже многие бывшие члены Национального фронта и Туде принялись лояльно сотрудничать с режимом в деле осуществления прогрессивных преобразований села и города. Дошло даже до того, что бывшие оппозиционеры стали занимать в высших народнохозяйственных органах видные посты. Примирение интеллигентов с эстаблишментом явилось, по мнению Савори, следствием и внешнеполитических факторов, например — прекращением помощи со стороны США и сближения с Советским Союзом.

Однако студенты — особенно обучающиеся за границей — сохранили неизменной свою непримиримость к шахскому режиму. В 1965 г. они, вдохновляемые маоизмом, организовали покушение на шаха.

Итак, утверждает Савори, шаху удалось преодолеть "ранее всемогущую гомеостатическую тенденцию". Автор делает оптимистический вывод относительно перспектив развития страны, в случае, если существующий режим останется стабильным.

Но он, как мы теперь знаем, таковым не остался. И вот теперь, "подводя итог революционному году, человек с университетским образованием, переживший все режимы, вздыхает, однако: "Мы жили при шахе, который хотел, чтобы мы жили, как в 2000 году. Мы живем при священнике, который хочет нас вернуть на четыре столетия назад. Нам нужен человек, который дал бы нам возможность жить в наше время. Мы не требовательны." ("Экспресс", от 1 декабря 1979 г., с. 72).

Прежде, чем прогнозировать дальнейшее развитие иранского общества, обратимся к источникам, из которых исламские революционные лидеры, видимо,

собираются черпать не только вдохновение, но и политическую мудрость. Присмотримся к традиционной политической философии ислама.

Эрвин Розенталь (Кембридж, Англия) в своей книге "Политическая мысль в исламе. Теория халифата и политическая философия", изданной во Фрейбурге-Мюнхене в 1972 г., дает очерк развития средневековой мусульманской политической философии и ее отражения в развитии различных юридических школ. Официально, — пишет автор, — незыблемую основу мусульманской политической философии составляет "божественный закон" (Коран и сунна). Однако мусульманская догматика допускает истолкование закона на основе аналогии и авторитетного мнения ученых. Это обстоятельство в средние века и составляло, по мнению автора, существенную предпосылку идейно-политического развития при формальном сохранении нетронутых основ догматики. На самом же деле юристы применялись к конкретной политической обстановке и плели тонкую сеть компромиссов, как будто ни на шаг не отступая от "божественного закона".

Аверроэс критикует несовершенные мусульманские государства раннего периода. В чем же заключается их несовершенство? В разделении власти между "царем закона" и военачальником. Имеется в виду тот период исламских государств, когда функция имама отделилась от функции исполнительной власти эмиров и султанов. Почему же она отделилась? — спрашивает себя Аверроэс. И отвечает: потому что, как свидетельствует реальный исторический опыт халифата, — способность толковать закон (иджитхад) редко совпадает со способностью вести "священную войну" (джихад).

Таким образом, все дело в личностных качествах имама? И если он, подобно имаму Хомейни, обладает полнотой достоинств пророка, то, если следовать логике Аверроэса (и добавим: логике создателей современной иранской конституции), он должен быть поставлен выше законодательной и исполнительной власти.

Аль-Маварди, написавший первый систематический мусульманский труд по государственному праву, попытался установить компромисс между политическими реальностями распадающегося халифата и догматическим идеалом. Халифат, соединявший в личности мусульманского главы власть духовную и светскую, восхваляется Аль-Маварди в качестве идеальной государственной модели. Однако и современная мыслителю преобладающая исполнительная власть эмиров также им не оспаривается. Она столь же правомочна, по его мнению. Несколько иначе увязывается политический идеал ислама с его преходящими состояниями в трудах Аль-Газали. Он подчеркивает роль халифа как первого имама. Говоря о смене династии Омейядов династией, ведущей свое происхождение от дяди пророка — Аббаса, философ оправдывает все насильственные меры, предпринятые Аббасидами для свержения предшественников. Даже для сельджукского султана, узурпировавшего власть в мусульманском государстве, Аль-Газали находит оправдание с точки зрения государственной целесообразности. Ибо турки, по его мнению, обеспечили единство мусульман. Что касается обойденного халифа, то он продолжал сохранять за собой полномочия верховного духовного главы, по отношению к которому султан — всего лишь влиятельный слуга. Халиф остается "тенью аллаха" и в этом качестве не нуждается в средствах материального принуждения.

Современным иранским фундаменталистам придется пересмотреть свое двойственное отношение к философу Ибн-Халдуну, которого иногда именуют отцом социологии и предтечей марксизма. Он проследил в своей истории мусульманской цивилизации взаимодействие социальных, экономических, политических, религиозных и культурных факторов, определяющих жизнь людей "в государстве и обществе". Как и у большинства других представителей политической философии ислама, у Ибн-Халдуна утраченным идеалом остается ранний халифат. Однако он стремится не к тому,

чтобы реставрировать ушедшее, но к тому, чтобы рационалистически осмыслить и нравственно оценить то, что есть.

У мыслителя совершенно однозначное отношение к культуре урбанистического общества. Он считает, что она способствует падению общественных нравов и религиозного рвения. Тем не менее, именно в городах, центрах цивилизации и культуры, — пишет Ибн-Халдун в своем "Введении" к истории мусульманской цивилизации, — может осуществиться возможность человека как политического существа. В этом мусульманский мыслитель явно следует за Аристотелем. Основное содержание истории человечества, утверждает Ибн-Халдун, составляет борьба между городским и сельским населением, прежде всего кочевым. Сельская жизнь воспитывает солидарность (асабийя), городская — разобщенность. Правда, и в городских условиях может возникнуть солидарность, основанная на религиозном рвении. Но в городе и религия неизбежно перерождается, ибо навязывается населению силой. Когда религиозный закон утверждается насильственным путем, то ослабевает религиозная инициатива (основа рвения), главным фактором социальности становится страх. Нетрудно заметить пункты мировоззрения средневекового мыслителя, которые придутся по вкусу революционным "исламским студентам", воплощающим дух политической инициативы в современном Иране. Аргументы Ибн-Халдуна против государственной монополии на политическую и экономическую инициативу могут быть охотно восприняты в борьбе против "безличного правопорядка" традиционного государства. Правда, до сих пор фундаменталисты отвергали теории этого средневекового мыслителя, определившего свое время. В частности, идея асабийи объявлялась немусульманской. Кроме того, националистов оскорбляла мысль Ибн-Халдуна, согласно которой арабы не могут создать прочного и долговременного государства.

Небезынтересно ознакомиться с основными принципами экономической политики ислама, в том виде, как они сформулированы, например, в статье Шауки аль-Фанджари "Экономическое направление в исламе", опубликованной в каирском журнале "Миср аль-муасира", см. "Востоковедение и африканистика", М., 1974, №1 (№349, 1972, с. 37-50). Статья прореферирована Н.А. Гайнуллиным. Автор — бывший тогда советником Государственного совета АРЕ, профессором университета Аль-Азхар — указывает на пять экономических принципов в исламе.

1. Ограниченная экономическая свобода. Ислам предоставил людям в области экономической деятельности свободу, которая, однако, не является абсолютной. Во-первых, всякая экономическая деятельность должна соответствовать канонам ислама. Именно поэтому ислам запретил производство вин, ростовщичество, монополию, чрезмерное накопление богатств без вложения их в сферу производства, расточительство. Во-вторых, всякая экономическая деятельность должна служить интересам общества. По этой причине богословы единодушно считают, что государство должно установить контроль над всей экономической деятельностью в обществе и взять в свои руки те отрасли экономики, которые не могут вести отдельные лица (строительство железных дорог, создание тяжелой промышленности, производство оружия, освоение пустынь и т.п.).

2. Признание частной и общественной собственности в качестве основ экономики. Ислам признал частную собственность как результат человеческого труда и взял ее под свою защиту. Вместе с тем на нее установлен ряд ограничений, превращающих частную собственность лишь в социальную функцию: мусульманин не может распоряжаться собственностью вне сферы производства или тратить их неразумным образом. Общественная собственность была утверждена на мечети, священные места, землю, полезные ископаемые, воду, свет, соль, неосвоенные земли.

3. Система социального обеспечения. Если один из членов общества не может зарабатывать себе на пропитание из-за болезни, старости, безработицы, то о нем должно позаботиться государство. В исламе для этих целей существует система закята — налога на благотворительные нужды, которой в современной терминологии соответствует система социального обеспечения. Выплата налога на благотворительные цели обязательна для каждого мусульманина.

4. Сохранение экономического равновесия между членами общества и ликвидация различий в уровне жизни. После того как каждому члену общества будет обеспечен достаток, ислам допускает накопление богатства; при этом каждый должен получить по труду, в соответствии с приложенными усилиями. Признавая возможность разницы в богатстве, в доходах вследствие разных объемов приложенного труда, ислам не допускает, чтобы эта разница была чрезмерной, ибо, отмечает Аль-Фанджари, именно большая разница в степени обеспеченности является причиной розни и волнений в обществе. Мусульманское право допускает восстановление государством нарушенного экономического равновесия посредством национализации. В соответствии с канонами ислама национализированная собственность должна быть компенсирована (некоторые богословы шиитского вероисповедания считают, что национализация должна осуществляться без компенсации).

5. Вмешательство государства в экономическую деятельность и планирование. Богословы единодушно признают этот принцип. Однако трудно определить, в какой степени допускается вмешательство государства в экономическую деятельность. Так, например, в первые времена существования мусульманского государства не было необходимости широкого вмешательства государства ввиду низкого уровня экономической деятельности (скотоводство и ограниченная торговля); при правлении же халифа Омара с расширением границ государства, увеличением ресурсов и

ростом экономической деятельности это вмешательство приняло более широкий размах; в связи с высоким уровнем и сложностью экономической деятельности вмешательство государства сегодня выражается во всестороннем экономическом планировании.

Однако ислам сегодня — это прежде всего миллионы фанатизирующихся людей. Религиозно-имперская идеология опять привела в движение огромные массы мусульман. Не стоим ли мы перед грозной перспективой новой полосы исламской экспансии? Судя по откликам западной печати на декабрьские события 1979 года — да. Вот что, например, писалось в журнале "Экспресс" (№1481, от 1 декабря 1979 г.):

ИСЛАМ: ВОЙНА

АЛЛАХ или АКБАР! Аллах велик! В эту среду 21 ноября, по христианскому календарю, 700 миллионов мусульман празднуют наперекор миру 1400-ю годовщину пришествия Магомета в Медину, которое знаменовало собой начало хиджры, мусульманской эры.

Аллах велик, но Пророк, возможно, с трудом узнает своих. В Тегеране миллион иранцев оплевывает "Великого Сатану", несчастного Джимми Картера. Это стало ритуалом. В Тунисе арабские принцы и президенты собираются еще раз обсудить судьбы несчастного Ливана. Это рутина.

Однако молния упала на мир. Главное святилище ислама, центр паломничества, которое каждый мусульманин должен совершить хотя бы один раз в жизни, чтобы стать ходжей (святым), осквернено. Вооруженные командос захватили вчера приступом, в час утренней молитвы, большую мечеть с семью минаретами. В ее центре находится Кааба, священный камень черной лавы, принесенный верующим архангелом Гавриилом. Святотатство! В Риаде министр внутренних дел Саудовской Аравии громит "вооруженную банду отступников от исламской веры". Но кто же эти атеисты? Конечно же шииты, ортодоксальные или схизматики, поскольку они претендуют на провозглашение "Махди", мессии. Для шиитов, иранских или арабских,

ортодоксов или хариджитов (секта), двенадцатый имам, скрывающийся с девятого века, пользуется мистической сверхжизнью и возможностью пришествия. Его зовут Мухаммед аль Махди аль Мунтазар ("Ожидаемый"). Он вернется к людям в конце времен, для краткого золотого века.

В Кумах аятолла Хомейни чувствует опасность. Этот хитрый фанатичный старик принял недавно титул имама, к большому недовольству многих докторов богословия. Но сегодня ситуация бесконечно более серьезна. Он торжественно отмежевывается от нападения на святая святых ислама и возлагает ответственность за это на "империализм и сионизм". Слишком поздно. В Тунисе главы арабских государств, все суннитского вероисповедания, решили бойкотировать иранскую делегацию, прибывшую изложить свою точку зрения. У нее не было даже статуса наблюдателя...

Кризис назревал более года. Он символически проявился на заре 15-го века ислама и в начале месяца Мохаррам, месяца крови и мучений, месяца, который также видел в прошлом году в Тегеране падение династии Пехлеви.

Но сегодня драма выходит за пределы Ирана, судьбы заложников в Тегеране и унижения Америки. Волна шока, вызванная национальной шиитской революцией в Иране, бушует над огромным районом, находящимся в состоянии полной дестабилизации. С неясными последствиями, часто противоречивыми, но определенно драматическими.

В Пакистане, например, где утвердилось вместе с генералом Зия уль Хаком мусульманское интегристское правительство, палачи ежедневно орудуют кнутом. После сообщения о событиях в Мекке тысячи пакистанских, иранских и палестинских студентов устремились к посольству Соединенных Штатов, сожгли несколько зданий, смертельно ранили морского пехотинца, который попытался воспротивиться продвижению восставших, бросая слезоточивые гранаты. Исламские студенты немедленно возложили на американского

”Великого Сатану” ответственность за сопротивление пророку, на ”Сатану”, решившемуся, по их мнению, на репрессии против захвата заложников в американском посольстве в Тегеране. Понадобилось несколько часов, чтобы пакистанская армия решила вмешаться и разогнать демонстрантов. Но в Лахоре и в Равалпинди консульство и американский культурный центр были разграблены и сожжены.

... Но у Джимми Картера теперь другая назойливая забота: присутствовать при крушении в течение нескольких часов гигантского воздушного замка в Персидском заливе, в этом подлинном легком Западе. Это уже главное поле битвы в войне двух исламов.

”В Бахрейне, например, — телеграфирует Лилян Сишлер, специальный корреспондент ”Экспресс”, — йеменские и белуджийские полицейские прочесывают каждый вечер городские кварталы. Портреты Хомейни внезапно исчезают с витрин с наступлением ночи. В сентябре аятолла иранского происхождения, Ахмед Аббас аль Махри, родственник Хомейни, был изгнан со всей его семьей за призыв к революции. Немедленно кварталы покраснели от лозунгов гнева.

”Это саудовская полиция навела порядок”, — убеждает меня еще дрожащий от ужаса торговец.

Здесь все верят, что видели ночью как судна подходили к пляжам и как иранцы с их религиозной экзальтацией прятались в задних комнатах лавочек. Молодые мусульмане-шииты с ужасом говорят о страшном полковнике Андерсене, британце, который организовал поддержание порядка в Бахрейне. ”Он не осмеливается позволить сфотографировать себя, но его убьют, как и его предшественника”, — с уверенным видом утверждает студент.

В шиитских поселениях архипелага женщины в кожаных масках приготавливают свои дома к празднику Ашура (ноуруз по-персидски), дню мусульманского Нового года, празднику самобичевания, который напоминает шиитам убийство Хуссейна, внука пророка. Каждый год в этом районе мира мужчины

умирают под ударами бичей, во имя самого большого счастья своей семьи. Боясь на этот раз вспышки фанатизма, люди полковника Андерсена наполнили тюрьмы Джедда”.

Слишком запоздалая предосторожность, без сомнения, и почти ничтожная. Каждую ночь лодки скользят по зеленым водам залива, связывая иранский берег с бывшим берегом пиратов. Здесь запутанно пересекаются иранские пути бегства видных людей старого режима, а также пути разрушения священных городов, контролируемые кумскими или мехедскими муллами. Оружие, магнитофонные кассеты переходят из рук в руки без всякого труда в этом лихорадочном мире, одержимом образом старого бородатого человека в черном тюрбане, мастера слова и брата бедняков.

Так как часть драмы именно в этом. Мусульмане сунниты и шииты — братья, но сегодня это братья-враги. Помимо старой ссоры из-за наследия Пророка, которая остается жестокой, шиитский ”люмпенпролетариат”, экзальтированный примером столь близкой иранской революции, сводит свои счеты с теми, кто глумился над ним со времен смерти зятя Мухаммеда в 661 году нашей эры, и требует также свою долю пирога в обществе, богатом долларами, которое за десять лет изменилось больше, чем за десять веков.

Будучи меньшинством в мусульманском мире (всего 50 миллионов), последователи Али и его последнего сына Хуссейна весят, однако, много во внутренней жизни арабского мира. Бедные среди бедных в Ливане, они здесь наиболее многочисленны внутри мусульманской общины. Они составляют 60% населения Ирака, где политическая власть, однако, является суннитской. Их 60% также и в Бахрейне, где они заполняют самые нищие кварталы. От 15 до 20% населения Кувейта, этого нового Эльдorado, — шииты. Они многочисленны в Северном Йемене и в Оманском султанате. Это важно, если учесть, что эти две маленькие страны находятся среди основных поставщиков

рабочих-эмигрантов для богатых эмиратов. Эти люди, почти всегда разлученные со своими семьями, спящие на террасах или внутри каркасов огромных строящихся зданий, находятся в ежедневном контакте с палестинцами.

Другая проблема: палестинцы, обученные в технических школах или в западных университетах, часто занимают ответственные посты, очень хорошо оплачиваемые. Но их уровень политизации не имеет себе равных в арабском мире. И некоторые палестинцы Фронта отказа или просто близкие к Организации освобождения Палестины являются самыми решительными теоретиками "нефтяного оружия".

Потрясающая угроза! Через ворота этого мира, находящегося в разгаре кризиса, каждые семь минут один танкер продолжает пересекать Ормузский пролив. Было бы достаточно минирования, действительного или просто объявленного "террористами", чтобы большинство машин в Соединенных Штатах, Западной Европе и Японии очень быстро остановились. Но Оманский султанат, естественный страж пролива, располагает лишь одним патрульным судном и одним вертолетом...

Другая горячая точка, где, возможно, будет разыграна судьба нашей цивилизации, — Саудовская Аравия. Не следует переоценивать немедленные последствия нападения на большую мечеть в Мекке, поскольку силы безопасности вновь быстро овладели контролем над ситуацией...

В Саудовской Аравии положение, очевидно, совершенно отлично от иранского. В этой огромной стране, где распыленность населения делает трудными массовые демонстрации, даже в крупных городах, секретная полиция, менее заметная, чем САВАК шаха, принимает, однако, сильные меры. Несколько десятков тысяч иностранцев, сочтенных малонадежными, были немедленно высланы. И в случае волнений гвардии дан один приказ: "стрелять в толпу".

Но опасность остается большой. По некоторым слухам, недавно отмечалась попытка путча в воздушных войсках. Всегда возможен альянс между новыми технократами и молодыми офицерами. Палестинцы особенно многочисленны среди персонала нефтяной промышленности и они располагают многими способами маневрировать рабочими-иммигрантами, часто шиитского вероисповедания.

В Израиле, — телеграфирует наш корреспондент Гези Кармель, — не колеблясь возлагают ответственность за операцию в Мекке на отделение Народного Фронта Освобождения Палестины, ранее руководимого покойным Вади Хаддадом. "Удар", подобный энтеббскому, был подготовлен в Адене, ставшем подлинной красной базой, где находятся как наиболее экстремистские палестинцы, так и оставшиеся в живых члены японской Красной Армии и банды Баадера, равно как и пакистанские и турецкие гошисты, часто шиитского вероисповедания.

Наваждение некоторых разведывательных служб? Возможно. От этого операция в Мекке не перестает быть одновременно новым источником осложнений на Ближнем Востоке, элементом очень серьезного кризиса внутри арабского мира и крахом саудовских служб безопасности, даже если им и удалось вновь взять в руки ситуацию.

Советский Союз официально хранит молчание. Это его обычное поведение в такого рода ситуациях. Провал стратегии Национального фронта, на который СССР рассчитывал в Иране, побуждает его к терпению, точно также как и то, что он увяз в Афганистане, в войне против герильерос (партизан), умиравших с криками "аллах или акбар!" Но бакинская станция, передающая на фарси для Ирана, накалила свою аудиторию в течение двух недель в деле американских заложников в Тегеране.

... Война ислама может вылиться без нового предупреждения в мировой кризис первой величины. Тогда весь Запад целиком был бы взят заложником.

Предположения журнала "Экспресс", приведенные выше, кажутся мне достаточно обоснованными. Однако не ислам сегодня определяет мировую политику, а коммунизм. Сходство между тем и другим очевидно, но оно, конечно же, далеко не полно. Коммунистические режимы волей исторических обстоятельств конституированы иначе.

В исламе государство используется идеологией. В коммунизме идеология используется государством. Экспансионизм первого можно назвать идеолого-государственным, экспансионизм второго – государственно-идеологическим. Ислам бессилён создать тоталитарные режимы. Для коммунизма они – повседневная реальность. Динамизм первого обеспечен активностью и инициативой масс, второго – силой и агрессивностью учреждений. Исламский террор спонтанен, импульсивен и преходящ. Коммунистический – внешне организован и имеет тенденцию к возобновлению в точно заданный момент. Исламский террор распространяется "по горизонтали", его субъектом является фанатизированная толпа, он опирается на индивидуальное религиозное рвение и нетерпимость. Коммунистический – направлен "по вертикали", сверху вниз, субъектом его является правительство, а постоянным объектом – народ. Исламская пропаганда оперирует мифом, сориентированным на прошлое, коммунистическая пропаганда использует миф светлого будущего.

И тем не менее, эволюция ислама даёт обильный материал для прогнозирования эволюции коммунистических режимов. Мы видим, что героическому периоду бурной внешней экспансии ислама соответствует форма пестрой интернациональной империи, во главе которой стоит халиф, соединяющий в себе функции духовного и светского вождя. Не напоминает ли все это героический период Ленина-Сталина, когда интернациональная империя достигла своего исторического пика. Когда имя вождя консолидировало движение и идеологически, и государственно. Когда вождь не столько "держал знамя", сколько сам им являлся.

Затем настало время жестокого соперничества мусульманских государств за лидерство в мусульманском мире. При этом борьба шла, в основном, между государствами-ветеранами ислама и государствами-неофитами. Борьба, как правило, не приводила к уничтожению соперничающей стороны и заканчивалась компромиссом. Наконец, мусульманские государства стали традиционными: то есть вопросы распространения и торжества ислама перестали быть в фокусе государственной политики. Соперничество между КНР и СССР за лидерство в коммунистическом мире последовало за ослаблением государственно-идеологического единства коммунистического "халифата". Чем оно закончится? Трудно сказать. Но в настоящее время это уже борьба обычных военно-идеологических держав, которые относятся к проблемам "единого движения" сугубо инструментально. Внешняя политика обоих соперников вошла в традиционное для каждого из них имперское русло. Государственный интерес получил решительный перевес над идеологическим. Хотя идеология и продолжает выполнять важнейшие функции, среди которых не последнее место занимает подготовка плацдарма военно-государственного проникновения.

Эпоха экспансии коммунистического учения ушла. Идеи продолжают распространяться, на то они и идеи. Но единого учения Пророка нет. Есть множество соперничающих сект. Мир им не завоевать, при самом сильном желании. Уже утрачены первоначальные динамизм и цельность. Пожалуй — и агрессивность. Сегодня даже маоизм перестал играть большую роль грозного идеологического дестабилизатора традиционного порядка. В настоящее время коммунистические идеологи озабочены более всего сохранением своих внутренних позиций. Резкое падение внутреннего престижа коммунистических идей в коммунистических странах — знамение послевоенной эпохи. Былая пламенная вера миллионов масс сменилась массовым индифферентизмом. Осталось ритуальное богослужение,

принудительно навязываемое и машинально отправляемое.

Новое дыхание и новый импульс агрессивности коммунистическая идеология может получить из того же самого источника, из какого почерпнул их исламский фундаментализм. Источник этот — национализм. Собственно, уже не раз коммунистическая идеология соединялась с воинствующим национализмом. Примеры у нас перед глазами: Китай, Вьетнам. И каждый раз такое соединение давало взрывоопасную смесь.

Русский национал-большевизм грозит миру гораздо большей опасностью, чем обычно полагают. Он не ограничивается воссозданием духа Российской империи, с ее стремлением к безудержной территориальной экспансии. Национал-большевизм пытается сегодня реставрировать сталинизм в его классическом варианте 1948 года. Но не только. Реставрированный и осовремененный сталинизм неизбежно попытается внезапным ударом "решить" все проблемы исторического соревнования двух социально-экономических систем. И это уж будет настоящие "десять сталинских ударов", некогда измышленные советскими школьными учебниками истории.

Возникает вопрос: так ли уж велика роль идеологии в современном советском обществе? Ответы даются самые разнообразные. Сахаров, например, считает, что характерной особенностью нынешнего режима в СССР является идеологический индифферентизм и прагматическое использование идеологии в качестве удобного фасада. Прагматизм и гибкость ("Вальс лозунгов") сочетается, по мнению Сахарова, с традиционной нетерпимостью ко всякой диссидентской мысли, идущей снизу. Сталин не совершал свои преступления по идеологическим мотивам. Он руководствовался интересами борьбы за власть, в процессе создания "казарменного социализма", если воспользоваться известным выражением Маркса. Точно так же, как основным критерием современных руководителей страны в принятии всякого "деликатного решения" является

интерес сохранения их власти и основных черт их режима. Тем не менее, утверждает Сахаров, несмотря на всеобщий "идеологический индифферентизм", господствующая в СССР идеология продолжает исполнять свою социальную функцию сакрализации режима. Исполняет она ее крайне неэффективно, поскольку "никто в нее не верит, но каждый говорит так, как если бы он в нее верил".

Солженицын защищает, на первый взгляд, тождественную точку зрения на роль современной официальной идеологии в Советском Союзе. Он именует ее институализированной ложью, соединяющей тиранию со скептицизмом.

Французский философ и политолог Раймон Арон в своей книге "Защитить упадническую Европу" сближает позиции Сахарова и Солженицына на том основании, что тот и другой говорят о лживости идеологии. Только первый недооценивает силу идеологии, а второй склонен ее переоценивать.

Собственная позиция Арона вытекает из вопроса: продолжают ли влиять марксистско-ленинские догмы на реальное поведение советских руководителей, на принятие политических решений? Ответ на этот вопрос у Арона получается положительный, несмотря на целый ряд оговорок относительно прагматизма людей из Кремля. Логика рассуждения Арона такова. Атеизм является стержнем марксизма-ленинизма. Ленин никогда не сводил свою идеологию к социо-политической программе. Поэтому атеизм продолжает оставаться в СССР тотальной верой.

Семена догматизма, посеянные книгой Ленина "Материализм и эмпириокритицизм", утверждает Арон, дали сегодня обильный и устойчивый урожай. (В отличие от урожаев зерновых в советском сельском хозяйстве, не способном прокормить собственное население каждый третий год, урожаи догматизма неизменно превышают в СССР все самые смелые ожидания.) Если ревизионизм начинается с метафизики, если философское уклонение ведет к уклонению политическому,

то, — спрашивает французский философ, — как могут советские руководители терпеть верующих? Позволить каждому партийцу верить или не верить в Бога — это все равно, что признать суверенитет индивидуального сознания, низвести политическое мировоззрение на уровень вероятностного мнения.

Призывая вождей Советского Союза к отказу от воинствующего атеизма, Солженицын тем самым предлагает им совершить идеологическую капитуляцию. В результате советские руководители приобретут миллионы хороших граждан, но это уже будут не советские граждане, а православные националисты. Отказавшись от воинствующего атеизма, марксистско-ленинская идеология потеряет принцип власти, авторитета, от имени которого формируется некий "сверхреальный мир", противопоставленный "грубой реальности" и выносящий суждения о ней от имени высшей инстанции.

Каким образом согласуется в СССР вера и скептицизм? — спрашивает далее Арон. Как может идеология тиранизировать умы, когда в нее никто не верит? Советские руководители не игнорируют ни действительного соотношения уровней жизни на Востоке и Западе, ни высшей производительности западной экономики, ни превосходства американской науки и техники в самых различных областях. "В этом смысле они признают грубую реальность статистики". Тем не менее, реальность и сверхреальность продолжают сосуществовать в умах советских руководителей. (Очевидно, это единственное мирное сосуществование, признаваемое ими без каких-либо оговорок?)

Объяснение всем этим феноменам идеологического сознания Арон ищет и, естественно, не может не найти в историческом прошлом России. Все объясняется просто-напросто тем роковым обстоятельством, что советский режим впервые утвердился в империи царей, принадлежавшей к другому типу цивилизации.

Советские руководители не могут отказаться от марксистской идеологии, поскольку они рискуют

утратить престиж в глазах революционеров всего мира, в глазах европейской левой и в глазах всех эксплуатируемых людей. Это пишет Арон, признавая одновременно правоту Сахарова относительно идеологического оправдания сверхиндустриализации и варварской коллективизации. Сахаровский тезис он пытается как-то согласовать с утверждением Солженицына в его "Письме вождям": "Сегодня эта идеология только ослабляет и связывает вас".

Ни в Советском Союзе, ни в гитлеровской Германии, — заключает Арон, — управление экономикой само по себе не требовало тирании. Дело обстояло как раз наоборот: всемогущество политической секты, захватившей власть и поставившей экономику на службу своим грандиозным проектам преобразования мира, не могло осуществиться иначе как в тиранической форме. Идеология "легитимизировала" политическую монополию КПСС.

3. Неизбежность компромиссов

А между тем советские руководители не раз отказывались от приоритета идеологических принципов как во внешней, так и внутренней политике. Достаточно вспомнить альянс Сталина с Гитлером, дошедший до готовности СССР на идеологическую капитуляцию и на вступление в Антикоминтерновский пакт. Во время войны Сталин без всякого потрясения основ своей власти пошел на компромисс с православным духовенством и русским национализмом. Скажут: он их использовал сугубо инструментальным образом. Согласен. Но на какой-то стадии инструмент начинает влиять на способ манипулирования. После войны Тито оказался отлученным от Коминформа и идеологической ортодоксии по причинам сугубо политическим. И по тем же политическим соображениям он был возвращен в лоно господствующей церкви. На Ближнем Востоке СССР терпит уничтожение местных

компартий или покровительствует той или иной из них, руководствуясь исключительно имперскими интересами. Примеров такого рода прагматизма (или — если угодно — цинизма) достаточно много, чтобы заключать о вторичности идеологических соображений в планировании глобальной политики СССР.

Обратимся к внутренним делам бывшего "халифата". Разве Советский Союз не пошел в 1970-х на целый ряд политико-экономических уступок Польше и Венгрии? И разве несколько ранее, в 1969-м, советские руководители не отказались от планов частичной реабилитации Сталина, уступая протестам Кадара и Гомулки? Молчит сегодня "Правда" и о "югославском ревизионизме". Прекратились публичные нападки на еврокоммунизм. И т.д.

"Чистота марксизма" существует сегодня только в воображении Суслова. Конечно, время от времени борьба за эту пресловутую "чистоту" возобновляется, но каждый раз все менее и менее ожесточенно.

Нетрудно догадаться о причинах ослабления пропагандистской войны за единство мирового коммунистического и рабочего движения. Потому что война уже проиграна.

Что остается? Остается достаточно еще монолитная военно-идеологическая империя, сосредоточившая свое внешнеполитическое внимание на традиционных для России заботах. Некогда европейские политики дружно считали Николая Первого распорядителем европейских судеб. Был период, когда он действительно был таковым. Однако очень скоро Крымская война показала действительное соотношение сил и — в России на длительное время возобладала философия трезвых самооценок. Не так ли и сегодня: дружный отпор, данный со стороны Запада советским претензиям на расширение сферы влияния в новом (южном) направлении, может отрезвить людей из Кремля?

Экономика СССР сегодня как никогда нуждается в сотрудничестве с западной. Стратегическое окружение, которое уже в 1980-е годы может стать фактом,

уже сегодня не может не тревожить руководство Советского Союза и страны Варшавского блока. Не естественно ли искать в такой ситуации прочного мира на одном из фронтов? Мне думается, что сближение с Европой, а затем и со всем Западом исторически неизбежно по причинам хотя бы геополитическим. Миллиард китайцев, нависающих над растянутыми восточными границами СССР, рано или поздно заставит советское руководство радикально пересмотреть свои политические приоритеты.

Наша страна в гораздо большей степени, чем это кажется, включена в западное сообщество. Период долгого сотрудничества с Европой и Соединенными Штатами (экономического, политического и культурного) не прошел бесследно. Коммунистический мир медленно, но неуклонно вестернизируется. Старинная русская пословица гласит: "С кем поведешься, от того и наберешься".

Полнее всего ощущается западное влияние в советской экономике. Дело тут не только в технологических, технических и организационных заимствованиях. Усваивается философия экономического поведения. Прагматическая часть советских экономистов и теоретиков управления (среди которых мы видим такие имена, как академик А.Г. Аганбегян и заместитель Государственного комитета по науке и технике член-корреспондент АН СССР Д.М. Гвишиани) считает, что экономический рационализм отнюдь не противопоказан социализму. И надо признать, что в последнее время политический авторитет деловых людей резко вырос.

Сталинизм все-таки, несмотря на свои сильные контратаки, отступает из многих областей советской общественной жизни. В настоящее время не говорят уже о бдительности советских биологов, физиков, математиков, химиков, да, пожалуй, и экономистов. Конечно, нам еще далеко от свободы научных дискуссий, принятой в Польше и Венгрии. Но не следует забывать, что эти страны — органическая часть некогда

единого "халифата" — могут взять и уже берут идейный реванш за капитуляцию перед Востоком. Не без влияния братских стран утвердился в СССР критический взгляд на период коллективизации. Экономическая эффективность частного сектора в странах Восточной Европы, допускаемого там во все большей степени, будоражит умы советских людей. Очень многие здесь говорят об абсурдности централизации всего планирования.

Обострение отношений с Соединенными Штатами побуждает вождей СССР строить свои отношения с Западной Европой, с учетом ее гуманитарных требований. Вспомним, что союз с республиканской Францией некогда ослабил русский царизм. В то время как альянс с монархической Германией неизбежно укрепил бы позиции самодержавия. Западная Европа вовсе не "предает" принципов атлантической солидарности. Она выковывает дополнительные инструменты влияния на внешнеполитический и внутренний курс советского авторитаризма. Диалог его с Жискаром д'Эстеном и Гельмутом Шмидтом не прошел безрезультатно. Брежнев вынужден принимать правила европейской политики. В то же время подлинной опасностью для всего мира явился бы военно-политический союз России с Китаем. Идеологический фон песни "Сталин и Мао слушают нас" общеизвестен.

Перед советским руководством не стоят сейчас задачи типа бешеной сверхиндустриализации и коллективизации сельского хозяйства, на базе уничтожения наиболее деятельной части русского крестьянства. Некогда они оправдывали все меры милитаризации политической жизни и абсолютной централизации управления. Сегодняшнее состояние экономики властно требует иного — децентрализации высшей власти.

Не актуальна в настоящее время и проблема "если завтра в поход..." Даже с точки зрения своих имперских интересов, должен СССР остерегаться слишком громких боевых кличей. Тихая интервенция, не требующая мобилизации глубинных ресурсов воинственного массового сознания, — это плод компромисса

между генералитетом и политиками. Кремль вполне обоснованно опасается превышения какого-то предела внешнеполитического шума. Опасается он и внутриполитической дестабилизации как неизбежного следствия любого, самого патриотического массового движения. Это русские националисты стремятся к имитации общерусского ополчения на поле Куликовом...

Определенным показателем состояния массового сознания является степень распространения политических анекдотов. На интервенцию в Чехословакию в 1968 г. советский народ откликнулся довольно двусмысленно: "Что нам делать с Дубчком? Дуб спилить, Чека оставить". "Они нам две тысячи слов, а мы им две тысячи танков". После начала афганской авантюры в Москве передавали свежий анекдот: "Старинная афганская примета: если ночью тебе приснились танки, утром жди гостей". А вот как реагирует массовое сознание на идею военной конфронтации с Европой: "Представителей разных народов спрашивают, на какой машине они предпочитают совершать поездки в Европу. Называются в ответ разные популярные марки автомобилей. Спрашивают советского гражданина. От отвечает: "А я в Европу не собираюсь". Ему говорят: "А если партия прикажет?" – "Прикажет поехать в Европу на время отпуска?" – "Да". – "Тогда, конечно, придется поехать". "Так на какой же марке автомобиля ты поедешь?" – "Наверно, на танке..." Чувствуете эволюцию народного отношения к танкам как к средствам передвижения?

Очень много сейчас на западе строится предположений о наиболее вероятном курсе послебрежневского руководства. Выскажу и я свое. Персонально – это будет коалиция еще более пестрая. Тактика ее во внутренних и внешних предприятиях большого масштаба будет: жать до первого серьезного отпора и давать умеренный отпор умеренному давлению. Стратегия не претерпит серьезных изменений. Скажется инерция установок, привычных алгоритмов политического мышления, инерция учреждений и лиц. Лично я не жду ничего

сенсационного в первое время после ухода Брежнева. В такой громоздкой системе, как наша, ничего быстро не делается, ни хорошие, ни дурные дела.

Но вскоре начнется процесс сведения счетов с предшественниками. Возникнет соблазн взвалить на них ответственность за тяжелое состояние экономики и финансов, за внешнеполитические провалы, за просчеты в управлении. Тщательно сбалансированное равновесие сил и интересов нарушится. Потому что в создавшемся движении неизбежно выделятся лидеры и отстающие. Для каждого из соперников останется только один путь вверх – по наклонной плоскости, ибо по вертикали ныне никто не поднимается. Даже такой горный орел и скалолаз как Сталин не сумел взлететь на самую вершину абсолютной власти одним махом. В ту динамичную эпоху ему и то потребовалось для этого более десяти лет. Но путь вверх может сопровождаться движением или вперед или назад. Или СССР войдет в новую, на сей раз более широкую полосу либерализации, либо страна откачнется на испробованные не раз пути сталинизации.

Наиболее вероятным мне представляется первый вариант. И вот почему. Во-первых, советское общество 1980-х годов сильно отличается от его прежних состояний 1953 и 1964 гг. После смерти Сталина его преемники столкнулись в смертельной схватке за контроль над рычагами диктатуры. В центре внимания оказались репрессивные органы. Общий страх сталинских диалогов перед всемогущей тайной полицией явился сильнейшим консолидирующим фактором, объединившим на какое-то время потенциально непримиримых соперников. Сокрушение террористического режима вынесло на поверхность новую силу – партаппарат во главе с Хрущевым. Параллельно возросла политическая роль армии. Затем устранили и ее вождя, Жукова. И все основные предпосылки стабилизации режима под единым скипетром оказались налицо. Общество тогда не составляло силу, достаточную для ограничения тоталитарных либо авторитарных тенденций. Выбор между

ними почти целиком зависел от соотношения сил на политических верхах. В 1964-м ситуация сложилась так, что без учета общественного фактора действовать уже было нельзя. Не только среднее звено партгосаппарата и члены ЦК, не только армия и КГБ, но и менее институционализированные группы влияния (либералы, консерваторы, сталинисты, прагматики, творческая и научная интеллигенция, офицеры и рядовые хозяйственники) повлияли на итоговую равнодействующую, вынесшую Брежнева и его окружение наверх. В 1980-х роль неинституализированных групп возрастет еще более. Ибо чем сложнее социальная система, тем меньшее количество системных элементов может повлиять на ее устойчивость критическим образом.

Во-вторых, неизмеримо усложнилось международное положение страны, ее политические, экономические и военные обязательства-интересы. Будучи органической частью мирового сообщества, СССР не сможет, как Сталин, пренебрегать, скажем, мировым общественным мнением, голосом малых государств (получивших в настоящее время могучий инструмент влияния на общемировые дела — ООН), позицией третьего мира и движения неприсоединения. Далеко не однозначно воспринимается ныне и некогда простая и грубая конфронтация основных военно-политических блоков. Необходимость нюансированных, тщательно взвешенных, сбалансированных решений в этой обстановке совершенно очевидна. Уже сегодня руководство СССР дифференцированно воспринимает чуть-чуть несовпадающие позиции стран-членов НАТО, которых еще недавно мазали, как говорится, одним мирром. Возрастает профессионализм советских дипломатов и политическая роль Министерства иностранных дел. Внешняя политика скоро станет определять внутреннюю. Все чаще придется принимать внутривнутриполитические решения с оглядкой на возможный международный резонанс. Утяжеление веса внешнеполитического ведомства в общем балансе высшей власти формально выразилось и в приобретении министром иностранных дел СССР

статуса члена Политбюро. Правда, для того, очевидно, чтобы не нарушить критическим образом тщательно выверенный баланс высшей политической власти в стране, подобный же статус почти одновременно получили и руководители Министерства обороны, и КГБ. (Интересно отметить, что ничего подобного в истории СССР пока еще не было: министром обороны стал невоенный человек.)

В-третьих, исчерпались возможности эффективного развития советского народного хозяйства. Интенсификация же его неизбежно потребует децентрализованного управления, расширения самостоятельности отдельных хозяйственных единиц и подразделений, допуска солидных доз экономического плюрализма. Не будем забывать, что продолжающаяся экономическая реформа, даже в ее крайне урезанном виде, повлекла за собой выдвижение многотысячных новых групп хозяйственных руководителей в состав советского эстаблишмента.

Познакомимся теперь с аргументами в пользу второго варианта развития послебрежневского режима. Р. Арон в уже упоминавшейся книге "Защитить упавшую Европу" категорически отрицает возможность либерализации советского общества в обозримом будущем, так же как вчера и сегодня.

В Греции демократия была восстановлена нереволюционными средствами. Португалия после двух лет лирической иллюзии революционного праздника обрела парламентский режим довольно традиционного типа: с генералом-президентом Республики и однородным социалистическим правительством парламентского меньшинства. В Испании король принял на себя инициативу либерализации страны; совершилась легализация всех политических партий, осуществилась всеобщая амнистия политических заключенных, утвердилась правительственная терпимость к публичным демонстрациям и т.д. Напротив, пишет Арон, в Восточной Европе ничто с очевидностью не указывает даже на то, что либерализация поставлена в порядок дня. Менее

чем через год после смерти Франко франкистский "бункер" потерял уже свою партию. Двадцать лет спустя после доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС "Один день Ивана Денисовича" уже более невозможен в Советском Союзе.

В Греции диктатура полковников не создала никакой общегосударственной идеологии. Деспотизм полковников явился следствием коррупции демократических институтов. Демократия пала там, будучи парализованной своими собственными ошибками. Вызывает восхищение шедевр политического искусства: постепенный и бескровный переход Греции под руководством премьер-министра Караманлиса от деспотизма к представительной демократии, восстановившей политические и гражданские свободы.

Преобразования Португалии начались военным государственным переворотом, направленным против военного же режима. Режим салазаризма не был строго говоря фашистским, типа итальянского или германского. Отсутствовала общегосударственная идеология тоталитаризма. Салазаризм был авторитарным, но не тоталитарным. После смерти Салазара в течение нескольких лет абсурдность государственного и политического строя стала поражающе очевидной. Миллион португальских рабочих искали работу вне страны, молодежь три года проводила на военной службе, португальская армия поддерживала нереалистические имперские притязания режима, ведя изнурительные колониальные войны в Анголе, Мозамбике и португальской Гвинее. Группа прогрессивных офицеров взяла на себя инициативу свержения преемника Салазара, скорее пленника салазаризма, нежели верного его наследника. Процесс либерализации принял взрывной революционный характер. Результаты всеобщих парламентских выборов оказались неблагоприятными для коммунистов и привели к власти однородное социалистическое правительство парламентского меньшинства. Нечто подобное – в смысле поражения большевиков при выборах в Учредительное собрание – произошло после взятия ими

государственной власти, поэтому осталось без последствий. В Португалии выборы происходили при коалиционном правительстве и гарантирующей силе армии. Попытка государственного переворота, предпринятая в ноябре 1975 г. президентом Республики генералом Спинолой, ознаменовала конец революционного периода и начало конституирования парламентского режима.

Испания продемонстрировала классическое применение понятия либерализации. Король, которого генерал Франко избрал своим преемником, обеспечил одновременно и непрерывность государственного порядка, и установление личных и групповых свобод, уничтоженных или ограниченных после гражданской войны. То, что составляет, на мой взгляд, — пишет автор, — оригинальность либерализации, так это восстановление свобод руками самих держателей власти. Нечто подобное произошло и в Чехословакии в 1968 г.

Говоря о либерализации греческого, испанского и португальского вариантов, не следует забывать о характеристических чертах, отличающих эти три авторитарные режима от *идеократии*. Студенты, интеллигенция франкистской Испании не вынуждены были франкистами, на манер того, как в Восточной Европе студенчество и интеллигенция должны демонстрировать свою преданность марксизму-ленинизму. Мадридские студенты совершенно не скрывали свои более или менее марксистские мнения, труды Маркса и его последователей продавались во всех книжных лавках. То же самое наблюдалось и в Португалии. Испанцы и португальцы свободны выезжали в другие западные страны и возвращались на родину. Многие из них одобряли мнения более или менее гошистские. Почти все, даже противники марксизма, интерпретировали его в либеральном смысле. Рабочие, так же как и студенты, воспринимали отсутствие профсоюзных и интеллектуальных свобод как лишение их естественного права, как национальный позор. Конечно, — подчеркивает Арон, — оба режима иберийского полуострова

основывались на традиционных ценностях, они опирались на слои привилегированных. Но экономический прогресс в Испании, в сочетании с распространением идей из современной Европы, разрушал мало-помалу исторические основы франкизма. Именно бывшие франкисты взяли на себя инициативу либерализации.

Чем же объясняет Арон этот феномен? Главным образом, тем, что никакой из рассматриваемых здесь режимов не заслуживал прилагательного *идеократический*. Ни в одной из этих стран государство не стремилось поглотить гражданское общество, в котором, несмотря на полицейские санкции, сохранялся социальный и идеологический плюрализм. Этих условий нет в Советском Союзе, утверждает Арон.

Стыд, который испанский или португальский студент испытывал, сравнивая свою страну с Францией или с Федеративной Республикой Германии, советский интеллигент не испытывает. Он, напротив, гордится своей принадлежностью к одной из наиболее могущественных мировых держав. Нелишне тут вспомнить формулу маркиза де Кюстина "раб на коленях мечтает о мировой империи".

После смерти Сталина термин "демократизация" или "либерализация" обсуждался, в начале 60-х годов, в положительном и престижном смысле. (Арон пишет, что тогда понятие "демократизации" и "либерализации" различались весьма смутно.) исходили из факта коррелятивной связи высокого уровня жизни и представительной демократии. Ошибочно полагая, что повышение жизненного уровня советских людей приведет к торжеству демократии.

Терпимость, которой пользуются писатели и артисты, циклически эволюционирует, то расширяясь, то сжимаясь. Несмотря на эту цикличность, общий итог исторического движения удалил СССР от стадии тотальной чистки. Однако, сомневается Арон, едва ли можно утверждать, что подобное отныне невозможно. Правда, аргументы, приводимые им в обоснование своих опасений, несколько не согласуются с тезисом. До тех

пор, — пишет автор, — пока небольшое число людей решает судьбу всех остальных, от имени партии, которая — в свою очередь — присвоила себе монополию на политическую истину, советский режим будет не развиваться, а просто варьировать применительно к каждой смене правящей группировки. Обществу останется уповать на то, что правящая элита, в соответствии со своими интересами, не позволит одному из них "конфисковать" всю власть в стране. И еще остается надеяться, что руководство не поставит перед собой задачи, подобной коллективизации сельского хозяйства.

Все-таки, как мне кажется, Арон переоценивает роль идеократии. Равно как и косность политических верхов советского общества. У нас нет достаточных оснований считать, что стагнация режима не тревожит самих руководителей его. Историю изучают не только политологи Запада. Не исключено, что ее немножко знают и в Кремле. Даже корпоративный интерес правящей группировки может завтра явиться мотивом преобразований. Такое не раз бывало в истории России.

Трудно согласиться и с традиционным взглядом на абсолютную уникальность России, в обоснование которой выдвигает Арон простую, но фундаментальную, по его мнению, идею (принимаемую многими): "Политическое время не течет с одной и той же скоростью по обе стороны демаркационной линии. Советский режим является продолжением азиатской военной деспотии, управляемой централизованной бюрократией. Он характеризуется самыми жестокими и самыми стабильными в истории политическими формами".

Концепция Арона кажется мне ошибочной по целому ряду причин. Прежде всего потому, что он явно не учитывает множество приведенных выше факторов и реальных предпосылок либерализации в современном советском обществе. Затем потому, что он все время невольно отождествляет государство с партией, государство с обществом, партию с партаппаратом,

прошлое с настоящим. Кроме того, он загипнотизирован фасадом политического режима в СССР, не замечая ни его фундамента, ни задворок. Политологическая схема Арона хороша в качестве схемы, но не более. Живая действительность – и советская не составляет исключения – неизмеримо богаче любой самой полной и всесторонней концепции. Она (действительность) всегда готова преподнести нам незапланированные сюрпризы. Кто, например, мог еще недавно ожидать столь решительных изменений политического строя КНР?

Но не только на принцип "контрфинальности" рассчитываю я, в своих ожиданиях либерализации общественно-политического строя в СССР. А еще и на то, что коммунистический режим *не исчерпывает* всей полноты социально-экономической, идеологической и политической реальности в нашей стране. Как, впрочем, и любой иной режим. Даже если политические формы идеально соответствуют социальному содержанию. Чего, кстати, я не наблюдаю в большинстве стран социализма.

Одной из предпосылок эволюции систем, является их способность к внутренним мутациям. Неужели и в этой элементарной способности откажет нашему обществу один из творцов теории конвергенции?

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА — — ПЛАНИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ

В июле 1979 г. Коммунистическая партия и советское правительство приняли постановление, провозглашавшее разнообразные изменения в так называемом "экономическом механизме".¹ В то время постановление вызвало бурный интерес, но вскоре внимание общественности было отвлечено другими проблемами. Из этого события можно извлечь два вывода. Во-первых, провозглашение перемен в системе планирования и управления стало обыденным явлением. Народ привык к тому, что время от времени — обычно перед очередной пятилеткой — объявляется о ряде изменений, согласованных после издания предыдущего постановления. Во-вторых, перемены носят, в основном, технический, а не принципиальный характер и касаются таких вопросов, как выбор показателей успешного хозяйствования или пересмотр методик планирования.

Способность системы периодически пересматривать методы собственного функционирования и искать пути их совершенствования следует рассматривать как одно из ее преимуществ. Однако у зарубежных специалистов сложилось мне-

ние, что диапазон альтернатив, рассматривавшихся — по крайней мере, в открытом обсуждении — для советской экономической системы, слишком узок для обеспечения значительного прогресса. Смерть Брежнева и приход к власти Андропова открывают возможность для расширения диапазона обсуждаемых альтернатив. Настоящая статья имеет целью исследовать более широкий диапазон альтернативных систем планирования и управления, которые могут быть рассмотрены на протяжении следующих двух десятилетий.

Четыре модели покрывают весь диапазон реально приемлемых альтернатив. Я называю их "консервативной", "реакционной", "радикальной" и "либеральной" моделями.² "Консервативная" модель предусматривает проецирование в будущее современной системы с минимальными изменениями. "Реакционная" модель представляет собой политически модернизированный сталинизм, то есть сталинизм без Сталина. "Радикальная" модель включает в себя различные элементы югославо-венгерского опыта, соответствующим образом приспособленные к советским условиям. "Либеральная" модель, менее робкая, чем "консервативная", но менее смелая, чем "радикальная", может рассматриваться как новый вариант НЭПа.

Ниже я попытаюсь рассмотреть эти модели, обратив особое внимание на экономические последствия, которых можно ожидать от принятия каждой из них. В кратком заключении показана расстановка политических сил в СССР и освещено ее влияние на политическую приемлемость экономических альтернатив.

”Консервативная” модель

Статус-кво редко привлекает страстных приверженцев — страсти обычно на стороне перемен. Как правило, поддержка статус-кво базируется на отсутствии убежденности в том, что неопробованные альтернативы приведут к значительным улучшениям в будущем. Такая уверенность, по-видимому, сыграет решающую роль в том случае, если ”консервативная” модель будет выбрана в качестве основы будущей системы планирования и управления в СССР. Сомнительно, чтобы многие советские люди — даже среди руководителей страны — признавали за существующей структурой какие-либо существенные достоинства. Еще два десятилетия назад дело обстояло не так. Советские экономисты — определенно — и политические лидеры — вероятно, — обзревая великое множество экономических систем, признавали свою собственную исключительно хорошей. Сегодня система может еще пользоваться сильной поддержкой, но, скорее всего, в черчиллевском духе, как довольно плохая система, но ”не хуже других”.

”Консервативная” модель сохранит все основные структурные особенности современной системы, но, по-видимому, не будет абсолютно жесткой. Хотя приверженность к централизованному планированию как основе экономического механизма останется незыблемой, советский режим, судя по новейшей истории реформ в СССР, не

прекратит попыток найти лучшие пути решения старых проблем. Конечно, система будет непрерывно изменяться за счет внедрения новых приемов централизованного планирования. Судя по прошлому опыту, планирование может стать более детализированным и по мере увеличения мощности электронно-вычислительной техники, необходимой для обработки данных, количество материальных балансов, вероятно, увеличится.³ С другой стороны, непрерывно возрастающая сложность процесса планирования может в конечном счете заставить советских руководителей перейти к более укрупненным планам. Кроме того, каждый экономист-аналитик может предлагать изменения тех элементов системы, которые он считает основными причинами неэффективности советской экономики.

Лично я считаю, что через некоторое время многие производственные объединения будут ликвидированы, уступив место более гибким комбинациям крупных и мелких предприятий. Еще до создания производственных объединений советская структура отличалась от структуры промышленно развитых капиталистических стран сильным перекосом в сторону крупных предприятий.⁴ Такое увеличение масштабов хозяйственной деятельности, безусловно, имеет отрицательные экономические последствия, связывающиеся на эффективности и затрудняющие нововведения. В рамках "консервативной" модели вполне вероятны дальнейшие изменения показателей успешного хозяйствования, по которым оценивается работа руководителей предприятий. Но-

вый показатель, введенный постановлением по планированию, изданным в июле 1979 года, — нормативный объем произведенной условно-чистой продукции — может потребовать чрезмерных расходов на внедрение и вызвать перекос в сторону трудоемких производств в условиях дефицита рабочей силы. Могут возобновиться заигрывания с прибылью как наиболее универсальным показателем эффективности, но этому будет препятствовать патологическая враждебность к присвоению предприятиями "незаработанной" ренты. Могут быть предприняты новые попытки установления договорных отношений между предприятиями и перераспределения рабочей силы по типу Щекинского эксперимента.⁵ Недавнее резкое повышение цен на бензин и другие продукты заставляет предположить, что политика ценообразования будет чаще использоваться для нормированного распределения скудных резервов товаров широкого потребления.⁶ По-прежнему будут практиковаться пересмотры цен через каждые несколько лет, чтобы относительные цены не слишком расходились со средними отраслевыми расходами. Вполне вероятным представляется в дальнейшем учет в структуре цены фактора дефицитности.

Разумеется, будут приняты новые меры, направленные на ускорение технического прогресса и улучшение качества продукции. Будут предприниматься попытки использовать "экономические рычаги" при помощи новых форм премиальной оплаты труда. Однако в основном речь будет идти об "административных мерах" — из-

менении структуры управления, распределении среди большего числа работников ответственности за выполнение плановых заданий, наказания за невыполнение плановых показателей качества продукции.

Принять "консервативную" модель означает отказаться от цели достичь технического уровня ведущих индустриальных держав. (Лично я считаю вполне доказанным, что ускорение технического прогресса не относится к сильным сторонам советского экономического механизма.) Однако с таким последствием советское руководство может примириться. Почему бы СССР не поддерживать перманентное отставание от лидеров мировой индустрии в среднем лет на пять? Это привело бы к некоторым потерям производительности из-за задержки нововведений, но эти потери были бы до некоторой степени компенсированы сокращением расходов на научно-исследовательские работы, а также экономией затрат на учебу на собственном опыте, которые должна нести страна, прокладывающая новые пути в любой области науки и техники. Для советов вполне разумной представляется стратегия выжидать, пока в другой стране не будет объявлено о крупном техническом достижении, а затем приступить к разработке собственного варианта на основании закушенной или похищенной информации. В конце концов, каждому ученому известно, что в технической информации наибольшую ценность представляют сведения о том, что определенный результат был успешно достигнут кем-то другим. Стратегия выжидания до достиже-

ния результатов в другой стране не только экономична, но и привлекательна для ученых, работающих в несклонной к риску бюрократической структуре. Кроме того, Советы доказали, что техническое превосходство можно сохранять в немногих областях, критически важных для военных целей или иных государственных интересов.

Поскольку "консервативная" модель не предусматривает существенных перемен по сравнению с прошлым, накопленный опыт дает представление о том, каких экономических показателей можно ожидать от продолжения сложившейся практики хозяйствования. Трудно ожидать более или менее резкого увеличения эффективности текущего производства или темпов роста. Ни одна из крупных реформ в прошлом не привела к заветной цели — резкому скачку эффективности. Да и само слово "реформа" было изъято из обращения в открытых дискуссиях и заменено выражением "усовершенствование экономического механизма".

Такое улетучивание духа реформы может означать, что система централизованного планирования и управления достигла практического предела способности к совершенствованию. В этом отношении экономическая система подобна техническому новшеству. В момент открытия паровая машина или двигатель внутреннего сгорания знаменовали существенный прогресс по сравнению с их предшественниками, но по своему потенциалу они были весьма неэффективными механизмами. Со временем их эффективность воз-

растала, сначала быстро, а затем медленнее с последующими волнами "реформ" или усовершенствований. В конечном счете была достигнута степень эффективности, которую можно считать максимальной в рамках принципа действия данного устройства.

То же относится к централизованному планированию — экономическому механизму, изобретенному советским руководством в 30-х годах. В течение некоторого времени эффективность механизма нарастала, но в конечном счете возможности усовершенствования в рамках принципа действия системы были в основном исчерпаны. В данном случае это произошло к 60-м годам. Следует напомнить, что этот экономический механизм был создан в эпоху, когда стратегия экономического прогресса базировалась на явлении, получившем впоследствии название "экстенсивного роста". Для такой цели данную модель можно, по-видимому, признать вполне удачной. Проблема заключается в том, что современные условия развития экономики не обеспечивают высоких темпов экстенсивного роста. От экономики, построенной по этой модели, можно ожидать годового прироста приблизительно на 3%.

Вполне возможно, однако, что такая оценка слишком пессимистична. Будущее руководство может еще найти пути расширения возможностей модели посредством создания предприятий, специализирующихся на производстве экспортной продукции, корректирования относительных цен, создающих ложные стимулы в сель-

ском хозяйстве, или предоставления большей независимости небольшим производственным звеньям внутри колхозов. Не отказываясь от "консервативной" модели, руководство могло бы расширить ее пределы путем внедрения некоторых элементов других, рассмотренных ниже моделей. Такой комплекс мероприятий может доказать, что "консервативная" модель обладает большим потенциалом, чем о том свидетельствуют последние итоги. Однако история послесталинских реформ не дает оснований для оптимизма.⁷ Отдельные изменения политики цен и организационных структур, сами по себе казавшиеся вполне логичными, не дали желаемых результатов, так как сталкивались с императивами, налагаемыми доминирующими структурами централизованного планирования и управления.

Допустим, "консервативная" модель не сможет улучшить итоги недавнего прошлого. Сможет ли руководство кое-как перебиться небольшими вариациями на старые темы, не обращаясь к другой модели? Я полагаю, что сможет, но только при условии, что темпы роста перестанут падать и в конечном счете стабилизируются. Постоянный — пусть и низкий — темп роста создал бы довольно болезненную ситуацию, но такие ситуации обычно не ведут к краху. К краху, в конечном итоге, приводят острые ситуации, например, непрекращающийся спад. При хронически низких, но стабильных темпах роста век закончился бы для СССР унынием. В противном случае он закончился бы катастрофой.

Мы не можем судить о том, каким должен быть минимально приемлемый годовой прирост дохода на душу населения — 3%, 2% или 1%. Однако можно с уверенностью утверждать, что этот показатель будет прежде всего зависеть от уровня потребления. В политическом смысле пороговый уровень потребления можно определить как уровень, ниже которого недовольство приводит к вспышкам беспорядков, создающих напряжение в системе политического контроля, осуществляемого властями.

Ошибкой со стороны руководства было бы считать, что опасности не существует, пока уровень потребления превышает политический порог, ибо существует другой порог, ниже которого экономика начинает страдать от разрушения стимулов. Если этот "стимуляционный" порог, который должен превышать "политический" порог, не выдерживается, невозможно сохранить и без того низкий уровень стабильного роста. Производство и потребление будут сталкивать друг друга все ниже и ниже до тех пор, пока не будет достигнут политический порог и уныние не превратится в катастрофу. Следовательно, перерастание медленного роста экономики из хронического заболевания в острую болезнь будет зависеть от того, удастся ли стабилизировать темпы роста на уровне, достаточно высоком для сохранения потребления, превышающего стимуляционный порог.

Вполне возможно, что советское руководство имеет некоторое приближенное представление о пределах, в которых лежит стимуляционный по-

рог, но сторонние наблюдатели могут об этом лишь гадать. По моей оценке, совпадающей с мнением Гертруды Шредер-Гринслейд, стабильное увеличение потребления на душу населения порядка 1-2% в год "создало бы у потребителя ощущение движения вперед".⁸ Базисный прогноз, выполненный при помощи модели СОВМОД (модель "затраты — выпуск" для советской экономики) Стэнфордским исследовательским институтом и Уортоновской ассоциацией эконометрических прогнозов, дал следующие цифры: 3,1% для роста валового национального продукта СССР и 1,2% для роста потребления на душу населения. Если к тому же немного повезет, такие показатели смогут удержать экономику на уровне, превышающем стимуляционный порог. Однако, когда на модели СОВМОД проиграли сценарий низкой производительности, ожидаемый прирост составил 2,1% для валового национального продукта и всего лишь 0,5% для потребления на душу населения.⁹ При таких темпах роста представляется вполне вероятным, что разрушение стимулов исключит стабилизацию темпов роста и потребление упадет до опасного уровня, соответствующего политическому порогу.

Итак, советское руководство имеет немало шансов стабилизировать экономику на уровне базисного прогноза. Длительный период убывающего роста, переживаемый советской экономикой, возможно, предвещает дальнейшее убывание темпов роста в будущем, но это может быть и не так. Такое убывание может означать перестройку экономики с высоких темпов роста в

прошлом на низкие, но стабильные темпы роста в будущем. Если дело обстоит именно так, то низкие показатели эффективности текущего производства или технического прогресса не обязательно вызовут отказ от "консервативной" модели, по крайней мере, до тех пор, пока уровень потребления не упадет ниже стимуляционного порога.

"Реакционная" модель

Политические черты неосталинской реакции предугадать нетрудно. Прежде всего, возникает мысль о реставрации власти тайной полиции, возможно, не совсем на уровне сталинского террора, но в гораздо более широких масштабах, чем в настоящее время. В рамках "реакционной" модели можно ожидать, что контакты с капиталистическими странами сузятся, железный занавес снова опустится, национализм, замешанный на ненависти ко всему иностранному, возродится, а идеологическая, политическая и социальная дисциплина ужесточится.

Ответ на вопрос о том, какие перемены потребовались бы для возврата к системе сталинского типа в экономике, не столь самоочевиден. Дело в том, что какими бы значительными ни были перемены в политической жизни СССР после Сталина, основы экономической системы не претерпели существенных изменений. Приняв "реакционную" модель, советское руководство стремилось бы к восстановлению дисциплины и порядка и

усматривало бы свою миссию в установлении строгого централизованного контроля. Однако при этом обнаружилось бы, что система планирования и управления настолько мало продвинулась вперед, что едва ли нужно обращать ее вспять.

В области централизованного планирования политические руководители, по всей вероятности, преодолели бы унаследованное от Сталина презрение к теоретической экономике и активно поддержали бы идею "оптимального планирования". Такой подход открывает возможность централизации принятий решений и контроля в таких масштабах, о которых невозможно было даже мечтать в сталинские времена. По слову внимательного исследователя нашей темы, этот подход является идеальным инструментом "автократического политического механизма".¹⁰ Однако возможность практического внедрения подобной формы планирования в ближайшее время представляется весьма сомнительной. Между тем, трудно представить себе, что "реакционное" руководство сможет отыскать пути расширения сферы централизованного планирования за пределы, определяемые или подразумеваемые постановлением 1979 года.

Что касается системы управления, то экономическая реформа 1965 года была модифицирована настолько радикально, что для восстановления централизованного управления потребовались бы лишь незначительные перемены. Нет большой нужды в отказе от показателя платы за фонды или возврате к валу как доминирующе-

му показателю успешного хозяйствования. Эти лазейки, позволяющие руководителям предприятий сохранять большую, чем в прошлом, независимость от центра, по-видимому, не будут закрыты. Отменить могут распространение методов хозрасчета на центральные органы управления — министерства и главки.

Поскольку централизация станет самой желанной целью, степень независимости, предоставляемая этим органам хозрасчетом, может оказаться неприемлемой. Вместо предоставления большей независимости организациям на суб-министерском уровне, руководство будет, по-видимому, стремиться к созданию сверхкрупных министерств. Аналогичным образом будет, вероятно, покончено с финансированием производственной деятельности по заказ-нарядам, как это принято, например, в научно-исследовательских организациях.

Еще одним шагом послесталинского руководства на пути к децентрализации стала разработка программы оптовой торговли. Это мероприятие началось со смелой идеи создания альтернативы системе "материально-технического снабжения". Программа развития широкой сети хорошо снабжаемых магазинов, где предприятия могли бы приобретать небольшие партии нужных им товаров, не была реализована. Вместо этого возникла система складского снабжения, отличающаяся от сталинской системы только тем, что она управляется иерархией Госснаба, а не собственными снабженческими организациями министерств. Неосталинское руководство, по-видимо-

му, не сочло бы необходимым упразднить Госснаб и вновь возложить его функции на министерства. Госснаб фактически представляет собой наиболее централизованную систему снабжения, хотя его рабочие органы размещены по территориальному принципу.

Весьма вероятно, что производственные объединения, напоминающие по масштабам гигантские предприятия сталинской эпохи, получили бы поддержку "реакционного" руководства. Одно из преимуществ этой организационной формы заключается в том, что она сокращает объем функций централизованного планирования за счет осуществления внутри суперпредприятия целого ряда операций, которые ранее осуществлялись между предприятиями и, следовательно, требовали участия центральных органов планирования.

Объединения симптоматичны для усиливающейся тенденции к автономии советских предприятий. Эта тенденция заслуживает более детального анализа. Например, многие предприятия начали развивать собственные подсобные хозяйства для обеспечения своих работников сельскохозяйственной продукцией.¹¹ Эта мера продолжает старую практику поисков путей к независимости от ненадежного снабжения за счет "универсализации" предприятий, то есть внутреннего производства как можно более широкого ассортимента ранее приобретаемых ресурсов. Брежнев присоединился к критикам такого подхода, осудив

"широко распространившуюся за послед-

нее время практику местных руководителей отвлекать людей с предприятий для выполнения всевозможных работ — помогать с уборкой урожая, трудиться на овощных базах и стройках, участвовать в работах по благоустройству городов и т.д.”¹²

”Реакционное” руководство, однако, могло бы закрыть глаза на такие нарушения принципа разделения труда и потери экономической эффективности специализации, связанные с распространением подобных форм ”неофеодализма”. Оно могло бы обнаружить склонность поддерживать крупные универсализированные предприятия, совмещающие разнообразные виды деятельности, и таким образом снять часть нагрузки с органов централизованного планирования.

Хотя планирование и управление в рамках ”реакционной” модели было бы несколько более централизованным, чем в рамках ”консервативной” модели, различие в этом отношении не должно быть слишком значительным. Эти две модели в основном различаются между собой не организационными формами, а тактикой. Важнейшая роль при реализации ”реакционной” модели принадлежала бы мерам ужесточения трудовой дисциплины. Можно было бы ожидать возврата к драконовским законам конца 1930-х годов, предусматривавшим уголовную ответственность за такие нарушения, как уход с рабочего места без разрешения, опоздание на работу, прогулы и пьянство. Возможны также попытки вернуться к политике крупных капиталовложе-

ний, характерной для быстрого роста первых послевоенных лет, хотя это потребовало бы отказа от возобладавших впоследствии принципов интенсивного роста.

Следствием стратегии крупных капиталовложений стал бы возврат к политике медленного роста, а, может быть, и сокращения потребления. Это, вероятно, породило бы разногласия в среде сторонников "реакционной" модели. Во-первых, недовольство масс, вызванное такой политикой, потребовало бы еще большего усиления политического контроля. Во-вторых, возникли бы серьезные сомнения в эффективности такого рода стратегии на данном историческом этапе. В-третьих, поскольку сельское хозяйство перестало быть главным источником национального дохода, потенциальное увеличение темпов роста от сокращения потребления среди сельского населения не было бы столь значительным, как этого ожидали в прошлом. Тем не менее при реализации рассматриваемой стратегии можно было бы ожидать ускорения перехода от колхозов, которые даже в период их формирования рассматривались как компромисс, к совхозам, лучше вписывающимся в неосталинскую структуру.

Поскольку неосталинская модель предполагает существование нового Сталина, руководство располагало бы достаточной властью, чтобы провести в жизнь все перемены, которые оно сочтет необходимыми. В частности, можно было бы ожидать мощного наступления на "спекулянтов" и "вторую экономику", а также чистки руково-

дящей верхушки как в центре, так и на местах. Сталинский период характеризовался быстрым продвижением руководителей вверх по служебной лестнице. Несмотря на некоторые потери, это дало положительные результаты: позволило избавиться от некомпетентных работников, укрепило преданность новых руководителей режиму, снизило их средний возраст и породило небывалое рвение, эффект которого, правда, несколько снижался за счет усилившегося страха перед риском. Можно полагать, что длительное пребывание у власти нынешнего состава управляющих немало способствовало ухудшению его качества. Интересно отметить в связи с этим, что в сегодняшнем Китае практически пожизненное пребывание в должности руководящих деятелей партии и правительства вызывает нарастающее неодобрение, и бывший вице-премьер Дэн Сяопин с соратниками преисполнены решимости покончить с такой практикой. Новое, уверенное в своих силах советское руководство могло бы, по всей вероятности, занять сходную позицию, хотя и не по отношению к себе самому.

Наконец, в рамках рассматриваемой модели можно предвидеть возврат к политике относительной самостоятельности с целью сократить масштабы контактов с Западом. Некоторый объем импорта передовой зарубежной технологии был бы сохранен, но новый режим уделял бы большее внимание идеологическому ущербу от контактов с капиталистическими странами и придавал бы меньшее значение связанным с ним

экономическим выгодам, чем правительства Хрущева и Брежнева.

Оценивая перспективы хозяйственной деятельности СССР в рамках "реакционной" модели, многие склонны рассматривать эту модель как простое проявление романтической ностальгии по более простой и в некоторых отношениях лучшей эпохе, которая по-настоящему никогда не была, да и не могла быть реставрирована в современных условиях. Однако большой ошибкой было бы заведомо отбросить эту модель, так как она вполне могла бы принести некоторые выгоды чисто экономического характера.

Во-первых, модель эта могла бы дать некоторые кратковременные преимущества за счет высвобождения "скрытых резервов", которые часто становятся объектом специально организованных кампаний. Несколько надлежащим образом распропагандированных процессов и вынесенных в ходе их приговоров могли бы привести к высвобождению избытков материально-производственных запасов и ограничить отвлечение ресурсов из общественной в частную сферу. Темпы производства, вероятно, возросли бы, а законы трудовой дисциплины ужесточились бы. Не удивительно было бы, если бы эти перемены привели к временному повышению производительности труда и росту объема производства.

Если верно, что советская экономика характеризуется скрытой безработицей в смысле наличия избыточного числа рабочих с крайне низкой производительностью труда,¹³ усиление политического контроля в условиях нехватки ра-

бочей силы позволило бы передислоцировать трудовые ресурсы, направив их в более продуктивные сферы хозяйственной деятельности. Легко представить себе кампанию, в ходе которой на каждое предприятие была бы возложена обязанность выделить определенный процент молодых рабочих для переселения в восточные районы СССР, испытывающие потребность в людских ресурсах. Нечто подобное уже имело место, когда колхозы выделяли часть молодежи для комплектования штатов промышленных предприятий. Какую бы форму это ни приняло, неосталинский режим, по всей вероятности, усматривал бы в передислокации трудовых ресурсов одну из своих первоочередных задач, и можно полагать, что такая передислокация оказала бы положительное влияние на функционирование экономики.

В более отдаленном будущем возврат к централизованной экономике может дать некоторые выгоды. Многие считают, что современная советская экономика — худшая в мире. Перемены в ней никогда не заходили достаточно далеко для того, чтобы создать преимущества подлинно децентрализованного рынка, и все же система централизованного планирования и управления в погоне за децентрализацией утратила контроль за целым рядом функций. В этом смысле система представляет собой ни то ни се: она лишена преимуществ как подлинно свободного рынка, так и централизованного планирования, и любая альтернатива может оказаться более предпочтитель-

ной, чем смешанная экономика, развившаяся под эгидой режимов Хрущева и Брежнева.¹⁴

Возникает вопрос, действительно ли реформы послесталинских лет привели к сколько-нибудь существенной децентрализации. Безусловно, многие формы децентрализации принесли мало пользы. Показательным в этом отношении является пример перевода научно-исследовательских институтов с бюджетного на договорное финансирование. Такой перевод был осуществлен с целью увеличения заинтересованности потребителей в работе научных учреждений. Кроме того, эта мера предоставила заказчику возможность контролировать работу научно-исследовательского института. Договор играет решающую роль в функционировании рыночной экономики, и может показаться, что замена административных указаний договорами в советской экономике является мерой децентрализации по типу свободного рынка. Однако суть этих систем настолько различается между собой, что было бы ошибкой связывать понятие "договор" в советских условиях с какой-либо из реальных функций, выполняемых этим инструментом в децентрализованной экономике. Во-первых, советский заказчик расплачивается за услуги, оказанные по договору, "государственными деньгами". Если работа включена в план предприятия, то тем же планом предусмотрено и ее финансирование. Во-вторых, доход подрядчика ограничен структурой системы стимулирования. Так, например, независимо от экономической эффективности изобретения, размер вознаграждения обуславливается жесткой

шкалой стимулирования, а оставшаяся прибыль просто присваивается министерством финансов как "свободный остаток". Было бы преувеличением сказать, что система управления, в рамках которой научно-исследовательский институт работает по плану и отчитывается перед чиновником министерства, ничем не отличается от системы, предусматривающей работу по договорам. Но зависимость советского учреждения от договоров принципиально отличается от того, как зависит от договоров фирма, работающая в условиях свободного рынка. В этом смысле рассматриваемый акт формальной децентрализации, подобно многим другим аналогичным мероприятиям, касается деталей, а не основ процесса принятия решений.

Планирование в рамках "реакционной" модели осуществлялось бы примерно так же, как в рамках "консервативной" системы. При разумном руководстве новшества внедрялись бы так же, как это происходит в настоящее время; действовала бы та же система материального стимулирования, не уменьшился бы престиж науки. По всей вероятности, усиление политического и идеологического контроля не достигло бы масштабов сталинского террора. Не было бы нужды в лысенковских методах управления наукой. Основной ущерб от внедрения "реакционной" модели был бы вызван сокращением научных контактов с более развитыми странами, в том числе сокращением импорта передовой технологии. Однако, если бы руководство примирилось с посто-

янным отставанием в области техники, ущерб от этому не придавалось бы большого значения. Сокращение научных контактов имело бы существенное значение только при постановке цели догнать и перегнать Запад в техническом отношении.

Гораздо хуже выглядели бы перспективы сельского хозяйства. Постепенное преобразование колхозов в совхозы было бы в русле стремлений к идейной чистоте, но вряд ли обратило бы вспять широко распространившийся процесс деморализации крестьянства. Были бы усилены ограничения, налагаемые на личные подсобные хозяйства, что привело бы к дальнейшему снижению выпуска сельскохозяйственной продукции. По всей вероятности, именно в сельском хозяйстве "реакционная" модель потерпела бы крупнейшее поражение.

Итак, советская экономика, управляемая "реакционным" руководством, могла бы добиться некоторых краткосрочных успехов во всех областях, кроме сельского хозяйства. Вполне возможно также, что "реакционная" модель переиграла бы в более отдаленном плане "консервативную" модель, особенно, если бы режиму удалось укрепить трудовую дисциплину и перераспределить рабочую силу между отдельными сферами экономики. При этом, однако, следовало бы избежать сталинских эксцессов, ибо Сталин, в конечном счете, является наихудшим элементом сталинизма.

”Радикальная” модель

Если ”реакционная” модель в экстремальном своем варианте означает возврат к централизации планирования и управления, то ”радикальная” модель в крайнем ее проявлении должна предусматривать децентрализацию планирования и управления. Основные черты этой модели могут быть позаимствованы из югославского и венгерского опыта. Может показаться, что речь идет просто о централизованном планировании без предписания предприятиям конкретных заданий. Однако эта невинно звучащая формулировка указывает на нечто большее, чем простая модификация централизованно планируемой экономики, так как без власти предписывать предприятиям конкретные задания разрушится сама основа системы централизованного планирования. Если от предприятий нельзя потребовать выпуска продукции по конкретным директивным заданиям, с них невозможно потребовать и поставки определенных промежуточных продуктов, вследствие чего существенно снижается роль освященной временем системы материально-технического снабжения. Без директивного предписания конкретных задач должны быть изменены критерии оценки деятельности предприятия, и тогда трудно представить себе какой-либо иной критерий, кроме соответствующим образом модифицированной прибыли. Но если прибыль служит доминирующим критерием деятельности, она

становится эффективной целевой функцией управления. В этом случае необходимо обеспечить, чтобы цены и затраты, на основании которых принимаются решения, достаточно точно отражали конечные социальные выгоды и издержки. Это повлекло бы за собой отказ от 40-летней практики ценообразования по принципу "средние издержки плюс нормальная прибыль". Аналогичные изменения пришлось бы произвести в управлении рынком труда, финансовой системой и другими секторами экономики.

Партия и правительство, по-видимому, сохранили бы контроль в некоторых областях экономики. Во-первых, большая часть капиталовложений, особенно на социальные нужды и новую технику и оборудование, осталась бы в ведении центра, и это стало бы наиболее мощным инструментом определения как уровня капиталовложений, так и направлений роста. Капиталовложения финансировались бы за счет налогообложения прибылей и личных доходов, а также на основе платы за фонды и амортизационных отчислений. Иными словами, государство по-прежнему владело бы всеми производственными фондами и требовало бы возмещения от предприятий, пользующихся этими фондами. Стимулы определялись бы системой участия в прибылях.

Во-вторых, государство сохранило бы свою роль в политике ценообразования, главным образом, для того, чтобы предотвратить чрезмерное использование власти рынка для поддержания монопольных цен. Государство сохранило бы за собой и выбор правил регулирования цен, чтобы

иметь возможность поступиться некоторой долей эффективности ради "равенства" или иной социальной цели. Законность избирательного контроля государства над ценами базировалась бы не только на власти вообще, но и на владении производственными фондами предприятий.

В-третьих, можно с уверенностью утверждать, что советское руководство не поддержит самоуправление или любые другие формы рабочего контроля. Наиболее трудные проблемы возникли бы при выработке политики в отношении возможного увеличения вынужденной безработицы.

В-четвертых, распределение доходов регулировалось бы посредством налогообложения доходов или, что имело бы больший смысл в экономике, придающей существенное значение капиталовложениям, при помощи налогов на потребление. Налоги на товары можно было бы использовать для финансирования государственных расходов, но не для регулирования мощных новых предпринимательских сил, которые, как можно надеяться, возникли бы в рамках "радикальной" системы и стремились бы к расширению диапазона доходов. Дело в том, что, если бы "радикальной" модели удалось породить активное движение предпринимателей, то у них могли бы появиться большие доходы в ходе устранения диспропорций централизованно управляемой экономики.¹⁵ Проблемы распределения доходов стояли бы особенно остро во время переходного периода, так как серьезные нарушения равновесия, унаследованные от эпохи централизованного планирования, не были бы еще сглажены рынком.

Чтобы представить себе развитие советской экономики в рамках "радикальной" модели, следует, прежде всего, обратиться к изучению фактических данных о функционировании системы подобного типа в какой-либо другой стране. В поисках формы радикальной децентрализации Советы, вероятнее всего, обратились бы к Новому Экономическому Механизму (НЭМ), введенному в Венгрии в 1968 году. Совершенно очевидно, что в Венгрии не произошло "экономического чуда" японского типа. Если расположить восточноевропейские страны в порядке увеличения долгосрочных темпов роста, Венгрия окажется где-то в середине списка, уступив более высокие места, как того и следовало ожидать, таким менее развитым странам, как Румыния и Болгария.¹⁶ Это соотношение не изменилось с внедрением НЭМ, так как, хотя темпы роста в Венгрии возросли за годы после реформы 1968 года, то же произошло и в большинстве других стран, сохранивших системы централизованного планирования.¹⁷ Потребление на душу населения в 1970-1975 годах увеличилось, но за тот же период оно увеличилось и в Румынии. Правда, Венгрия особенно сильно пострадала от неблагоприятных перемен, происшедших на ее внешних рынках, а также от дорогостоящих политических ошибок, совершенных в период освоения нового экономического механизма. С учетом этих обстоятельств следует признать, что Венгрия, вероятно, преуспела больше, чем можно было бы ожидать при старой централизованной системе планирования.

Можно предположить, что статистика упустила нечто весьма важное. Большинство осведомленных наблюдателей, включая венгерских экономистов, числящихся среди самых суровых критиков собственной экономики, отмечают как не вызывающий сомнений факт существенное улучшение качества товаров и услуг. Этот факт приобретает большое значение, если серьезное улучшение качества продукции можно приписать изменениям системы. Напрашивается вывод, что при новом механизме венгерская экономика в общем и целом функционирует лучше, но не на порядок. Во всяком случае, в стране не слышно вздохов по "добрым старым временам".

Венгрия — не Япония, но и СССР — не Венгрия, так что новый экономический механизм в СССР может сработать лучше или хуже, чем в Венгрии. В одном важном отношении СССР обнаруживает сходство с Венгрией. Венгерская реформа была ограничена целым рядом политических соображений, включая соблюдение гарантий занятости рабочей силы и строгих ограничений дифференциации доходов.¹⁸ Те же соображения будут, по всей вероятности, превалировать и в СССР, ограничивая эффективность реформы. У СССР есть одно потенциальное преимущество — огромный объем внутреннего рынка, способного дать некоторые выгоды от конкуренции между предприятиями. Однако, заботы о гарантированной занятости и дифференциации доходов способны выбить почву из-под ног конкуренции. Вследствие этого трудно ожидать, что советская эконо-

мика после такого рода децентрализации функционировала бы лучше, чем венгерская.

Существует, однако, причина, по которой новый экономический механизм в СССР может работать хуже, чем в Венгрии. Западные исследователи были поражены тем, с каким упорством старые схемы централизованно планируемой экономики вновь утверждали себя в рамках новой венгерской децентрализованной системы. Следует иметь в виду, что Венгрия жила при режиме централизованного планирования всего лишь два десятилетия. Организаторы производства, политики и экономисты, совершившие реформу 1968 года, прожили 30 с лишним лет в условиях рыночной экономики. Им была хорошо знакома система, в которой никто не указывает предприятию, что оно должно производить и от кого получать сырье. Легко предположить, что многие из них, несмотря на социалистические убеждения, сохранили определенную привязанность к аспектам такого рода экономического устройства. С другой стороны, в СССР вряд ли хоть одна живая душа помнит о такой системе. Человеку, не жившему в условиях рыночной экономики, трудно поверить, что "нужное" количество угля может быть произведено, если никто не указывает шахтам, сколько производить.

Можно привести два доказательства в пользу такой оценки. Первое вытекает из недавнего исследования, проведенного Управлением международных связей США и посвященного изучению советских представлений о Соединенных Штатах Америки. Исследование было основано на опро-

сах американцев, имевших тесные контакты с советскими официальными лицами высокого ранга. В отчете об этом исследовании говорится:

”Советские специалисты, изучающие США, с давних пор считают, что где-то в экономической системе скрыт ключ к американскому успеху и что должен существовать какой-то механизм планирования американского частного сектора”.

Даже советские эксперты в области американских методов управления промышленностью

”... поражены тем, что частный сектор не имеет явного планирующего центра. Они знают, что система работает, но не знают, как это происходит”.¹⁹

Вторым доказательством может служить утверждение видного советского специалиста, эмигрировавшего на Запад. Он полагает, что большинство советских экономистов искренне верит, что механизм цен является лишь временной необходимостью.²⁰ Хотя просвещенное меньшинство и научилось понимать природу децентрализованных равновесных систем, представители этой группы не будут управлять государством и экономикой. ”Наследие” эпохи централизованного планирования, которое Эгон Нойбергер обнаружил в Югославии, сказывается и в венгерской экономике.²¹ Наследие полувекового периода централизованного планирования должно сыграть

сдерживающую роль при осуществлении радикальных экономических преобразований. Кеннет Боулдинг как-то заметил, что автобус от капитализма до социализма ходит только на ранней стадии капиталистического развития. Если страна упускает этот автобус, капитализм в ней остается. То же можно сказать и об автобусе от централизованного планирования к социалистическим рынкам. Венгры поспели вовремя, но в СССР централизованное планирование господствовало настолько долго, что Советы, возможно, уже пропустили свой автобус.

Наряду с проблемой предпринимателей, в СССР существует целый ряд других моментов, не удовлетворяющих требованиям "радикальной" модели. Я говорю о неравновесии между структурой производственных мощностей и структурой спроса в рамках новой системы, а также о перекосах структуры заработной платы и цен. В связи с негибкостью снабжения многие из таких неравновесных состояний могут оказаться весьма существенными и, вероятно, сохранятся на протяжении длительных периодов времени, обуславливая большие доходы от ренты. Сомнительно, чтобы рыночные процессы в рамках новой системы смогли быстро ликвидировать эти неравновесные состояния, не породив несправедливость, которая, в свою очередь, вызвала бы серьезные социальные и экономические трудности.

И все же внедрение "радикальной" модели не может не привести к определенному улучшению качества товаров и услуг, как это имело место в

Венгрии. Суть модели составляет требование, чтобы предприятия на основании консультаций с потенциальными потребителями сами решали, что им производить, а не ожидали по этому поводу указаний от министерства. Это требование не может не настроить руководство на чуткую реакцию на спрос, если только спрос этот не является избыточным. В социалистических (да и все в большей мере и в капиталистических) странах политически трудно позволить рынку определять наказания за неудачи в экономике, но в рамках "радикальной" модели эти трудности и связанное с ними ослабление дисциплины усугубляется по сравнению с моделью, предусматривающей централизованное планирование производства. Аналогичным образом, предприятие как покупатель, которому теперь поручено и дозволено в рамках новой модели искать собственные источники снабжения, будет, по-видимому, в своих расчетах придавать большее значение стоимостным соображениям.

Сказанное выше относится и к качеству нововведений. Если бы решение о внедрении новой технологии или продукта действительно принималось предприятием, предприятие это сильнее, чем в прошлом, противодействовало бы нажиму принять низкокачественную работу научно-исследовательских центров и проявляло бы большее стремление к поискам и внедрению подлинно первоклассных изобретений. И в этом случае положительный эффект "радикальной" модели был бы ослаблен настолько, насколько политика

уравниловки уменьшала бы вознаграждение за риск.

”Либеральная” модель

Я назвал предыдущую модель ”радикальной”, потому что она предусматривает полный отказ от директивного планирования. При нынешних советских условиях трудно занять более ”радикальную” позицию, не став подлинным революционером. Последняя из рассматриваемых нами моделей правильно названа ”либеральной”, ибо она сохраняет традиционные методы планирования для большей части экономики, но либерализует существующие ограничения частной инициативы.

Эту модель можно также назвать нео-НЭПовской. Подобно первой великой реформе, она возникла бы как реакция на возрастающие экономические трудности. Сегодняшние трудности не носят столь критического характера, как в 1921 году, но и масштабы реформы были бы гораздо уже. Суть реформы, однако, была бы той же: отход социалистического сектора централизованного планирования на ”командные высоты” экономики. На этот раз, однако, ”командные высоты” включали бы в себя подавляющую часть всей экономики. Границы их зависели бы от того, какие масштабы реформы руководство сочло бы оптимальными в политическом и экономическом отношениях. В пределах этих границ экономика функционировала бы по-прежнему, то есть с планированием заданий предприятиям, си-

стемой материально-технического снабжения, централизованным регулированием цен и прочими атрибутами нынешнего экономического механизма.

С другой стороны, вне этих границ отдельные лица и небольшие группы поощрялись бы к экономической деятельности в целях личного обогащения. Им было бы дозволено нанимать работников. Заработная плата была бы, по-видимому, не ниже, чем в государственном секторе, который оставался бы работодателем "на всякий случай" для работников, занятых в частном секторе. Размеры частного предприятия были бы ограничены законом. Первоначально они были бы небольшими, но в случае успешного развития реформы, могли бы расти со временем. Предприятиям было бы дозволено владеть капиталом и арендовать землю у государства. Им было бы предписано периодически отчитываться перед Центральным статистическим управлением и Министерством финансов и на основании этих отчетов взимались бы налоги.

Нео-НЭПовские предприятия процветали бы в тех областях, где небольшие масштабы деятельности создают определенные преимущества. К таким областям можно отнести:

- 1) услуги, включающие общественное питание, бытовое обслуживание (ремонт одежды, стирка и чистка) и ремонт бытовой аппаратуры;

- 2) ремесла и изготовление дефицитных товаров широкого потребления, например, зимней одежды;

3) всякого рода торговые услуги (небольшие магазины, торгующие товарами государственного и частного производства и конкурирующие с государственными магазинами;

4) строительные работы, выполняемые небольшими артелями для частных лиц, кооперативов и частных лиц или государственных предприятий;

5) работа по специальным заказам и мелкосерийное производство для промышленности;

6) предоставление промышленности специализированных услуг, например, научно-технических консультаций.

Особенно важным является предоставление товаров и услуг промышленности, ибо это обеспечило бы гибкость, недоступную для системы государственного планирования. Тем самым было бы обеспечено выполнение функций, возлагаемых на небольшие предприятия в современной олигополистической экономике капиталистических стран. В Японии, например, небольшие предприятия смягчают последствия спада в цикле деловой активности и служат ценным дополнительным источником снабжения крупных корпораций. В США небольшие предприятия часто становятся инициаторами внедрения новшеств, которые, в случае успеха, перекупаются более крупными фирмами. Можно согласиться с одним из советских специалистов,²² который считает, что нехватка мелких предприятий в советской организационной структуре неблагоприятно влияет на модернизацию и эффективность промышленно-

сти. Реформа, предусматривающая укрупнение производственных единиц, может лишь усугубить эту проблему.

Неотложным стало бы принятие решений по ряду критически важных вопросов, касающихся характера взаимоотношений нео-НЭПовского и государственного секторов. Во-первых, речь идет о выработке условий, на которых частное предприятие могло бы покупать материалы и оборудование у государственных предприятий. Одно из возможных решений заключается в том, что плановые задания по фактической производительности будут спускаться государственным предприятиям с разбивкой на две части, предназначенные для снабжения других государственных предприятий и для продажи частным предприятиям, соответственно. Объем государственных поставок определялся бы планирующими органами на основе стандартного метода материальных балансов, а объем поставок частной промышленности — на основе анализа рыночного спроса. При этом поставки частному сектору могли бы служить для органов централизованного планирования полезным балансирующим инструментом. Предположим, например, что в первом пробном балансе гвоздей планирующие органы обнаружили, что спрос государственной промышленности на гвозди превышает предложение, предусмотренное проектом государственных планов предприятий. Баланс мог бы быть достигнут простой переброской в государственный сектор части продукции, первоначально отведенной для снабжения частной промышленно-

сти. Вследствие этого на протяжении данного года частная промышленность испытывала бы острый дефицит в гвоздях. Она вынуждена была бы разрабатывать заменители, снизить объем собственного производства или прибегнуть к подкupu должностных лиц, о чем мы еще поговорим ниже.

Во-вторых, пришлось бы принять решение о фактических ценах в торговых сделках между государственными и частными предприятиями (сделки между частными предприятиями и потребителями в таком регулировании не нуждаются). Один из возможных подходов к этой проблеме предусматривал бы налогообложение закупок, совершаемых частными предприятиями в государственном секторе. Государственное предприятие при этом получало бы за свою продукцию одну и ту же цену как от государственных, так и от частных предприятий, но частный покупатель должен был бы дополнительно платить государственный налог. Такой налог переводил бы в государственную казну прибыль от закупки по оптовым ценам предприятий и служил бы политической цели укрепления позиций государственной промышленности в конкурентной борьбе с частным сектором. Другими словами, частное предприятие должно было бы отдавать значительную часть своей прибыли только за то, что его терпят, и вкладом в экономику компенсировать идеологический ущерб от собственного существования.

В-третьих, частная торговая сеть обеспечила бы более высокое качество и более широкий ассор-

тимент потребительских товаров и услуг, чем государственные магазины. Более высокие цены на товары, продаваемые в частных магазинах, могут вызвать недовольство населения, если люди почувствуют, что частная торговля "вытесняет" распределение поставляемых государством товаров. Поэтому для государства было бы чрезвычайно важно продолжать поставку традиционного набора потребительских товаров и услуг по обычным ценам. Распределение таких товаров по-прежнему регулировалось бы очередями, в то время как люди с иными доходами и вкусами могли бы делать закупки в частных магазинах.²³ Кроме того, государственный сектор должен был бы играть роль работодателя "на всякий случай", что он фактически делает сейчас. Это дало бы некоторую альтернативу безработице для рабочих, не удовлетворенных заработной платой или условиями труда в частном секторе.

О функционировании экономики в рамках этой модели можно судить по опыту первого НЭПа, но наиболее показательным в этом отношении является опыт сегодняшней "второй экономики". Урок, который обычно извлекают из этого своеобразного феномена, сводится к тому, что централизованно планируемая экономика порождает коррупцию. Возможна, однако, и другая трактовка. Урок "второй экономики" состоит в том, что внутри социалистической системы таится огромный резерв инициативы, не находящей выхода через обычные институты централизованного планирования. Чтобы использовать этот значительный производственный потенциал,

экономика должна предусмотреть возможность его реализации социально приемлемым путем. Это может быть достигнуто созданием контролируемого и ограниченного сектора частного предпринимательства.

Советская печать изобилует примерами проявления частной инициативы даже при нынешних неблагоприятных условиях. Приведу лишь два из них, которые представляются мне особенно наглядными. Фирма "Факел" была организована в Новосибирске небольшой группой инженеров и ученых, взявших в свободное время проводить исследования и работы по оформлению и внедрению изобретений. Работая в нескольких жилых комнатах, они заключали контракты с предприятиями и выполняли их, прибегая в случае надобности к помощи местных специалистов. Примерно за четыре года они получили 3,5 млн. рублей в виде заработной платы для себя и своих консультантов по 263 договорам, которые, по их утверждению, дали экономический эффект, составляющий 35 млн. рублей. Деятельность фирмы вызвала резкий отпор и, в конечном счете, под нажимом Государственного банка и Министерства финансов предприимчивые люди вынуждены были закрыть процветающее дело.²⁴ Второй пример относится к делу агронома И. Худенко, которому была предоставлена возможность обрабатывать участок залежной земли, принадлежащей совхозу. Опираясь на принцип "расширенного звена", Худенко и несколько его товарищей развернули на этом участке хозяйство, практически не отличающееся от частной фермы, и доби-

лись феноменального успеха. Противодействие в этом случае было более ожесточенным. Худенко были инкриминированы уголовные преступления, и он умер в тюрьме в 1974 году.²⁵ Множество подобных историй свидетельствует о наличии в обществе мощного новаторского и производственного потенциала, который мог бы быть реализован в рамках "либеральной" модели.

Подобно "радикальной", "либеральная" модель является моделью "смешанной экономики". Однако между ними существует коренное различие. "Радикальная" модель сочетает централизованное планирование и рынок, но все предприятия принадлежат государству. Радикальным здесь является отказ от директивного планирования заданий — основы советской системы централизованного планирования. "Либеральная" модель сохраняет традиционную форму централизованного планирования для большей части экономики, но предусматривает наличие как государственных, так и частных предприятий. Я бы не отрицал точки зрения, что "либеральная" модель более радикальна, чем отказ от директивного планирования. Главное, однако, состоит в том, что эти две модели отражают разные взгляды на патологию советской социалистической экономики. "Радикальная" модель отражает точку зрения большинства сторонников западной экономической теории социализма, основоположниками которой были Оскар Ланге и Абба Лернер. Эта теория оперирует понятием оптимальности по Парето и рассматривает рынки как путь повышения эффективности социалистической эконо-

мики. Либеральная модель нацелена не на эффективность, связанную с распределением ресурсов, а на нечто подобное "X-эффективности" Говарда Лейбенштейна. Согласно этой модели, проблема централизованно планируемого социализма состоит не в централизованном планировании, а в социализме или, по меньшей мере, в монополии социалистических учреждений.²⁶ Кстати, сам Ланге затрагивал эту тему, говоря об опасности "бюрократизации" экономической жизни даже в рамках рыночной модели социализма.²⁷

Если современные данные о "радикальной" модели можно почерпнуть из венгерского опыта, то информацию о "либеральной" модели я получил, как ни странно, из опыта ГДР. Непреклонное правительство этой страны на всем протяжении своей истории разрешало деятельность частных ремесленников. Деятельность эта несколько сократилась в 1972 году после национализации более крупных частных фирм, но мелкомасштабное производство продолжало пользоваться "полнейшей поддержкой Социалистической единой партии и государства".²⁸

В сравнительном анализе двух Германий Пол Грегори и Герт Лептин расценивают терпимость к частным предприятиям в ремеслах, торговле и сельском хозяйстве как одну из причин успеха системы стимулирования в ГДР.²⁹

Бедственное состояние польского сельского хозяйства можно считать доказательством обреченности частного предприятия в условиях социализма, но более убедительным представляется мнение, что провалы в Польше обусловлены

грубыми ошибками сельскохозяйственной политики руководства. В советской "либеральной" модели перспективным для развития сельского хозяйства было бы не всеобщее частное фермерство по польскому образцу, а решительная ориентация на "звено" как основную единицу социалистического сельскохозяйственного производства. Подобно "бригаде" в КНР, звено можно было бы сделать достаточно малочисленным для восстановления одного из главных элементов Х-эффективности, а именно прямой связи личного дохода с затраченными усилиями. Наряду с повышением звена, принцип "либеральной" модели потребовал бы от государства полной поддержки подсобного сельского хозяйства на приусадебных участках. Звено и приусадебный участок могли бы послужить своего рода рычагами, которые российский реформатор Петр Столыпин пытался использовать для высвобождения крестьянской инициативы, сковывавшейся общиной.

Реформа по "либеральной" модели может столкнуться с трудностями, связанными с коррупцией и распределением доходов. В первом случае речь идет не о том, породит ли "либеральная" модель коррупцию. Это непременно произойдет. Вопрос о том, увеличится ли размах коррупции и станет ли она более пагубной в социальном плане, чем в условиях социалистического планирования. Ответ вовсе не самоочевиден. Резкое расширение узаконенных возможностей увеличения личных доходов привело бы к увеличению выгод от незаконного предоставления частному рынку государственной собственности.

С другой стороны, по мере того, как частному сектору удавалось бы сглаживать диспропорции в экономике, сокращались бы и поборы "хранителей" дефицитного государственного добра. Больше того, "либеральная" модель превратила бы в приемлемые "красные рынки" некоторые участки многоцветного рыночного спектра, детально рассмотренного Ароном Каценелинбойгеном.³⁰ Это привело бы к сокращению коррупции за счет легализации действий, ранее считавшихся незаконными. Однако главная цель рассматриваемой модели состоит не в простом перераспределении существующих ценностей, а в стимулировании производства новых товаров и услуг, которые без такой модели не были бы произведены. Коррупция в деятельности такого рода имела бы менее пагубные социальные последствия, чем при простом перераспределении реальных доходов в пользу тех, кто имеет доступ к дефицитным товарам и услугам. Таким образом, представляется вполне возможным, что в рамках "либеральной" модели коррупция стала бы меньшим злом, чем при нынешней системе.

"Либеральная" модель в большей степени, чем любая другая, подвергла бы суровому испытанию терпимость общества к неравномерному распределению доходов. На первых порах принятие этой модели привело бы к колоссальным личным доходам из-за колоссальных диспропорций, унаследованных от нынешней системы. Со временем, однако, по мере уменьшения количества неотремонтированных телевизоров и удовлетворения спроса на варежки, бешеные доходы переходя-

го периода становились бы все более умеренными. Тем не менее конечная дифференциация доходов в установившемся режиме могла бы превысить пределы терпимости, проявляемые политической системой. В этом случае руководство могло бы принять меры к сокращению масштабов частного сектора. Важная роль эксперимента с "либеральной" моделью состоит в том, что он дает и руководству и населению четкое представление о цене, которую приходится платить сегодня за грубую уравниловку в распределении доходов, и о цене, которую придется заплатить в случае отказа от "либеральной" модели.

Наконец, преимуществом "либеральной" модели является административная и политическая гибкость. "Радикальную" модель трудно было бы ввести частями, т.е. управлять некоторыми секторами экономики без планирования заданий, сохранив в других секторах традиционную систему централизованного планирования. Как и в Венгрии, реформа по этой модели должна быть осуществлена по принципу "все или ничего". С другой стороны, "либеральная" модель поддается бесконечному дроблению. Некоторые виды частного производства можно легализовать, оставив другие незаконными. Если размах коррупции или степень дифференциации доходов выйдут из политически приемлемых пределов, можно сузить границы частного сектора. Распределение доходов можно регулировать системой налогообложения с любыми желательными ограничениями.

Чем дольше существует та или иная модель, тем

большее количество людей заинтересовано в ее существовании и тем большее сопротивление вызывают попытки ее смены. Однако в условиях современного советского общества это не так. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о первом НЭПе. В то время переход к НЭПу был сопряжен с огромным риском, ибо командные высоты, оставленные за государством, не господствовали над значительной частью экономики. Политические опасения левых были вполне оправданы: усиление роли частного предпринимательства в торговле, мелком производстве и, особенно, сельском хозяйстве, где было занято около 80% населения, могло, в конечном счете, создать политическую силу, способную бросить вызов узурпировавшей власть относительно малочисленной большевистской партии. "Либеральная" модель не представляет такой угрозы современному советскому обществу. Идеологические неудобства были бы небольшими по сравнению с экономическими выгодами от внедрения модели, представляющей нам наиболее эффективной для будущей советской экономики.

Политические аспекты

При окончательном выборе будут, несомненно, учтены экономические перспективы различных моделей. Однако, в конечном счете, выбор определится политическими, а не экономическими соображениями. "Консервативная" модель меньше всего противоречит интересам унаследо-

ванных от прошлого институтов и, вероятно, превозобладает, если не сложится одна из следующих двух ситуаций:

(1) темпы роста не стабилизируются на уровне или выше порога стимулирования;

(2) наследники нынешней политической системы выдвинут нового, более молодого лидера, который либо сосредоточит в своих руках власть, достаточно сильную для преодоления оппозиции переменам со стороны групп, заинтересованных в сохранении статус-кво, либо завоеует поддержку экономическим реформам среди ведущих социальных групп.

Не могу судить, возникнет ли одна из этих ситуаций, но считаю целесообразным рассмотреть, какая из альтернативных моделей могла бы в такой ситуации получить существенную политическую поддержку.

Мощнейшую поддержку могла бы, вероятно, получить "реакционная" модель, которая нанесла бы наименьший ущерб интересам групп, наиболее тесно связанных с режимом, т.е. интересам руководителей центральных и местных учреждений, партийного аппарата и военных. (Разумеется, привилегии представителей этих групп, например, пользование закрытыми распределителями, могло бы быть несколько ограничено.) Эта модель получила бы одобрение приверженцев идеологического пуританизма, если таковые еще сохранились в СССР. Более важно, что она соответствовала бы стремлению широких слоев общест-

ва к возврату к благословенным сталинским временам, когда

”... в стране была жесткая дисциплина, когда не было трудностей с рабочей силой и т.д.”.³¹

Простого труженика атака на коррупцию и спекулянтов не затронет и ему должна импонировать политика, сочетающая мотивы сильного законопорядка с ксенофобией, национализмом, антисемитизмом и антиинтеллектуализмом. Ужесточение рабочей дисциплины может прийтись по вкусу рабочим, если представить соответствующие мероприятия как часть новой великой общегосударственной кампании, сочетающейся с программой повышения уровня потребления. В краткосрочном плане ловкое руководство могло бы создать такую иллюзию, хотя в более дальней перспективе успех этого мероприятия представляется более проблематичным.

В отличие от этого ”радикальная” модель идет вразрез с интересами влиятельных групп, поддерживающих традиционный режим. Чиновники центрального аппарата остались бы без мест. Та же участь постигла бы и большинство нынешних руководителей предприятий, неспособных функционировать в условиях децентрализованной экономики рыночного типа. Рабочим пришлось бы гарантировать занятость, что подорвало бы один из главных резервов повышения производительности труда в рамках ”радикальной” реформы. Лишь национальные меньшин-

ства, несколько экономистов и небольшие группы либеральной интеллигенции, возможно, поддержали бы эту модель при условии, что она не предусматривала бы обширной децентрализации сельского хозяйства.

Если этот вывод верен, то почему же "радикальная" модель получила столь мощную поддержку в Чехословакии в 1968 году и до сих пор сохраняет популярность в Венгрии? Различие, по моему, состоит в том, что в Восточной Европе система централизованного планирования отожествлялась с закостенелой партийной ортодоксальностью и, в конечном счете, с русским господством. В СССР, однако, "радикальная" модель будет принята лишь в том случае, если небольшой группе экономистов — сторонников рыночной системы — удастся каким-то образом склонить на свою сторону нового лидера и убедить его в преимуществах "радикальной" реформы. Задача, прямо скажем, нелегкая, особенно в свете скромных успехов венгерской реформы. Даже в этом случае новый лидер не смог бы опереться на мощную поддержку влиятельной группы, и для проведения реформы ему пришлось бы сосредоточить в своих руках поистине сталинскую власть, а сталины децентрализацией не занимаются.

В свете сказанного становится очевидным, почему "либеральная" модель получила бы большую поддержку, чем "радикальная". Никто не лишился бы своего кресла. Модель завоевала бы руководству поддержку нового частного сектора и обеспечила бы резкое улучшение качества

жизни для среднего потребителя. Повышение жизненного уровня оказалось бы достаточно резким для того, чтобы не оставить сомнений в успехе обеспечившей его политики или личности. Идеологически нео-НЭПовская политика могла бы быть связана с именем самого Ленина. В диалектическом плане ее можно было бы представить как продукт нового синтеза, характерный для исторического этапа зрелого социализма, социальной задачей которого является создание новых, а не приспособление существующих методов.

В заключение отметим, что перспективы перемен зависят от функционирования "консервативной" модели. Если рост стабилизируется на уровне, превышающем порог стимулирования, эта модель сохранится, и советская экономика доковыляет до конца века: хронические болезни не требуют кардинальных мер. Однако, если темпы роста упадут ниже порога стимулирования, накопившиеся силы социального и политического нажима подтолкнут руководство либо к "реакционной" либо к "либеральной" модели. Вторая из них имеет больший экономический потенциал, но если превозобладают соображения политической осторожности, выбор падет на первую.

Примечания

- ¹ "Правда", 29 июля 1979 г.
- ² Голланд Хантер провел аналогичный анализ, рассмотрев три "сценария", которые в некоторых отношениях сходны, а в других отличны от моих четырех "моделей". См. его "Советские экономические проблемы и альтернативы их решения" в Объединенном экономическом комитете Конгресса США, "Советская экономика в эпоху перемен", издательство US Government Printing Office, Washington DC, 1979, pp. 23-37.
- ³ См. цитированное выше Постановление (примечание № 1).
- ⁴ Я. Кваша, "Концентрация производства и мелко-массштабное производство", Вопросы экономики, № 5, 1967.
- ⁵ Gertrude E. Schroeder, "The Soviet Economy on a Treadmill of 'Reforms' " in Joint Economic Committee, US Congress, Soviet Economy in a Time of Change ("Советская экономика в эпоху перемен"), т. 16 с. 329-340.
- ⁶ "Правда", 1 марта 1978 г.
- ⁷ Анализ послесталинских экономических реформ можно найти в главе "Планирование и управление" книги автора. Эта глава послужила основой для настоящей статьи.
- ⁸ См. ее статью в сборнике Abram Bergson and Herbert S. Levine, Eds., The Soviet Economy: Toward the Year 2000, London, Boston, and Sydney, George Allan & Unwin, forthcoming in 1983.

- ⁹ См. статью Дэниеля Бонда и Герберта Левина (Daniel Bond and Herbert Levine) в том же сборнике.
- ¹⁰ Aron Katsenelinboigen, *Studies in Soviet Economic Planning*, White Plains, N.Y., M.E. Sharpe, 1978, p. 41.
- ¹¹ See Boris Z. Runer, "The 'second' agriculture in the USSR", *Soviet Studies* (Glasgow), October 1981, pp. 560-572; а также "Правда", 1 ноября 1982 г.
- ¹² "Правда", 28 ноября 1979 г. Такая практика расширяет круг деятельности предприятия, что приближает его "универсализму" и отдаляет от "специализации".
- ¹³ Эта проблема обсуждается в работе Joseph S. Berliner, *The Innovation Decision in Soviet Industry*, Cambridge, MA, The MIT Press, 1976, pp. 158-167.
- ¹⁴ Janusz G. Zielinski, *Economic Reforms in Polish Industry*, London, Oxford University Press, 1973, pp. 312-321.
- ¹⁵ Задачи партии в устранении диспропорций исследованы в работе Gregory Guroff and Fred V. Carstensen, Eds, *Entrepreneurship in Russia and the Soviet Union*, Princeton, NJ, Princeton University Press, forthcoming.
- ¹⁶ See Paul Marer, "Economic Performance, Strategy and Prospects in Eastern Europe", in US Congress, Joint Economic Committee, *East European Economies Post-Helsinki*, Washington DC, US Government Printing Office, 1977, pp. 523-566.
- ¹⁷ See Richard Portes, "Hungary: Economic Performance, Policy and Prospects", in *Ibid.*, pp. 766-815.

¹⁸ See David Granick, "The Hungarian Economic Reform", *World Politics* (Princeton, NJ), July 1973, pp. 414-429; and Portes, *Loc. cit.*

¹⁹ See Gregory Guroff, "Soviet Perspectives of the US: Results of a Surrogate Interview Project", Washington DC, US International Communication Agency (Renamed US Information Agency in 1982), June 27, 1980.

²⁰ See A. Katsenelinboigen, *op. cit.*, p. 15.

²¹ Egon Neuberger, "Central Planning and Its Legacies: Implications for Foreign Trade", in Alan A. Brown and Egon Neuberger, Eds., *International Trade and Central Planning*, Berkley, CA, University of California Press, 1968. Cf. Edward A. Hewett, "The Hungarian Economy: Lessons of the 1970's and Prospects for the 1980's", in US Congress, Joint Economic Committee, *East European Economic Assessment*, Washington DC, US Government Printing Office, 1981.

²² Kvasha, *Loc. cit.*

²³ Существование магазинов двух типов, устраняющее уравниловку, может вызвать недовольство населения. Достаточно напомнить, что во время забастовки 1980 года одно из требований польских рабочих заключалось в ликвидации "специальных магазинов", открытых только для "элиты". Хотя частные магазины в СССР были бы открыты для всех покупателей, возмущение ими нелегко было бы подавить.

²⁴ See John Lowenhardt, "The Tale of the Torch - Scientists-Entrepreneurs in the Soviet Union", *Survey* (London), Autumn 1974, pp. 113-121.

²⁵ A. Katsenelinboigen, *op. cit.*, p. 66.

²⁶ Существует еще и третья, так сказать, "югославская" позиция, приверженцы которой разделяют "радикальную" точку зрения, соглашаясь, что рынки лучше централизованного планирования. С другой стороны, они разделяют и "либеральную" точку зрения, согласно которой предприятия не должны принадлежать государству, но расходятся с ней, полагая, что альтернативой государственному предприятию является не частное, а самоуправляемое предприятие. Рабочее самоуправление настолько немыслимо в СССР, что я здесь такую возможность не рассматриваю.

²⁷ See Oscar Lange, "On the Economic Theory of Socialism", reprinted in B. Lippincott, Ed., *On the Economic Theory of Socialism*, Minneapolis, MN, University of Minnesota Press, 1938.

²⁸ Hilda Scott, *Does Socialism Liberate Women? Experiences from Eastern Europe*, Boston, MA, Beacon Press, 1974.

²⁹ "Similar Societies under Differing Economic Systems: The Case of the Two Germanys", *Soviet Studies* (Glasgow), October 1977, pp. 519-542.

³⁰ Loc. cit.

³¹ A. Katsenelinboigen, op. cit., p. 57.

Послесловие

Первая речь Андропова в качестве генерального секретаря КПСС была произнесена на Ноябрьском пленуме ЦК через две недели после смерти Брежнева.* В целом речь читается, как если бы она была написана штатом покойного генсека, что, по-видимому, и имело место. Если это выступление отражает точку зрения нового генсека, оно предвещает сохранение "консервативной" модели. Например, обширные резервы производственного потенциала должны быть вскрыты и реализованы за счет более реалистического планирования и совершенствования системы материального стимулирования. Ключевая топливно-энергетическая проблема должна быть решена путем учреждения постоянно действующих комитетов при Совете Союза и Совете Национальностей. Для предотвращения все учащающихся сбоев в работе предприятий черной металлургии соответствующему министерству должна быть оказана активная помощь со стороны Госплана, Госснаба и машиностроительных министерств. В истинно консервативном духе такие меры отражают скрытое приятие принципа централизованного планирования и управления и решимость найти пути улучшения функционирования существующей экономической системы.

* "Правда", 22 ноября 1982 г.

В речи, однако, содержатся намеки на заинтересованность в большей децентрализации. Необходимо уделить внимание возможности предоставления большей независимости производственным объединениям, промышленным и сельскохозяйственным предприятиям, правда, после проведения соответствующих экспериментов и с учетом опыта братских стран. Приусадебные участки охарактеризованы как светлые пятна на в общем-то мрачной картине сельского хозяйства страны. Госплану СССР следует меньше заниматься планированием производства товаров потребления, оставив эти функции местным партийным и советским органам. Такого рода меры вполне укладываются в рамки "консервативной" модели. Если они не зайдут гораздо дальше, чем определено в речи, их трудно считать симптомами радикальной или либеральной тенденции.

Только три места из экономической части речи Андропова вызвали аплодисменты в зале, причем в двух случаях делегаты одобрили осуждение "плохой работы, разгильдяйства и безответственности", а также "нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины". Важно, однако, не то, что такие суждения появились в речи секретаря партии. Его предшественники, я уверен, находили и более жесткие слова для осуждения таких недостатков. Существенно, что события последних месяцев свидетельствуют о том, что кое-что в этом направлении действительно предпринимается. Получив задание политбюро, пресса захлебнулась в потоке писем в редакции,

описывающих вопиющие случаи нерадивости, недисциплинированности и коррупции в хозяйственной деятельности, и требующих покончить с подобными явлениями. Общественное мнение явно подготавливается к каким-то кардинальным мерам.

Создается впечатление, что эти меры взяты из арсенала "реакционной" модели: юридические ограничения права оставлять место работы, принудительное трудоустройство избыточной рабочей силы, штрафы и уголовное преследование за нарушения трудовой дисциплины, взяточничество и хищения государственной собственности. Если мой анализ верен, это на первых порах приведет к заметному повышению производительности труда, а затем к увеличению количества и улучшению качества товаров массового потребления и услуг. После этого созреет политическая обстановка для таких давно назревших дополнительных мероприятий, как повышение цен на мясные продукты и жилье, а также денежная реформа с обменом, скажем, одного рубля на десять старых и ликвидацией крупных денежных накоплений от прошлых "незаконных" операций. *

Таким образом, последние события указывают на победу реакционной модели или некоего ее гибрида с консервативной моделью. Мало что свидетельствует в пользу радикальной или либе-

* Грегори Гроссман полагает, что такая мера вполне возможна.

ральной альтернативы, но по двум соображениям совсем списывать их со счета, по-моему, нельзя.

Во-первых, преимущество Андропова состоит в том, что у него нет опыта управления хозяйством, а, следовательно, нет и предубежденных мнений, свойственных двум его предшественникам.

Во-вторых, он слывет разумным и образованным человеком. Все это делает его способным рассмотреть более широкий круг вариантов, чем его предшественники. Поэтому, если функционирование экономической системы не улучшится, сторонники радикальной или либеральной реформы получат у Андропова большую поддержку, чем они могли бы получить у Брежнева и Хрущева. Возможность эта представляется весьма отдаленной, но совсем не учитывать ее нельзя.

Перевод Якова Зельцера

PERSONALIA, ВОСПОМИНАНИЯ

*Ксаверий Прушинский*¹

ОНИ НЕ ВЕРНУЛИСЬ

Ранней осенью 1938 года, вскоре после советского вторжения в Восточную Польшу, два всемирно известных лидера еврейского социалистического движения Генрих Эрлих и Виктор Альтер были арестованы НКВД. Их обвинили в связях с "мировой буржуазией" и сотрудничестве с польской контрразведкой. Смертные приговоры обоим были заменены десятью годами трудовых лагерей, но освободили их в сентябре 1941 г. на основании соглашения, которое Сталин после нападения фашистской Германии на СССР заключил с польским правительством в изгнании. Соглашение предусматривало освобождение всех польских граждан, арестованных или интернированных в Советском Союзе. Более двух месяцев советские власти обращались с Эрлихом и Альтером как с дипломатическими лицами и вели переговоры о возможном их участии в формировании Еврейского антифашистского комитета. 4 декабря их вызвали на "очередное совещание", с которого они не вернулись. Запросы польского посла и общественных деятелей Америки наталкивались на бесчисленные отговорки и проволочки. Наконец, в феврале 1943 года советский по-

сол в США Максим Литвинов передал Уильяму Грину послание Молотова, в котором сообщалось, что Эрлих и Альтер были расстреляны за капитулянтскую пропаганду среди советских военнослужащих.

Это случилось в начале февраля 1941 года в Москве. Мы с Владиславом Броневским² сидели в ресторане гостиницы "Метрополь". Было поздно, и завсегдатаи ресторана уже разошлись. Мы только начали обедать, когда в комнату вошли два человека. Было ясно, что они не русские, но и на иностранцев похожи не были. На первый взгляд, эти люди принадлежали к особой категории недавних узников советской тюрьмы. Броневский присмотрелся и узнал их. Они тоже узнали его, подошли к нашему столику и представились: Генрих Эрлих, Виктор Альтер.

Я уже знал, что эти два руководителя Бунда недавно вышли из тюрьмы, что они уже побывали в нашем посольстве и беседовали с послом. Но у меня еще не было случая повидаться с ними. Должен признаться, мне этого не очень и хотелось. Из множества еврейских политических партий Бунд был наименее близок, потому что казался наименее интересным. От консерватизма хасидов веяло экзотикой, в сионизме с его палестинскими устремлениями было нечто романтическое и фантастическое, ревизионизм³ с его униформой — не помню уж, какого цвета рубашки носили эти еврейские фашисты — представлял собой течение, совершенно чуждое польскому еврейству. Чело-

веку постороннему Бунд представлялся одной из сект марксистской веры, отпавшей от советского коммунизма, но не примкнувшей к Польской социалистической партии. Концепция Бунда не ассоциировалась ни с традиционной синагогой, ни с палестинским кибуцем, но вызывала в воображении образ толпы жалких людишек, портняжек и сапожников, более обездоленных и несчастных, чем беднейшие фабричные рабочие. Такие толпы оборванцев заполняли по праздничным дням убогие базары в Сарадзе, Волковиске и Лиде.⁴

Незадолго перед этим я довольно часто встречался с людьми, вышедшими из советской тюрьмы. Некоторые из них были как-то странно взволнованы, лихорадочно возбуждены. Другие, напротив, впадали в апатию, сторонились людей, при встрече отводили глаза. Тюрьма давила на всех по-разному, но действие ее всегда было заметно. Едва увидев Альтера и Эрлиха, я понял: они — не такие, как все. Дело даже не в том, что они были более спокойны или более возбуждены чем остальные. Просто казалось, что тюремные испытания не вывели их из равновесия. Правда, я не знал их раньше и мог ошибаться. Конечно же, они должны были постареть, да и здоровье, наверняка, пошатнулось. Но все это, казалось, не затронуло их психику, как если бы душа их жила независимо от плоти. Вообще можно было подумать, что они никогда не сидели в тюрьме. Их выдавали только новые мешковатые костюмы, полученные после бани и обильного завтрака при расставании с Лубянкой.

Я уже привык к мысли, что левые лидеры более интеллектуальны, чем руководители правых партий. Но Эрлих и Альтер не укладывались в мое упрощенное представление о руководителях Бунда. Их слова и жесты были отмечены сдержанностью, которую в девятнадцатом веке приписали бы хорошему воспитанию и благородному происхождению, а многие из нас, эмигрантов, связывали с английскими манерами. Их уверенность в себе была спокойной и неагрессивной, речь никогда не превращалась в разглагольствование. Они слушали собеседника дружелюбно, внимательно и заинтересованно, без малейшей тени безразличия. Складывалось впечатление, что эти люди живут как бы над миром, наблюдают за всем, в том числе и за собой с какой-то другой, несколько отдаленной позиции. Вероятно, даже в смертной камере они смотрели на свою судьбу со стороны, как если бы то, что с ними происходило, не было самым важным в жизни.

При этом они совершенно не походили друг на друга. Виктор Альтер был человеком быстрого и живого темперамента, человеком действия, а не рассудка, спора, а не созерцания. Даже память его не поддавалась тюремным испытаниям. Он помнил книги, статьи, высказывания по разным вопросам, обсуждавшимся до войны. Едва присев к нашему столику, он начал оживленную дискуссию. Казалось, вновь обретенная свобода и начало войны между Советской Россией и Германией доставляют ему меньшее удовлетворение, чем то, что он и Бунд предугадали ход событий. (По образованию Альтер был инженером-химиком. В

тюрьме он написал книгу по своей специальности.) В нем ощущалось удовлетворение изобретателя, чей эксперимент прошел успешно, а расчет оказался верным. Это убеждало его в том, что он не ошибался и в других своих прогнозах.

Эрлих был человеком иного склада. Все, что я говорил о сдержанности и чувстве меры, в основном, относилось к нему. Можно даже предположить, что его присутствие оказывало на Альтера умиротворяющее и сдерживающее влияние. Он был гораздо старше своего друга, во всяком случае, мне так показалось. Он был более спокойным, более задумчивым, более печальным. Освобождение, казалось, мало его обрадовало. Он вел себя так, как, если бы то, что с ним произошло, имело второстепенное значение, составляло лишь часть чего-то действительно важного.

Люди, выходящие на свободу, ослеплены солнцем. Им кажется, что мир, от которого их отлучили, должен был стать лучше, светлее. В их воображении мир этот населен ангелами, а руководят им мудрецы. Тем большее разочарование приносит пробуждение. Такое заблуждение вполне объяснимо. Им легко заразиться, как тифом во время эпидемии. Человек заболевает с математически предсказуемой вероятностью. Из всех бывших узников, которых я знал, только Альтер и Эрлих не переболели этой болезнью. Ирония заключается в том, что они дольше других польских заключенных просидели в советских тюрьмах — их арестовали еще в сентябре 1939 года. Тем не менее, когда они вернулись в мир, глаза их не были затуманены иллюзиями. Они распра-

шивали обо всем с таким же любопытством, как и все остальные. Альтер, казалось, проверяет, что произошло вопреки его ожиданиям. Иногда происшедшее не соответствовало тому, что он воображал в четырех стенах камеры. В таких случаях его мозг математика пытался разобраться, в чем он ошибся, чтобы не повторять подобных ошибок в будущем. Лицо внимательно слушающего Эрлиха как бы говорило: "Действительно дело обстоит таким образом, и трудно было ожидать, что будет лучше; могло быть и хуже". Действительно ли эти два человека, находясь в тюремной изоляции, были совершенно отрезаны от мира? По-видимому, нет. Один своим проницательным умом талмудиста, ученого, математика, логика, марксиста предвидел последствия событий, которым был свидетелем или о которых узнавал — пусть в искаженном виде — по слухам, проникавшим через стены тюрьмы. Другой все это чувствовал. Для Альтера было мало сюрпризов, для Эрлиха их не существовало вавсе.

Позднее я беседовал с одним католическим священником, человеком большого ума и высокой нравственности. Он сидел одно время в одной камере с Эрлихом и Альтером. Время было тяжелое: пала Франция, поражение Англии казалось неминуемым, Советский Союз захватил прибалтийские страны. Священник вспоминал о днях, проведенных с этими двумя еврейскими социалистами:

"Они держались великолепно, невероятно. Я не понимал, как эти два человека мог-

ли так вести себя, не имея моральной поддержки религии”.

Гораздо позднее, уже в Куйбышеве, я пошел в театр с Иозефом Чапским,⁵ человеком с силой духа святого Франциска Ассизского и манерами аристократа эпохи Просвещения. Он считал советский театр средоточием всего, что осталось от старой русской культуры. Действительно, публика была совершенно не похожа на типичную советскую толпу.

— Посмотрите, — сказал Чапский, — на того мужчину у входа. Это, безусловно, человек старого времени.

Я посмотрел. Острый глаз Чапского, художника и светского человека, распознал пришельца из доброго старого времени в Генрихе Эрлихе, председателе Исполнительного Комитета Бунда. Эрлих стоял на пороге театрального зала, как будто немного сконфуженный, отчужденный, глубоко погруженный в свои мысли. Он был все в том же плохо сшитом костюме из дешевого материала, но носил его со спокойным достоинством. Такие лица можно увидеть на групповых снимках социалистических съездов конца девятнадцатого века, съезда в Брюсселе, Цюрихе или Лондоне.

Допросы в советских тюрьмах чем-то напоминают средневековые религиозные диспуты. Следователь выступает не только как политический инквизитор, но и как идеологический полемист. В современном судопроизводстве осуждение основывается на доказательстве вины обвиняемо-

го, а не на его признании. Но в судилищах инквизиции, как известно, признанию отводилась важная роль, отсюда применение пытки как наиболее действенного способа вырвать признание. Советский процесс преследует ту же цель — "убедить" подсудимого или, по меньшей мере, выиграть диспут. Допрашивающий должен быть искусным спорщиком. Для заурядного советского следователя дискуссии с Эрлихом или Альтером превращались в турнир начинающего шахматиста с гроссмейстерами. Следователь попадал в безвыходное положение: он должен был либо признать абсурдность своей позиции, либо ошибки Сталина.

Советская карательная система напоминала тюрьмы времен религиозных войн еще в одном отношении: она с особой яростью обрушивалась на инакомыслящих. Общеизвестно, что испанская инквизиция сравнительно мягко обращалась с язычниками-ацтеками, мусульманами-арабами и даже с раскольниками-славянами, но с величайшей яростью обрушивалась на протестантов, порвавших с римской церковью, и особенно на недавних или тайных отступников. Поляки, полагавшие, что главными жертвами советских репрессий станут аристократы, помещики, священники, фашиствующие политики и банкиры, были поражены, узнав, что первыми арестовывали и последними освобождали сторонников левых движений. Самая страшная судьба ожидала "отступников", а бундовцев считали отступниками.

Москва неизмеримо больше знала об Альтере и Эрлихе, чем о польских графах, полковниках

Пилсудского или правых польских националистах. Смею утверждать, что, с точки зрения Москвы, все они были совершенно безвредны, скорее даже полезны. Желая показать, что Польша была феодальной страной, большевикам достаточно было назвать Радзивилла.⁶ Пытаясь доказать, что Польшей управляла военная хунта, упоминали Славека.⁷ Подчеркивая мелкобуржуазный характер Польши, просто называли Дмовского.⁸ Никто не ожидал, что политические сторонники князя Радзивилла станут коммунистами, тем более этого нельзя было ожидать от консервативно настроенной части студенчества, армейских офицеров или лавочников, придерживающихся правых взглядов. С другой стороны, массы еврейского пролетариата в Польше и во всем мире рассматривались Москвой как потенциальная собственность, как резерв, из которого ежегодно можно было набирать рекрутов для пополнения армии коммунистов. Отвлекать таких рекрутов было преступлением, а Эрлих и Альтер занимались именно этим. Они сумели разъяснить еврейским рабочим, что заря, занимающаяся на востоке, не является зарей подлинного социализма, и что люди, пришедшие после Ленина, сомкнутся с фашистами. Не удивительно, что с советской точки зрения Альтер и Эрлих стали бы самыми опасными людьми в Польше, даже если бы они не опубликовали в газетах, читавшихся еврейскими рабочими массами как Священное Писание, яркий обвинительный документ, начинавшийся возгласом "Измена!". Это произошло в день после заключения пакта Мо-

лотова — Риббентропа и накануне 1 сентября 1939 года.

Вскоре после освобождения Эрлиха и Альтера о них стали ходить всевозможные слухи, причем распространялись они не только Советами. Некоторые посетители посольства, люди дружелюбные и доброжелательные, как бы мимоходом спрашивали:

— Хорошо ли, что Альтер и Эрлих много беседуют с англичанами и американцами? Вчера кто-то видел их с корреспондентом X.

— Правда ли, что они встречались с дипломатом У ?

Не знаю, как отвечали на эти без конца повторяющиеся вопросы другие сотрудники посольства, но, думаю, реакция обычно была примерно такой:

— Не знаю, хорошо это или плохо. У нас нет ни возможности ни права указывать нашим гражданам, с кем они могут или не могут беседовать. У нас не тоталитарное государство.

— Встречались ли они с послом У ? Мы не знаем! Должны ли мы знать об этом? Разве у нас полицейское государство?..

Это, в свою очередь, вызывало снисходительную улыбку на лице посетителя, сопровождавшуюся замечанием:

— Что ж, НКВД все знает.

— Да, но мы не НКВД.

Все еще с улыбкой:

— Не нужно так презрительно относиться к НКВД. В известном смысле это весьма разумно

устроенное учреждение. Следует лишь правильно использовать его.

Во фразе слышалась недоговоренность, но смысл ее запоминался надолго. Я вспоминаю, как Броневский и Альтер предсказывали, что люди, побывавшие в России, никогда не станут энтузиастами колхозной системы, поклонниками пятилетних планов или пропагандистами магнитогорского опыта, но их отношение к НКВД столь однозначным не будет. Советская экономическая система не вызывает у них восхищения, но они вполне способны увезти домой некоторые методы советской системы подавления.

Между тем, Альтер и Эрлих действительно часто беседовали с иностранцами. В этом отношении они вели себя подобно многим полякам, вышедшим из лагерей. Иностранцы сами настойчиво искали их общества. Иностранец в России видит очень мало, а тут впервые предоставлялась возможность поговорить с людьми, вышедшими из Бутырской или Лубянской тюрьмы, пережившими смертные приговоры. Люди эти составляли большую и весьма колоритную группу. Среди них были такие великолепные генералы как Андерс, знаменитый своими глобальными военными планами и расчетами, интересные собеседники, политики, писатели, религиозные деятели. Но по интеллекту Альтер и Эрлих возвышались над всеми в этой группе. Пусть они не говорили по-английски так хорошо, как некоторые другие, но по духу их английский язык был языком двадцатого, а не восемнадцатого века. Квентин Рейнольдс, Филип Джордан, лучшие корреспон-

денты, представлявшие крупнейшие информационные агентства и самые авторитетные газеты, считали их наименее экзотическими и наиболее надежными свидетелями событий.

Нападки доброхотов не прекращались:

— Что они рассказывают этому англичанину о Львове или Вильно?

— Вероятно, то же, что они говорили и в Польше.

— Хорошенькое дело! А знаете ли вы, что Бунд был очень близок к большевистской партии?

— Не потому ли руководителей Бунда так быстро арестовали?

— О, мы прекрасно понимаем ...

[В таких разговорах, как известно, находит последнее прибежище злоба — качество, в котором у нас никогда не бывает недостатка.]

Когда через несколько недель я посетил наши военные лагеря, оказалось, что то, о чем перешептывались в посольских кругах, здесь обсуждалось открыто. Один выдающийся деятель сказал мне прямо:

— Видите ли, мы все глубоко уважаем профессора Кота,⁹ но кое-что в его поведении просто недопустимо. Я говорю о влиянии, которое имеют на него эти двое, Альтер и Эрлих. Это — совершенно чуждое влияние международного еврейства. Эти люди не должны входить в окружение польского посла.

— Да они и не входят.

— О, я знаю, о чем говорю.

— А что, если бы и входили?

— Что вы хотите этим сказать?

— Посол, — пытаюсь объяснить я, — представляет страну, которую населяют не только граждане польской национальности. В Польше, особенно в восточных областях, живут и другие народности.

— Жаль, что вы не видели, как эти народности вели себя после 17 сентября.

— Да, я этого не видел, но мы считаем, что любой нелойяльный акт отражает поведение лишь отдельных личностей. Руководители сильнейшего и самого радикального движения среди еврейского меньшинства своим поведением доказали, что они лойяльные граждане Польши. И, по-моему, именно это мы и должны неустанно подчеркивать.

Начались нападки и с другой стороны. На сей раз они не были следствием недопонимания. Слухи об антисемитских инцидентах в польской армии быстро доходили до Куйбышева, а их отзвуки — до представителей Запада, сотрудников посольств и журналистов. Поляки, которыми восхищались, когда они, выйдя из советских тюрем и лагерей, готовы были выступить с оружием в руках на стороне своих тюремщиков, теперь изображались как неисправимые антисемиты. Мы теряли столь важные для нас в ту пору симпатии Запада.

Альтер и Эрлих знали обо всем и болезненно это переживали. Они полагали, что наши власти не делают все, что в их силах, чтобы прекратить нападки на евреев. Но они готовы были восполь-

зоваться доверием, завоеванным ими среди мало-численной колонии иностранцев в заштатном городе на Волге, чтобы представить ситуацию в должной перспективе и определить подлинные размеры проблемы. Они были убеждены, что здесь поработали какие-то чуждые элементы, которых не устраивало присутствие представителей национальных меньшинств Польши в польской армии. Как-никак осенью 1939 года было объявлено, что эти меньшинства отрекаются от Польши. А теперь на глазах у иностранцев евреи и украинцы вливались в польскую армию, формирующуюся на советской земле. Не было ли это самым красноречивым плебисцитом?

— Поймите, — говорил Альтер, то, что князь Сапеха объявляет представителю мирового общественного мнения о своем желании видеть город Вильно в составе Польши, не производит большого впечатления. В конце концов князь Сапеха — польский помещик, у него леса и земли под Вильно. Но у меня нет земли под Вильно, я — не князь. Я даже не поляк. Я — еврей и социалист, у меня репутация левого социалиста. И если я, руководитель еврейских рабочих, голосую за Польшу, резонанс получается иной, чем от заявлений местного помещика или местного прокурора. Никого не убедишь, что этнически это польская земля или что евреи и украинцы не имеют права голоса в решении ее судьбы.

Я все это понимал, но, как видно, многие не понимали. Часто усилия Альтера и Эрлиха к примирению наталкивались на глухую стену, но они не прекращали опровергать неблагоприятные слу-

хи, которые каким-то странным образом непрерывно бомбардировали иностранцев. Активность их возрастала, контакты с Западом становились все теснее. Они готовились стать корреспондентами влиятельной газеты еврейскии рабочих в США.¹⁰

Возможно, именно та черта, которая производила столь сильное впечатление на всех иностранцев, встречавшихся с Эрлихом и Альтером, явилась причиной их гибели. Они действительно были сынами девятнадцатого века, социал-демократами типа Каутского, Жореса, Либкнехта, Вандервельде, обогащенными опытом нашего времени, но сформированными той эпохой. Их социализм был свобододолюбивым, а не тоталитарным, их революция была революцией баррикад, а не революцией ГПУ. Их идеи, слова, доводы и их идеалы, симпатии и антипатии глубоко коренились в моральной атмосфере Запада. В странах Восточной Европы эти ценности, как видно, унесло ветром.

Те, кому эти люди мешали больше всего, отреагировали быстрее остальных. Однажды ночью, в ресторане куйбышевской гостиницы Альтера вызвали к телефону. Он вернулся через минуту, оживленный, как всегда готовый к спору, к полемике. Он сказал другу:

— Нас ждут.

Они вышли в темноту декабрьской русской ночи. И больше не возвратились ...

Примечания

- ¹ Настоящая статья переведена с небольшими сокращениями из издававшегося в Лондоне польского эмиграционного журнала "Новая Польша" от 25 апреля 1943 года. Автор, выдающийся публицист и эссеист, умеренно консервативного направления, был в то время пресс-атташе при польском посольстве в Советском Союзе.
- ² Крупнейший польский поэт левых убеждений. Как и Прушинский, осенью 1941 года работал в польском посольстве в СССР.
- ³ Крайне правое крыло сионизма, известное, между прочим, своими военизированными организациями.
- ⁴ Местечки в центральной и восточной Польше с преобладающим еврейским населением. Пренебрежительная оценка Бунда отражает предубеждения Прушинского, характерные для его среды.
- ⁵ Известный польский художник и эссеист.
- ⁶ Князь Радзивилл был могущественным магнатом в восточной Польше.
- ⁷ Валерий Славек, один из "полковников Пилсудского", возглавлял последнее предвоенное правительство Польши.
- ⁸ Основатель и идеолог Национально-демократической партии, национализм которой — с явным налетом антисемитизма — привлекал мелкобуржуазные слои Польши.

- ⁹ Профессор Станислав Кот, либеральный политик и выдающийся историк культуры, был в то время польским послом в Советском Союзе.
- ¹⁰ Ссылка на издававшуюся в Нью-Йорке газету Jewish Daily Forward.